

ISSN 2782-6627

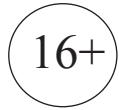

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

АЛТАИСТИКА ALTAISTICS

№ 2 (17)
2025

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

2 (17) 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н.

Заместитель главного редактора, редактор серии: *Г. Г. Торотов*, к. филол. н.

Выпускающий редактор *Л. Е. Манчурина*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии:

Ан Сан Чоль, PhD, директор Института имени короля Седжона в г. Якутске, Корея (по согласованию); *К. Ж. Айдарбек*, д. филол. н., ассоциированный проф. кафедры казахского и русского языков, Казахский Национальный Аграрный исследовательский университет, Казахстан (по согласованию); *И. Е. Алексеев*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Н. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Политехнического института (филиала) СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Ф. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *М. В. Бавуу-Сюрюн*, д. филол. н., проф. кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *Нь. С. уола Багдарыын*, к. филол. н., н. с. ИГиИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. Н. Варламов*, д. ф. н., н. с. ИГиИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. А. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *С. П. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. Л. Габышева*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Н. И. Данилова*, д. филол. н., гл. н. с. ИГиИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *П. П. Дашиинимаева*, д. филол. н., проф. Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *Л. С. Ефимова*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *О. С. Жубаева*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета имени Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *А. Д. Каксин*, д. филол. н., в. н. с. Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Канг Дуксу*, PhD, Институт российских исследований, Университет иностранных языков «Хангук», Корея (по согласованию); *Г. Килли Йылмаз*, PhD, проф. Анкарского университета, факультета языков, истории и географии, Турция (по согласованию); *В. Д. Монастырев*, к. филол. н., в. н. с. ИГиИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *В. Н. Мушаев*, д. филол. н., проф., зав. кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого госуниверситета им. Б.Б. Городовикова, Россия (по согласованию); *А. А. Находкина*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Б. Ч. Ооржак*, д. филол. н., в. н. с. НОЦ «Тюркология» Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *А. Б. Салкынбай*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *М. Д. Чертыкова*, д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Л. А. Шамина*, д. филол. н., гл. н. с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия (по согласованию); *С. И. Шарина*, к. филол. н., в. н. с. ИГиИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию)

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 219

Тел.: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет <https://altaisticsvfu.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

Scholarly journal
Online periodical
Published since 2021
Published 4 times a year

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education
“M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

2 (17) 2025

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *G. G. Filippov*, Doctor of Philological Sciences
Deputy Editor-in-Chief: *G. G. Torotoev*, Candidate of Philological Sciences
Commissioning Editor: *L. E. Manchurina*, Candidate of Philological Sciences

Editorial Team of the Series:

Ahn Sang-Cheol, PhD, Director, Sejong Institute in Yakutsk, Korea (on agreement); *K. J. Aidarbek*, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, Kazakh National Agrarian Research Institute, Kazakhstan (on agreement); *I. E. Alekseev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. N. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Polytechnic Institute (branch), M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. F. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *M. V. Bavuu-Surun*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuva University, Russia (on agreement); *N. S. uola Bagdaryyn*, Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia (on agreement); *A. N. Varlamov*, Doctor of Philological Sciences, researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *A. A. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *S. P. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. L. Gabysheva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *N. I. Danilova*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *P. P. Dashinimaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *L. S. Efimova*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *O. S. Zhubaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *A. D. Kaksin*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *Kang Duck-soo*, PhD, Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Korea (on agreement); *G. Killi Yilmaz*, PhD, Professor, Faculty of Languages, History and Geography, Ankara University, Turkey (on agreement); *V. D. Monastyrev*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *V. N. Mushaev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Kalmyk Language, Mongol Studies and Altaics, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russia (on agreement); *A. A. Nakhodkina*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *B. Ch. Oorzhak*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Turkic Studies Center, Tuva University, Russia (on agreement); *A. B. Salkynbai*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *M. D. Chertykova*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Institute of Humanities Research and Sayan-Altai Turkic Studies, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *L. A. Shamina*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, Department of Languages of people of the North, Institute of Philology, SB RAS (on agreement); *S. I. Sharina*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement)

Address of the founder and publisher: 677000, Yakutsk, ul, Belinskogo, 58

Address of the editorial office: 677000, Yakutsk, ul, Kulakovskogo, 42, office 219

Phone: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

North-Eastern Federal University <https://altaisticsvfu.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© The North-Eastern Federal University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Сорова И. Н., Заровняева С. А. Особенности языка якутских свадебных алгысов 5

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Руфова Е. С. Соматические фразеологические единицы японского и якутского языков:
сопоставительный аспект 15

ИССЛЕДОВАНИЕ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ

Винокурова А. А., Колесова Н. И. Цветовой эпитет в эвенской литературе:
особенности семантики 27

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Васильева А. А., Бурцева О. В. Анализ ошибок машинного перевода текстов
разных жанров в паре «русский и якутский языки» 39

Разумовская В. А. Этноперевод в пространстве современного переводоведения:
текущая ситуация и перспективы 53

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

Шарина А. А., Стручкова В. С., Сивцева Н. А., Иванова С. В., Андросова М. А.
Передача культурных кодов при переводе исторического романа В.С. Яковлева-Далан
«Тыгын Дархан» на русский язык 61

ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ

Сивцева Н. А. Биобиблиографический указатель, посвященный доктору
филологических наук Николаю Николаевичу Ефремову 74

Сивцева Н. С. Присвоение имени Степана Константиновича Колодезника
кабинету якутского языка и литературы 80

CONTENT

STUDY OF TURKIC LLANGUAGES

Sorova I. N., Zarovnyaeva S. A. Features of the language of the Yakut wedding Algys5

COMPARATIVE STUDY

Rufova E. S. Somatic phrases of the Japanese and Yakut languages: A comparative aspect15

STUDY OF THE TUNGUSIC-MANCHU LLANGUAGES

Vinokurova A. A., Kolesova N. I. Color epithet in Even literature: semantic features27

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

Vasilieva A.A., Burtseva O.V. Analyzing machine translation errors in texts of different genres in the Yakut-Russian language pair39

Razumovskaya V. A. Ethnic translation in the space of modern Translation Studies: current situation and perspectives53

LANGUAGES AND CULTURES OF THE PEOPLES OF THE ALTAIC LANGUAGE FAMILY

Sharina A. A., Struchkova V. S., Sivtseva N. A., Ivanova S. V., Androsova M. A. The transfer of cultural codes during the translation of Vasily Yakovlev's historical novel "Tygyn Darkhan" into Russian61

ANNIVERSARIES, DATES, EVENTS

Sivtseva N. A. The biobibliographic index dedicated to Doctor of Philological Sciences Nikolai N. Efremov74

Sivtseva N. S. Giving the name of Stepan Konstantinovich Kolodeznikov to the class of the Yakut language and literature80

— ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ —

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-5-14>*Оригинальная научная статья*

Особенности языка якутских свадебных алгысов

И. Н. Сорова✉, С. А. ЗаровняеваСеверо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉isorova@mail.ru

Аннотация

Якутское устное народное творчество отражает историю, культуру и философию народа саха. Изучение его словесной структуры способствует познанию многих явлений, присущих языку народа. Так, на современном этапе развития якутского языкознания одной из актуальных задач является исследование языка жанров якутского устного народного творчества, в частности, обрядовой поэзии. Свадебный алгыс (благопожелание) – уникальный архаичный пласт фольклора якутов, добрые пожелания родных, близких молодым супругам. Изучение его лексических и морфологических особенностей определяет характерные черты выразительной устной поэтической речи, которая отражает свадебную культуру народа саха. Целью исследования является изучение особенностей языка свадебных алгысов. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: рассмотреть классификацию обрядовой поэзии якутов; выявить особенности свадебного алгыса как разновидности алгыса; исследовать лексические и морфологические особенности якутских свадебных алгысов. В ходе работы применена комплексная лингвистическая методика, включающая описательный, структурный, статистический методы. Материалом исследования являются тексты свадебных алгысов из научного издания «Обрядовая поэзия саха (якутов)» (2003). Выявлены такие лексические и морфологические особенности якутских свадебных алгысов: характерные формульные выражения, парные слова, архаическая лексика, иносказания, синонимы и антонимы в ритмико-синтаксических параллелизмах, глаголы в повелительном наклонении, междометия, выражающие эмоционально-волевые реакции. Научная новизна работы состоит в том, что изучение особенностей языка свадебных алгысов ранее не было предметом специального изучения и впервые проанализировано в лексическом и морфологическом аспекте. Основные положения и результаты работы могут быть использованы при дальнейших исследованиях особенностей языка других разновидностей алгыса, а также других жанров якутского устного народного творчества. Практическая часть исследования может быть применена при преподавании лексики и морфологии якутского языка, а также спецкурса по языку фольклора, на занятиях по филологическому анализу художественного текста.

Ключевые слова: алгыс, лексические и морфологические особенности, формульные элементы, парные слова, архаизм, иносказания, ритмико-синтаксический параллелизм, синоним, антоним, глаголы.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Сорова И. Н., Заровняева С. А. Особенности языка якутских свадебных алгысов. *Алтаистика. Altaistics*. 2025, № 2 (17), С. 5-14. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-5-14>

Features of the language of the Yakut wedding Algys

Irina N. Sorova✉, Sibekki A. Zarovnyaeva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉isorova@mail.ru

Abstract

Yakut oral folk art reflects the history, culture and philosophy of the Sakha people. The study of its verbal structure contributes to the knowledge of many phenomena inherent in the language of the people. Thus, at the present stage of development of Yakut linguistics, one of the urgent tasks is to study the language of genres of Yakut oral folk art, in particular, ritual poetry. Wedding algys (benevolence) is a unique archaic layer of Yakut folklore, good wishes from relatives and friends to young spouses. The study of its lexical and morphological features determines the characteristic features of expressive oral poetic speech, which reflects the wedding culture of the Sakha people. The purpose of the study is to study the features of the language of wedding algys. To achieve this goal, the following tasks are being solved: to consider the classification of Yakut ritual poetry; to identify the features of wedding algys as a variety of algys; to explore the lexical and morphological features of Yakut wedding algys. In the course of the work, a comprehensive linguistic methodology was applied, including descriptive, structural, and statistical methods. The research material is the texts of wedding algys from the scientific publication «Ritual Poetry of the Sakha (Yakuts)» (2003). The following lexical and morphological features of Yakut wedding algys have been identified: characteristic formulaic expressions, paired words, archaic vocabulary, allegories, synonyms and antonyms in rhythmic and syntactic parallelisms, verbs in the imperative mood, interjections expressing emotional and volitional reactions. The scientific novelty of the work lies in the fact that the study of the features of the language of wedding algys has not previously been the subject of special study and has been analyzed for the first time in lexical and morphological aspects. The main provisions and results of the work can be used in further studies of the language features of other varieties of algys, as well as other genres of Yakut oral folk art. The practical part of the research can be applied in teaching vocabulary and morphology of the Yakut language, as well as a special course on the language of folklore, in classes on the philological analysis of literary text.

Keywords: algys, lexical and morphological features, formulaic elements, paired words, archaism, allegories, rhythmic-syntactic parallelism, synonym, antonym, verbs

Funding. The study had not financial support

For citation: Sorova I. N., Zarovnyaeva S. A. Features of the language of the Yakut wedding Algys. *Altaistics*. 2025, No 2 (17), Pp. 5-14. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-5-14>

Введение

Уникальный в своем роде якутский фольклор имеет глубокие и сильные корни. С момента зарождения якутской филологической науки язык произведений фольклора привлекал к себе внимание исследователей. В 1989 г. П. А. Слепцовым впервые были выдвинуты наиболее важные актуальные проблемы лингвофольклористики как нового направления лингвистических исследований, лежащих на стыке смежных наук. Так, в статье «Язык олонхо: лексика, семантика» исследователь дает общую лексико-семантическую характеристику языка олонхо, а также толкование так называемых «темных мест» фольклорной лексики [1].

Алгыс – это благословение, благопожелание и традиционная обрядовая культура якутов. Алгысами якуты обозначали различные виды произведений обрядовой поэзии: благопожелания, благословения, молитвы, заговоры, заклинания и гимны [2]. Алгыс является молитвенным обращением к духам и богам. В нём сохранились традиционные формы ритуально-интонационного поведения.

В научный оборот вопрос об изучении алгыса как жанра якутского фольклора первым ввел Г. У. Эргис. Он на основе собранных материалов разделяет якутскую обрядовую

поэзию на следующие группы: скотоводческие, промысловые, обряды и алгысы кузнецов, семейно-бытовые и родовые [3]. В. А. Кондаков в свою очередь выделяет такие виды алгысов: 1) алгысы, посвященные Верхним Божествам; 2) алгысы, посвященные земным божествам; 3) алгысы ысыаха; 4) алгысы, посвященные дому; 5) свадебные алгысы; 6) алгысы, посвященные людям; 7) алгысы, посвященные детям [4]. Классификация Л. С. Ефимовой основана на мифологических представлениях, религиозных воззрениях якутов и представлена следующим образом: алгысы ыһыаха айыы, утилитарные алгысы, алгысы шаманских обрядов, удаганские алгысы, алгысы военных обрядов, алгысы культа кузнецов. Свадебные алгысы Л. С. Ефимова относит к утилитарным алгысам [5].

Подробная классификация свадебных алгысов представлена в работе О. Н. Дмитриевой «Свадебные алгысы якутов: структура, поэтика, лексика». Исследователь выделяет семь видов свадебных алгысов, которые основаны на принципе функциональности: алгыс при угощении духа огня, алгыс невесты перед отправлением в свадебный путь, алгыс родителей невесты, родственников, алгыс невесты в пути с угощением духа-хозяйки земли, алгыс у коновязи, алгыс при зажигании огня на очаге нового дома, алгыс сватов [2].

Лексические и морфологические особенности якутских свадебных алгысов

Свадебные алгысы занимают особое место в обрядовой поэзии якутов. Как отмечает Л. С. Ефимова, сам процесс свадебной группы обрядов состоял из двух основных обрядовых действий. Первое – проводы невесты из родного очага. Второе – встреча свадебного поезда на родине жениха. Все эти значимые действия сопровождались соответствующими алгысами. Композиция свадебных алгысов имела три составные части: обращения, просьбу и угощение. Содержание свадебных обрядов несло напутственный характер, в них выражались добрые пожелания, чаяния родных и близких [5]. И поэтому свадебные алгысы имеют свои специфические языковые особенности.

В свадебных алгысах встречаются такие характерные формульные выражения, относящиеся к домашнему очагу, потомству, как *алаһа дьиэ* 'родной дом, родная обитель, родной очаг', *алтан сэргэ* 'золотая коновязь', *аал уот* 'священный огонь', *кэтит тиэргэн* букв. 'обширный двор', *тобой сэлэ* букв. 'крепкая веревка для телят и жеребят', *иитэр сүөһү* 'богатство – скот' [5], *төрөтөр оьо* 'потомство', *кэтит кэскил* 'прочное счастье'. Эти выражения прослеживаются во всех свадебных алгысах. Например:

<i>Аал уоту отуннум,</i>	Священный огонь я разожгла,
<i>Алтан сэргэ астым,</i>	Золотую коновязь поставила,
<i>Ыал тэрийдим,</i>	Семью я создала,
<i>Ыччат көрдөстүм,</i>	Дитя заказала,
<i>Ыра тэрийдим...</i>	Будущее обосновала...

Ходоёй алгыһа

(Благословение сваты со стороны невесты) [6, с. 238].

В языке фольклора характерны парные слова, являющиеся особым пластом экспрессивной лексики. В свадебных алгысах отмечаются парные сочетания, состоящие из двух полнозначных слов: сочетание синонимов: *ойуу-бичик* (букв. имеющий рисунок-узор), *уйгу-бийан* (букв. изобилие-богатство), *дьол-соргу* (букв. счастье-благополучие); сочетание антонимов: *ол-бу* (букв. тот-этот), *илин-кэлин* (букв. спереди-сзади), *уол-кыыс* (букв. девочка-мальчик); сочетание слов с собирательно-обобщающим значением: *от-мас* (букв. трава-дерево); парное сочетание, в котором второй компонент не имеет отдельного значения и употребления: *кэри-кэрки*; парное звукоподражательное сочетание, в котором оба компонента в отдельности не употребляются: *эрэкэ-дьэрэкэ*, *уол-чуол*. Во всех парных словах второй компонент придает семантике усилительные оттенки значения. Например,

*Уол-кыыс оболоох**Убаастанар ыал буолун!**Эппиттэрин биир тыллаахтар**этиилэрин**Эккэ-хаанга ингэринин!...*

Имеющей сыновей-дочерей

Уважаемой большой семьей будьте!

Все, что сказали серьезные люди,

В душу-тело впитайте!

Аныгы уруу алгыһа

(Благопожелание на современной свадьбе) [6, с. 272].

Следует отметить, в свадебных алгысах, как и в других алгысах, прослеживаются парные глаголы, используемые при кормлении духа огня *аһаа-сиэ* (букв. ешь-кушай), *аһаа-тангын* (букв. ешь-одевайся), имена существительные, передающие пожелания блага – *уруй-айхал* (букв. слава-слава), *уруй-туску* (букв. слава-благо), *айхал-мичил* (букв. слава-радость).

*Уой, бүүбэкээм,**Уруй-айхал буоллун,**Бырастыкай буоллун!*

Ой, моя милая,

Да будет слава и счастье,

Да будет «прощай» навсегда!

Сүктэр дыахтар ийэтин алгыһа

(Благословение матери невесты) [6, с. 230].

Язык алгыса отличается большей архаичностью. Так, в свадебных алгысах прослеживаются такие лексико-семантические группы, связанные с семейным бытом и относящиеся к архаической лексике:

1) термины родства и свойства: *ходоҕой* ‘мать и любая родственница жены (по отношению к родственникам мужа)’ [7, XIII 501], *бэргэн* ‘жена старшего брата (по отношению к жене младшего брата)’ [8, II 863], *түгүр* ‘сват (отец жены по отношению к отцу мужа, также родство между родственниками по мужской линии)’ [7, XI 260], *ини* ‘младший родственник по отцу: а) родной брат, б) двоюродный брат, в) троюродный брат, г) племянник, д) двоюродный племянник’ [9, I 940], *сурус* ‘младший брат (по отношению к старшей сестре)’ [7, XI 184];

2) названия пищи: *көйүү кымыс* ‘крепкий, отстоянный кумыс’ [9, I 1132], *саамал кымыс* ‘уже дошедший до кондиции, постепенно сливаемый в большой сосуд для смешивания и охлаждения; лучшего качества (кумыс)’ [7, VIII 77], *саламаат* ‘густая каша из ячменной (редко ржаной или пшеничной) муки, вареная в одном масле’ [9, II 2040]. Например:

*Көйүү кымыһы**Көөһүнөөрбүтүнэн бар!**Саамал кымыһы**Саамылаабытынан бар!*

Крепкий кумыс

Ставить начинай!

Свежий кумыс

[Маслом] сдобривать начинай!

Танара аабааччы алгыһа

(Заклинание светлых божеств) [6, с. 248];

3) названия посуды. *Тойон айах* ‘самый большой кубок для кумыса’ [8, I 329]; *чороон айах* ‘большой одноногий кумысовый бокал, вырезанный из толстой березы и вмещающий от 8 до 32 литров жидкости’ [8, I 329]; *ымыйа* ‘большая деревянная чаша, большая посуда для жидкой пищи’ [7, XIV 434]; *кэриэн айах* ‘общее название сосудов для кумыса, изготовленных из гнутого материала так, что его волокна имеют горизонтальное положение’ [8, I 328]; *чабычах* ‘берестяная посуда в виде плоской чаши или широкого таза разной величины, вмещающая от 10 до 20 ф. молока’ [9, III 3546]; *көбүүр* ‘большой кожаный мех или чан для хранения жидкостей’ [9, I 1125]. Например:

*Кэриэн айабы**Кэккэлэппитинэн бар!*

Круговые кумысные кубки

Рядом ставить начинай!

*Ылсыылаах ымыйабын
Ыксалаабытынан бар!*

Одноногие кубки, стянутые ободками,
Теснее ставить начинай!

Танара аабааччы алгыһа

(Заклинание светлых божеств) [6, с. 248];

4) названия одежды: *торбо* ‘шелк, шелковая материя’ [9, III 2737]; *сутуруо* ‘предмет традиционной одежды северных народов из меха или замши, покрывающий ноги от бедра до ступни, привязываемый ремешками (сургунах) к натазникам (сыалдыа) или к ремню, наколенники’ [7, IX 195]; *хаппар* ‘женская сумочка (кошелек, кисет, мешочек) из ровдуги или красного сукна, вышитая шелком, иногда серебряными бляхами, унизанная разноцветным бисером, иногда с бахромой из того же бисера, подвязываемая к поясу взамен кармана, для хранения мелочей’ [9, III 3318]; *куруму* ‘высокие торбасы обычно из оленьих лапок (значительно выше колен)’ [7, V 93]; *оноолоох сон* ‘кафтан с разрезом позади’ [9, II 2278];

5) термины свадебного обряда: *сүгүннэри* от *сүгүннэр* ‘приводить в дом невесту (о женихе)’ [7, IX 228]; *сулуу* ‘калым, цена за невесту (плата от жениха за невесту), основная часть калыма живым скотом’ [9, II 2331]; *суорумньу* ‘сват, сваха’ [7, IX 152]; *сүктэр кыыс* ‘девушка, вступающая в брак, невеста’ [7, IX 240].

Одной из характерных черт языка свадебных алгысов является насыщенность лексики иносказаниями. В алгысах не употребляются слова с отрицательными значениями, и поэтому злых духов, болезни и невзгоды не называли по их основным наименованиям, а использовали иносказания. В напутствиях и благопожеланиях встречаются следующие строчки:

*Туораттан сытыы тыллаах
Сынтарыппатын,
Уоттаах харахтаах
утары көрбөтүн.*

Чужой стороны остроязыкий
Пусть не оговорит,
Огненноглазый
Пусть не сглазит [вас].

Кийиит аҕатын алгыһа

(Алгыс-благословение отца невесты) [6, с. 226].

Под словосочетанием *уоттаах харахтаах* ‘имеющий горящие глаза’ подразумеваются злые духи, по верованиям якутов злые духи невидимы, но иногда их глаза заметны в виде горящих точек.

Вместо слова невеста в алгысах используются образные выражения *таас уллунах* ‘каменностопая’ и *туос уллунах* ‘берестостопая’:

*Тас өттүбүтүттэн
Таас уллунах киирдэ диэннит
Таһарахсыта саныыр буолаайабыт!
Туора өттүбүтүттэн
Туос уллунах киирдэ диэннит
Туохаһыйа саныыр буолаайабыт!*

Считая, что с иной стороны
Вошла к вам каменностопая, –
Не вздумайте оттолкнуть ее!
Считая, что с чужой стороны
Вошла к вам берестостопая, –
Не вздумайте пренебрегать ею!

Урууга уот оттор алгыс

(Благословение при разжигании огня на свадьбе) [6, с. 234].

В алгысе-благословении при разжигании огня на свадьбе встречаются такие фразовые иносказания:

*Алаһа дьыэни ахталыта,
Үрүн дьыэни үрээччилии,
Хара дьыэни харааччылыы,
Иэримэ дьыэни иччилии...*

Обустроить обширный дом,
Украсить белый дом [для хозяев],
Устроить черный дом [для прислуги],
Стать хозяйкой уютного дома...

Урууга уот оттор алгыс

(Благословение при разжигании огня на свадьбе) [6, с. 236].

В приведенном примере образное иносказание *Үрүг дьизни үрээчилиш, Хара дьизни харааччылы* ‘белый дом заселить бабочками, в черный дом поселить ласточек’ означает, что невеста приехала обустроить благосклонный дом, стать хозяйкой счастливого дома.

Как отмечает П. А. Слепцов, основным и наиболее универсальным свойством языка устной поэзии по справедливости считается насыщенность стереотипными, типовыми формульными элементами [10]. Так, в свадебных алгысах употребляются общефольклорные формулы, построенные на основе закона гармонии гласных и аллитерации, типа:

Хаалдьыктаах бэйэбит
Ханкыйан эрэбит,
Хоолдьуктаах бэйэбит
Хонкуйан эрэбит,
Куонньардаах бэйэбит
Куоҕайан эрэбит,
Тонобостоох бэйэбит
Токуйан эрэбит,
Иэччэхтээх бэйэбит
Имилэн эрэбит,
Сүһүөхтээх бэйэбит
Сүгүрүэн эрэбит...

Мы, первый шейный позвонок имеющие,
 Начинаем кланяться,
 Мы, гнушюся шею имеющие,
 Начинаем склонять голову,
 Мы, второй шейный позвонок имеющие,
 Начинаем клниться долу,
 Мы, спинные позвонки имеющие,
 Начинаем покорно гнуться,
 Мы, бедренные суставы имеющие,
 Начинаем сгибаться,
 Мы, коленные суставы имеющие,
 Начинаем преклонять колени...

Болугур Айыыта ходоҕойдообутун туһа
 (О том, как дух Бологрусской шаманки был сватьей) [6, с. 262].

Ааспыт аһатан,
Тонмуту ириэрэн...

Голодного кормя,
 Озябшего согревая...

Сүктэр дьахтар ийэтин алгыһа
 (Благословение матери невесты) [6, с. 228].

Ритмико-синтаксические параллелизмы составляют основу якутской фольклорной стихотворной речи. Это особенность фольклорного синтаксиса «делает язык фольклора красочным, художественно организованным, образно целостным, а стиль высоким, поэтическим или торжественно-эпическим» [11, с. 120]. Свадебный алгыс богато оснащен синонимическими параллелизмами, которые, представляя собой различные аллитерационно-сингармонические вариации, с большой выразительной силой раскрывают и углубляют определенную мысль. Например:

Холонсолоох хотону
Биһиги уһата
Тоһуйдахпыт буоллун!
Дьаардаах тиэргэни
Биһиги тэнитэ
Күүттэхпит буоллун!
Кунан оһуһу
Биһиги айаатата
Тоһуйдахпыт буоллун!
Сонобос сылгыны
Биһиги кистэтэ
Көһүттэхпит буоллун!..

Чтобы пропитанный запахом скота хлев
 Расширить –
 Мы встретили вас, да будет так!
 Чтобы с острым запахом [скота] двор
 Увеличить –
 Мы вас дождались, да будет так!
 Чтобы четырехтравых бычков
 Заставить гулко реветь –
 Мы встретили вас, да будет так!
 Чтобы трехтравого жеребца
 Заставить ржать –
 Мы вас дождались, да будет так!

Уот саҕааччы алгыһа
 (Закливание человека, высекающего огонь) [6, с. 244].

Отмечаются антитезные параллелизмы, которые, противопоставляя, усиливают образность и выразительность:

*Илин атах бүдүһэ суох,
Кэлин атах тэхтирэ суох
Айаннаа, биэбэкээм!*

Передними ногами не спотыкаясь,
Задними ногами не оступаясь,
Поезжай, мое дитяtko!

Сүктэр дьахтар ийэтин алгыһа

(Благословение матери невесты) [6, с. 226].

Так как в свадебном алгысе основной семантической частью являются просьба, обращенная к божествам, духам-хозяевам, напутствие молодоженам, пожелание благополучия, счастья, часто предикаты выражаются глаголами 2 лица в единственном и множественном числах в повелительном наклонении настоящего времени. Например:

*Улуу дойду киэнэ
Удьурхайдаах хатынга буолан
олохсуй,
Ийэ дойду иэрчэбэ буол,
Ыччат киһи былата буол...*

Для великой страны
Священной березой став,
укоренись,
Для родной страны шарниром стань,
Из молодых самой жизнеспособной
стань...

Аттанарга түнүрэттэр кыыстарын алгыыллара

(Благопожелание невесте перед отправлением) [6, с. 232].

*Дьонноһо кэлбит оҕобутун,
Дьоллоох хонноххутугар*

Породниться приехавшее дитя
Укройте в счастливой своей пазухе

хорҕотун,

*Кэргэннэһэ кэлбит киһигитин
Кэскиллээх киэлигитигэр
киллэринг.*

Подружиться приехавшего человека
Впустите в благословенное свое лоно.

Урууга уот оттор алгыс

(Благословение при разжигании огня на свадьбе) [6, с. 236]

Часто используются глаголы 2 лица в единственном и множественном числах в повелительном наклонении настоящего времени в отрицательной форме. Например:

*Суон үллүгэскин төлөрүтүмэ,
Халын халбангын аһыма,
Хотуттан-собурууттан
Охсор көй салгын тыыннаабы
тохтоотума...*

Не допускай с севера-юга,
Зловредное дыхание имеющих,
Не впускай с востока-запада,
Обманные привычки имеющих...

Кийиит сизэл баайар алгыһа (Закливание невесты при обряде жертвоприношения духу-хозяйке земли жениха) [6, с. 240].

*Абааһы аймаҕа айар
Албастаах суолун аҕалыман,
Көстүбэт улууһа көбүтэр
Көргүн суолун көрдөрүмэнг...*

От сотворенной племенем абаасы
Обманчивой дороги ее отведите,
От проторенной улусом невидимых
Дурной дороги уберегите..

Урууга уот оттор алгыс

(Благословение при разжигании огня на свадьбе) [6, с. 236].

Вспомогательным средством, вносящим в значение повелительного наклонения дополнительные усилительные оттенки, выступают частицы *дээ*, *эрэ*:

*Күн эбэлэрим,
Күүккэйэ көрүмэнг дээ!*

Солнечные мои бабушки,
Не чурайтесь ее – прошу!

Айыы эдьийдэриэм,
Атынгырыы санаамаң дээ!

Тетушки мои айыы,
Не отвергайте ее – прощу!

Урууга уот оттор алгыс

(Благословение при разжигании огня на свадьбе) [6, с. 236].

«Кыый» *диэн эрэ*,
«Кыый» *диэн эрэ*.

Скажите же: «Прочь!»

Скажите же: «Прочь!»

Болугур Айыыта ходоҕойдообутун туһа

(О том, как дух Бологурской шаманки был сватьей) [6, с. 268].

Также употребляются глаголы 2 лица в единственном и множественном числах в повелительном наклонении будущего времени. Например:

Аҕа ууһа буолан *аатыраар*,
Нэстилик буолан *тэнийээр*!

Родоначальницей став, прославясь,

На целый наслег расселись!

Сүктэр дьахтар ийэтин алгыһа

(Благословение матери невесты) [6, с. 230].

Дьэ, бэйэ-бэйэбитин
Хараххыт харатын курдук
Харыстаһан, үөскээн-төрөөн,
Киһи-сүөһү төрдө буолан,
Көрөөрүн, буолаарын эрэ...

Ну, друг друга,

Подобно зеницам своих глаз,

Оберегая, рожая-плодясь,

Людей-скота основателями

Станьте, будьте же...

Кийиит аҕатын алгыһа

(Алгыс-благословение отца невесты) [6, с. 224].

Встречаются глаголы 3 лица в единственном и множественном числах в повелительном наклонении будущего времени. Например:

Өмүрүк муостаах *үөрдээтин*,
Сиэрэй элэмэс *сэллээтин*,
Сиедэрэй кулун *сизттистин*! Красивые жеребята водятся!

Пугливый круторогий скот гуртится,

Серо-пегий скот табунится,

Аныгы уруу алгыһа

(Благопожелание на современной свадьбе) [6, с. 270].

В текстах свадебных алгысов часто употребляется глагол *буоллун* в значении 'пусть будет, да будет'. Например:

Аал уоту
Биһиги отто
кэллэхпит буоллун!
Алаһа дьыэни
Биһиги атара
кэллэхпит буоллун!

Священный огонь

Разжечь мы прибыли,

да будет так!

Уютный дом

Устроить мы прибыли,

да будет так!

Уот саҕааччы алгыһа

(Закливание человека, высекающего огонь) [6, с. 242].

В свадебных алгысах одной из морфологических особенностей являются эмоциональные слова, выражающие чувства, эмоции и психологическое состояние человека во время исполнения алгыса. Например:

...Суу-уй-уойбун...
Дьэ мин барахсан,
Ахталытан ииппит
Алтан уйан...

Оо, как больно...

Мне, бедняжке,

Воспитавшему в неге,

В этом золотом гнезде...

Кийиит аҕатын алгыһа

(Алгыс-благословение отца невесты) [6, с. 220].

*Айыыһыт хотуттар
Айхаллаһа тоһуйдуннар;
һа-һа-һа-һа-һык!
Иэйэхсит хотуттар
Эбэрдэлэһэ тоһуйдуннар,
һэ-һэ-һэ-һэ-һэк!*

Пусть госпожи Айыысыт
Выйдут встречать тебя с благопожеланием,
ха-ха-ха-ха-хыык!
Пусть госпожи Иэйиэхсит
Выйдут встречать тебя с радостью,
хэ-хэ-хэ-хээк!

Тангара аабааччы алгыһа
(Закливание светлых божеств) [6, с. 250].

Заключение

Таким образом, особенностью языка свадебных алгысов является то, что алгысы насыщены характерными формульными выражениями, относящимся к домашнему очагу, потомству; архаизмами, связанными с семейным бытом; парными словами, являющимися особым пластом экспрессивной лексики; образными иносказаниями. Также свадебный алгыс богато оснащен синонимическими и антонимическими параллелизмами, которые с большой выразительной силой раскрывают и углубляют определенную мысль. Выявленные морфологические особенности языка свадебных алгысов (глаголы в повелительном наклонении, междометия, выражающие эмоционально-волевые реакции) раскрывают семантику прошения, умиловивления, просьбы и углубляют значение алгысов.

Литература

1. Слепцов П.А. Язык олонхо: лексика, семантика. *Якутский язык: лексикология, лексикография*. Якутск: Якутский научный центр Сибирского отделения Академии наук СССР; 1989:5-23.
2. Дмитриева О.Н. *Свадебные алгысы якутов: структура, поэтика, лексика*. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет; 2012:129.
3. Эргис Г.У. *Очерки по якутскому фольклору*. Москва: Наука; 1974:402.
4. Кондаков В.А. *Благословения – защитники* (на якутском языке). Якутск: Академия; 2005:100.
5. Ефимова Л.С. *Алгыс саха (якутов) в свете фольклорных традиций тюрко-монгольских народов Сибири: классификация, общая характеристика*. Новосибирск: Наука; 2013:176.
6. Обрядовая поэзия саха (якутов). Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 24. Новосибирск: Наука; 2003:505.
7. Большой толковый словарь якутского языка. Т. IV-XV. Новосибирск: Наука; 2004-2018.
8. Толковый словарь якутского языка. Т. I-III. Новосибирск: Наука; 2004-2006.
9. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Т. I-III. Москва: Академия наук СССР; 1958-1959.
10. Слепцов П.А. *Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм*. Новосибирск: Наука; 1990:273.
11. Манчурина Л.Е. Стилеобразующие конструкции устного поэтического синтаксиса якутских алгысов: Периоды. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*. 2010;7(4):120-125. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17969326> (дата обращения 11.06.2025).

Reference

1. Slepcev P.A. The Olonkho language: vocabulary, semantics. *The Yakut language: lexicology, lexicography*. Yakutsk: Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences; 1989:5-23 (in Russian)
2. Dmitrieva O.N. *Wedding algys of the Yakuts: structure, poetics, vocabulary*. Yakutsk: North-Eastern Federal University; 2012:129 (in Russian)
3. Ergis G.U. *Essays on Yakut folklore*. Moscow: Nauka; 1974:402 (in Russian)
4. Kondakov V.A. *The blessing – defenders*. Yakutsk: Academy; 2005:100 (in Yakut)
5. Efimova L.S. *Algys Sakha (Yakut) in the light of folklore traditions of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia: classification, general characteristics*. Novosibirsk: Nauka; 2013:176 (in Russian)

6. Ritual poetry of the Sakha (Yakuts). *Folklore monuments of the peoples of Siberia and the Far East*. Vol. 24. Novosibirsk: Nauka; 2003:505 (in Russian)
7. A large explanatory dictionary of the Yakut language / edited by P. A. Sleptsov. Vol. IV-XV. Novosibirsk: Nauka; 2004-2018.
8. Explanatory Dictionary of the Yakut language / edited by P. A. Sleptsov. Vol. I-III. Novosibirsk: Nauka; 2004-2006.
9. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*. Vol. I-III. Moscow: Academy of Sciences of the USSR; 1958-1959.
10. Sleptsov PA. *The Yakut literary language: The formation and development of national norms*. Novosibirsk: Nauka; 1990: 273 (in Russian)
11. Manchurina LE. Style-making constructions of oral poetic syntax of Yakut blessing, algys: the periods. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2010;7(4):120-125. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17969326> [Accessed: 11 June 2025] (in Russian).

Об авторах

СОРОВА Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры якутского языка, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0009-0002-2710-1066, SPIN: 1981-2234, e-mail: isorova@mail.ru

ЗАРОВНЯЕВА Сибэкки Аркадьевна – магистрант кафедры якутской литературы, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», e-mail: sibekki2121@mail.ru

About the authors

Irina N. SOROVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0002-3596-2272, SPIN: 9980-3150, E-MAIL: ISOROVA@MAIL.RU

Sibekki A. ZAROVNYAEVA – Master's student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, e-mail: sibekki2121@mail.ru

Вклад авторов

Сорова И. Н. – разработка концепции, верификация данных, руководство исследованием, редактирование рукописи

Заровняева С. А. – методология, проведение исследования, визуализация

Authors' contribution

Irina N. Sorova – conceptualization, validation, supervision, writing – review & editing

Sibekki A. Zarovnyaeva – methodology, investigation, visualization

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 14.05.2025

Принята к публикации / Accepted 20.06.2025

— СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ —

УДК 811.521;811.512.157

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-15-26>*Оригинальная научная статья*

Соматические фразеологические единицы японского и якутского языков: сопоставительный аспект

Е. С. Руфова✉

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉RUFL2003@yandex.ru

Аннотация

В рамках данной статьи предпринимается попытка сопоставительного анализа соматических фразеологических единиц (ФЕ) японского и якутского языков. Впервые особое внимание уделяется выявлению типологически общих и специфических черт соматических ФЕ сопоставляемых языков; выявляется степень близости ФЕ по семантической соотнесенности; устанавливаются полные, частичные, ложные эквиваленты и безэквивалентные ФЕ в соматической фразеологии японского и якутского языков. Целью исследования является выявление сходств и различий ФЕ с компонентом «часть тела» в японском и якутском языках с точки зрения межъязыковой эквивалентности на основе анализа их лексико-семантических особенностей. В результате исследования выявляются универсальные и сугубо национальные черты во фразообразовательной активности соматических обозначений исследуемых языков. В анализируемых языках соматизмы достаточно широко используются во фразообразовательном процессе (54 соматические лексемы в японском языке и также 55 в якутском языке). Фразеологически активными являются в основном одни и те же названия частей тела (рука, глаз, голова). Универсальность в использовании соматизмов в указанных языках является следствием отражения экстралингвистических факторов, внеязыковых реалий. К примеру, такие органы человека, как рука, глаз, голова, сердце, нога выполняют больше жизненных функций, нежели волосы, лоб, шея и др. Специфической особенностью использования лексических соматизмов в сопоставляемых языках является разный, а иногда контрастный фразообразовательный потенциал некоторых соматических лексем. Тем самым, фразообразовательная активность компонентов в разных языках может быть различной.

Ключевые слова: фразеология японского языка, фразеология якутского языка, сопоставительная фразеология, соматические ФЕ, компонент «часть тела», соматизмы японского языка, соматизмы якутского языка, фразообразовательный потенциал, японский язык, якутский язык.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Руфова Е. С. Соматические фразеологические единицы японского и якутского языков: сопоставительный аспект. *Алтаистика. Altaistics.* 2025, № 2 (17), С. 15-26. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-15-26>

Somatic phrases of the Japanese and Yakut languages: A comparative aspect

Elena S. Rufova✉

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉RUFL2003@yandex.ru

Abstract

This article attempts to conduct a comparative analysis of somatic phraseological units (PU) of the Japanese and Yakut languages. For the first time, special attention is paid to identifying typologically common and specific features of somatic PU of the compared languages; the degree of closeness of PU by semantic correlation is revealed; full, partial, false equivalents and non-equivalent PU in the somatic phraseology of the Japanese and Yakut languages re established. The aim of the study is to identify similarities and differences between PU with the component “body part” in the Japanese and Yakut languages from the point of view of interlingual equivalence based on the analysis of their lexical and semantic features. As a result of the study, universal and purely national features in the phrase-formation activity of somatic designations of the studied languages are revealed. In the analyzed languages, somatisms are quite widely used in the phrase-formation process (54 somatic lexemes in Japanese and 55 in the Yakut language). Phraseologically active are mainly the same names of body parts (arm, eye, head). The universality in the use of somatisms in the specified languages is a consequence of the reflection of extralinguistic factors, extralinguistic realities. For example, such human organs as arm, eye, head, heart, leg perform more vital functions than hair, forehead, neck, etc. A specific feature of the use of lexical somatisms in the compared languages is the different, and sometimes contrasting, phrase-formation potential of some somatic lexemes. Thus, the phrase-formation activity of components in different languages can be different.

Keywords: phraseology of the Japanese language, phraseology of the Yakut language, comparative phraseology, somatic phraseological units, component “body part”, somatisms of the Japanese language, somatisms of the Yakut language, phrase-formation potential, Japanese language, Yakut language.

Funding. The study had not financial support

For citation: Rufova E. S. Somatic phrases of the Japanese and Yakut languages: A comparative aspect. *Altaistics*. 2025, No 2 (17), Pp. 15-26. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-15-26>

Введение

Фразеологические единицы (далее ФЕ) являются объектами многих междисциплинарных работ, в том числе в сопоставительном аспекте. Это вполне объясняется богатством исследуемого материала, так как фразеология отражает не просто особенности конкретного языка, но концентрирует в себе мироощущение его носителей. В каждом языке выделяются идентичные ФЕ, семантические параллели в которых определяются в структурном, лексическом, семантическом планах. Преимущественно это объясняется универсальными факторами (территориально-климатические условия, чувственно-эмоциональный фактор, основные процессы жизненного цикла человека и животного). Выделение общих тенденций позволяет установить специфические характеристики фразеологии языка, выявить присущие ей приоритеты и раскрыть лингвокультурологическую специфику образных выражений. В этой связи актуализируются соматические ФЕ японского и якутского языков в сопоставительном аспекте и специально рассматриваются. Впервые особое внимание уделяется выявлению универсальных и специфических характеристик соматических ФЕ сопоставляемых языков; выявляется степень близости ФЕ по семантической соотнесенности; устанавливаются полные, частичные, ложные эквиваленты и безэквивалентные ФЕ в соматической фразеологии японского и якутского языков.

Целью исследования является выявление сходств и различий ФЕ с компонентом «часть тела» в японском и якутском языках, что позволит определить общие и специфические особенности, а также их межъязыковые лексико-семантические отношения.

В соответствии с поставленной целью определяются следующие задачи: выявить источники соматических ФЕ в японском и якутском языках; определить активные компоненты соматических ФЕ (образующих более 10 фразеологизмов); выявить межъязыковые соответствия и несоответствия в сопоставляемых языках.

При решении задач, определенных в работе, использовались следующие методы исследования: метод компонентного анализа, применявшийся для дифференциации состава ФЕ и выявления семантических связей с компонентом «часть тела»; метод словарных дефиниций и концептуального анализа для выявления переносного значения рассматриваемых ФЕ; когнитивно-прагматический метод, позволивший установить и описать когнитивные механизмы, лежащие в основе конструирования образного значения ФЕ, а также метод сплошной выборки для отбора практического материала исследования.

В рамках данного исследования методом сплошной выборки были отобраны соматические ФЕ из японско-русского фразеологического словаря С. А. Быковой [1] и якутско-русского фразеологического словаря А. Г. Нелунова [2]. Обширный фразеологический материал позволил проанализировать 596 соматических ФЕ японского языка, образованных 54 соматическими лексемами и 927 соматических ФЕ якутского языка, образованных 55 соматическими лексемами.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных исследователей В. М. Алпатов (2008) [3], С. А. Быковой (1985) [4], О. П. Фроловой (1987) [5], Н. А. Завьяловой (2012) [6], Т. А. Басовой (2023) [7], раскрывающие вопросы японской фразеологии; работы японских исследователей Сираиси Дайдзи (白石大二国語慣用句大辞典, 1977) [8], Мацумура Акира (松村明日本文法大辞典, 1971) [9]; исследования Н. С. Григорьева (1974) [10], Н. В. Емельянова (1962) [11], Л. М. Готовцевой [12], которые посвящены специальному изучению фразеологии якутского языка. А также работы исследователей по сопоставительной лингвистике Г. Н. Абреимовой (2022) [13], О. А. Яруллиной (2023) [14], И. В. Кузнецовой (2022) [15], Т. А. Бердниковой и А. Г. Николаевой (2022) [16].

В рамках данного исследования, анализируя межъязыковые лексико-семантические отношения соматических ФЕ, вслед за Ю. А. Долгополовым определяем следующие типы отношений [17], где к межъязыковым фразеологическим эквивалентам относим такие ФЕ, которые совпадают по своему образу, значению и стилистической окраске, а также тождественны по компонентному составу и структурно-грамматической организации. К межъязыковой фразеологической вариантности относим соматические ФЕ, имеющие второстепенные расхождения на лексическом, морфологическом или синтаксическом языковых уровнях. Группа межъязыковых фразеологических омонимов включает в себя ФЕ, аналогичные по лексическому составу и грамматической организации, но совершенно разные по значению. К разряду межъязыковых фразеологических структурных синонимов отнесены ФЕ, одинаковые по значению, структуре и лексико-грамматической организации, но различающиеся по компонентному составу.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные материалы и результаты могут быть использованы для дальнейшего развития исследований в области сопоставительной фразеологии. Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут найти прикладное применение при изучении семинаров по японскому и якутскому языкам, а также практике перевода. Полученные

в ходе исследования данные могут быть использованы при создании словарей и учебных пособий по японскому и якутскому языкам.

Специфика соматических ФЕ японского языка

Соматические ФЕ относятся к основному словарному фонду, формирующемуся в течение тысячелетий и отражающему не только знания носителей языка об окружающем мире, но и их представления о самом себе и о своем организме.

Для выявления специфики соматических ФЕ японского языка методом сплошной выборки из японско-русского фразеологического словаря С. А. Быковой было отобрано 596 соматических ФЕ, образованных 54 соматическими лексемами.

Лексический анализ соматических ФЕ японского языка позволил выявить компоненты, обладающие высокой способностью к образованию ФЕ. Так, из всего анализируемого практического материала были выделены соматизмы (17 единиц), образующие свыше 10 ФЕ, что составило 31% от общего количества соматических лексем. Первые пять соматизмов по фразообразовательной активности составили: мэ (目) 'глаз' – 91 ФЕ; кути (口) 'рот' – 49 ФЕ; тэ (手) 'рука' – 41 ФЕ; атама (頭) 'голова' – 38 ФЕ; короро (心) 'сердце' – 31 ФЕ:

(1) *мэ га кiku* (目が聞く) [1, с. 149] досл. 'глаза слышат' – иметь острый глаз на что-л., быстро замечать что-л., хорошо разбираться в чем-л.;

(2) *кути о вару* (口を割る) [1, с. 122] досл. 'делить рот' – рассказать, раскрыть тайну, признаться;

(3) *тэ га тодоку* (手が届く) [1, с. 220] досл. 'руки достигают' – доставать, подступать близко; получить (желаемое);

(4) *атама о осаэру* (頭を押さえる) [1, с. 20] досл. 'давить голову' – держать (кого-л.) под контролем, в своих руках, в подчинении;

(5) *короро о куму* (心を汲む) [1, с. 111] досл. 'черпать сердце' – сочувствовать кому-л., входить в чье-л. положение.

Завершает список активных соматизмов японского языка по фразообразовательной активности компонент кимо (肝) 'печень', который входит в 10 ФЕ:

(6) *кимо га футой* (肝が太い) [1, с. 108] досл. 'толстая печень' – мужественный и храбрый человек.

Названные компоненты относятся в своем самостоятельном употреблении к высокочастотной зоне лексического состава. В основном представлены многозначными лексемами, переносные значения которых засвидетельствованы в семантических значениях соматических ФЕ. Соматизмы в японском языке используются не только в прямом значении, но могут иметь переносное, образное или символическое значение.

В ходе анализа отобранного материала было определено, что семантика большинства соматических ФЕ японского языка обуславливается лексико-семантическим потенциалом стержневого соматического компонента:

(7) *атама о сибору* (頭を絞る) [1, с. 20] досл. 'выжимать голову' – ломать голову (над чем-либо), усиленно (тщательно) обдумывать;

(8) *мэ но иро о каэру* (目の色を変える) [1, с. 149] досл. 'изменить цвет глаз' – измениться в лице.

В данных примерах можно выделить ведущую роль соматического компонента в формировании значений ФЕ японского языка, а также подчеркнуть, что преимущественное большинство составили ФЕ с одной соматической лексемой.

Выявление национально-культурной специфики семантического аспекта соматических ФЕ более убедительно в контексте выявления генетических прототипов, что позволит

установить их связь с историей и культурой народа. Определение источника возникновения ФЕ с компонентом «часть тела» позволит раскрыть народные представления о теле, национальную культуру, традиции и обычаи, что играет важную роль для характеристики самосознания народа, его менталитета и мироощущения. По классификации И. В. Абрамец можно выделить следующие источники возникновения японских ФЕ с компонентом «часть тела»:

1. ФЕ, исходные словосочетания которых называют жесты и телодвижения. Данная группа соматических ФЕ используется для передачи эмоционального и психического состояния человека, в семантике которых совмещается прямое и переносное значение компонента. Например, описание жеста или телодвижения может быть использовано в прямом значении, к которому прибавляется переносное или символическое его значение:

(9) *мунэ о сорасэру* (胸を祖さえる) [1, с. 146] досл. ‘выпятить грудь’ – прямое значение совмещается со значением «настроиться на что-либо, принять решение».

2. ФЕ, исходные словосочетания которых называют мимику. Данные ФЕ группируются вокруг соматических компонентов «глаз», «рот», «лицо» и т. д. Мимическое выражение лица передает эмоции и эмоциональное состояние человека, приобретая дополнительную коннотацию:

(10) *мэ га мавару* (目が回る) [1, с. 149] досл. ‘глаза вращаются’ – голова идет кругом; быть очень занятым.

3. ФЕ, происхождение которых связано с различными состояниями и чувствами человека, которые влияют на его физиологическое и психологическое состояние (боль, гнев, волнение, страх, холод, негодование и др.):

(11) *каминокэ га сакадацу* (神の毛が逆立つ) [1, с. 82] досл. ‘волосы стоят верх ногами’ – гневаться, быть в ярости.

4. ФЕ, прототипы которых описывают обычаи, обряды, ритуалы, символические действия, суеверные представления. Для большинства ФЕ этой группы характерна немотивированность, т. е. отсутствие связи с ситуацией, с фактом реальной, объективной действительности, приводящей к образованию ФЕ:

(12) *юби о киру* (指を切る) [1, с. 262] досл. ‘порезать палец’ – дать надрезать мизинец (в знак верности возлюбленному), дать слово.

Таким образом, мы рассмотрели соматические ФЕ японского языка. В качестве компонента анализируемых ФЕ выступают соматизмы, обозначающие части тела и внутренние органы человека. В японском языке на первых местах по фразообразовательной активности оказываются соматизмы, которые отражают базовые формы познания мира и первичные реакции на внешние стимулы (глаз, рот, сердце), а также рациональное (голова) и практическое (рука) познание мира.

Специфика соматических ФЕ якутского языка

Для выявления специфики соматических ФЕ якутского языка методом сплошной выборки из якутско-русского фразеологического словаря А. Г. Нелунова было отобрано 927 соматических ФЕ якутского языка, образованных 55 лексическими лексемами.

Лексический анализ соматических ФЕ якутского языка позволил выявить компоненты, обладающие высокой способностью к образованию ФЕ. Так, из всего анализируемого практического материала были выделены соматизмы (22 единицы), образующие свыше 10 ФЕ, что составило 40% от общего количества соматических лексем. Первые пять соматизмов по фразообразовательной активности составили: *харах* (*харах*) ‘глаз’ – 103 ФЕ; *илии* (*илии*) ‘рука’ – 87 ФЕ; *сурэх* (*сүрэх*) ‘сердце’ – 79 ФЕ; *сирэй* (*сирэй*) ‘лицо’ – 67 ФЕ; *бас* (*бас*) ‘голова’ – 54 ФЕ. Завершают список активных соматизмов якутского языка

по фразеобразовательной активности компоненты: тилэх (тилэх) ‘пятка’, тирии (тирии) ‘шкура, кожа’, эмэһэ (эмэһэ) ‘ягодицы’, составившие по 10 ФЕ.

В ходе анализа отобранного материала была определена ведущая роль соматического компонента в формировании значений ФЕ якутского языка. Преимущественное большинство составили ФЕ с одной соматической лексемой, но, в то же время, характерным для фразеологии якутского языка отмечается использование парных соматизмов в одной ФЕ:

(13) *баһа-атаҕа биллибэт* [2, с. 31] досл. ‘непонятны голова-ноги’ – без начала и конца;

(14) *сүрэх-быар аалыыта* [2, с. 114] досл. ‘трение сердца-печени – камень на сердце.

Изучение материала якутского языка обнаружило разнообразие источников возникновения ФЕ с соматическим компонентом, основными, по классификации И. В. Абрамца, можно назвать следующие:

1. ФЕ, исходные словосочетания которых называют жесты и телодвижения. Данная группа соматических ФЕ используется для передачи эмоционального и психического состояния человека, в семантике которых совмещается прямое и переносное значение компонента:

(15) *түөһүн охсунар (кырбанар)* [2, с. 192] досл. ‘бьет себя в грудь’ – совмещается прямое значение фразеологизма со значением «хвастаться, бахвалиться».

2. ФЕ, происхождение которых связано с различными состояниями и чувствами человека, которые влияют на его физиологическое и психологическое состояние (боль, гнев, волнение, страх, холод, негодование и др.). К примеру, ощущение озноба, испытываемое при сильном страхе и волнении, определило возникновение следующих ФЕ:

(16) *этэ саласта* [2, с. 279] досл. ‘мурашки побежали по спине’ – нервная дрожь (от сильного страха), холодный ужас;

(17) *куйахата күүрдэ* [2, с. 178] досл. ‘кожа головы его напряглась’ – напрягаться, возбуждаться, раздражаться; быть в нервном возбуждении.

3. ФЕ, прототипы которых описывают обычаи, обряды, ритуалы, символические действия, суеверные представления. Большинство примеров данной группы не имеет уже связей с ситуацией, фактом или обстоятельствами, приведшими к образованию самой ФЕ. К примеру, со старым обрядом посвящения в шаманы связан ритуал, когда старый шаман по окончании всех учений трижды плюет в горло молодому ученику. Этот обряд забылся, а ФЕ существует и из активного употребления не выходит:

(18) *бэлэһигэр (тамаҕар) силлээ* [2, с. 45] досл. ‘в зев (глотку) его плевать’ – науськивать другого совершить непохвальное.

4. ФЕ, связанные с разведением домашнего скота:

(19) *айах адаҕата* [2, с. 20] досл. ‘обуза рта’ – лишний едок; дармод, нахлебник;

(20) *кулун атаҕа кирибит* [2, с. 41] досл. ‘вошла нога жеребенка’ – переживать вторую молодость.

5. ФЕ, связанные с представлениями об охоте:

(21) *илигин хааннаа* [2, с. 52] досл. ‘окровавить руки’ – иметь первую добычу (на охоте).

6. ФЕ, происхождение которых связано с наблюдением поведения и повадок животных, описанием их внешнего вида:

(22) *арҕаһын түүтүн адаарыт (туруор)* [2, с. 49] досл. ‘взьерошить загривок’ – сердиться, гневаться;

(23) *тыгыраххын кистээ (кумут)* [2, с. 184] досл. ‘когти свои прятать (подбирать)’ – затаить злобу, держать камень за пазухой.

7. ФЕ, исходным мотивом которых являются признаки птиц и животных:

(24) *кус (куобах) сүрэх* [2, с. 114] досл. ‘утиное (заячье) сердце’ – трус;

(25) *улар мэиши* [2, с. 163] досл. ‘букв. глухариный мозг’ – глупый, дурак.

8. ФЕ, восходящие к фольклору:

(26) *буутун этэ бустут* [2, с. 36] досл. ‘готово мясо на ляжках’ – кто-либо достиг мужской зрелости. Данный пример исходит из текста якутского эпоса, где при описании достижения мальчиком физической зрелости и возмужания использовалось данное образное описание, которое впоследствии стало использоваться как устойчивое словосочетание.

Таким образом, мы рассмотрели специфику соматических ФЕ якутского языка. Большая часть исследуемого материала сохраняет национальную специфику, обусловленную самобытной культурой народа саха и лексико-семантическим своеобразием языковой системы.

Сопоставительный анализ соматических ФЕ японского и якутского языков

В ходе анализа было установлено, что соматический компонент чрезвычайно активен в образовании фразеологизмов как в японском, так и в якутском языках. Это объясняется невероятной смысловой емкостью самого компонента и связанных с ним образных представлений. Соматические ФЕ отражают в себе языковую картину японцев и саха, передают их опыт восприятия, изучения, познания мира и человека. Количественное различие соматических лексем в исследуемых языках, а также разница в количественном составе соматических лексем, которые входят в состав ФЕ, можно объяснить различиями миропонимания и мироощущения в каждой лингвокультуре.

В результате исследования между соматическими лексемами ФЕ сопоставляемых языков выявлены следующие взаимоотношения:

1. Соматической лексеме одного языка в сопоставляемых языках соответствует одна вполне определенная лексема, т. е. эти лексеммы являются эквивалентами, например: голова (*атама – бас/төбө*), сердце (*кокоро – сүрэх*), ухо/ уши (*мими – кулгаах*), рот (*кучи – айах*), нос (*хана – мурун*), легкие (*хайфу – тына*), колено/ колени (*хидза – тобук*).

2. Также в сопоставляемых языках были выявлены лексеммы, имеющие отдельное название для определенной части тела и не имеющие аналогов в другом языке. Например, японские лексеммы *агэаси* (揚げ足) – поднятая нога, *мэджири* (目尻) – уголок глаза, *окуба* (奥歯) – коренной зуб не имеют однословного эквивалента в якутском языке. В свою очередь, некоторые соматические лексеммы якутского языка не имеют однословных соответствий в японском языке: *омурт* (омурт) – внутренняя часть щеки, *куйаха* (куйаха) – кожа головы, *сымыах* (сымыах) – нижняя губа.

3. Были выявлены примеры соответствия одной соматической лексеммы сопоставляемого языка двум или нескольким соматическим лексемам в другом языке. Например: пятка (*кубису – тилэх, тингилэх*); голова (*атама – бас, төбө*); рука (*тэ, удэ – илии*); глаз (*мэ, хитоми – харах*); ладонь (*танагакоро, тэнохира, тэноура, тэноути – ытыс*). Различия в количественном составе синонимических рядов, учитывая универсальный характер лексем, предположительно объясняем не экстралингвистическими факторами, а спецификой лексической системы каждого из сопоставляемых языков.

4. Определены соматические лексеммы, образующие фразеологизмы только в одном из сопоставляемых языков. Например, соматизмы якутского языка губы: (*уос*), мочевого пузырь (*хабах*), бедро (*өттүк*) образуют ФЕ, тогда как их японские эквиваленты являются в данном отношении непродуктивными. В японском языке в отличие от якутского нередко встречаются ФЕ, образованные с помощью соматических лексем: ресницы (*манадзири*), брови (*маюгэ*), локти (*хидзи*):

(27) *манадзири о каэситэ миру* (眦を返して見る) [1, с. 139] досл. ‘смотреть, поворачивая уголки глаз’ – смотреть косо на кого-либо;

(28) *маю о аку* (眉をあく) [1, с. 133] досл. ‘открыть брови’ – успокаиваться, чувствовать облегчение;

(29) *хидзи о макура ни суру* (比重を枕にする) [1, с. 246] досл. ‘делать подушкой локти’ – лечь, подложив руку под голову;

(30) *омурдун абырахтыыр* [1, с. 163] досл. ‘внутреннюю часть своей щеки чинит’ – рассказывать небылицы, лить пули, преувеличивать, присочинять;

(31) *хабахха тыыннар* [1, с. 269] досл. ‘заставить дышать в мочевого пузырь’ – не давать кому-л. говорить, свободно высказывать свои мысли.

Продуктивность участия соматизмов во фразообразовании можно объяснить экстралингвистическими и лингвистическими факторами. К первой группе относим то, что человеческое тело являлось наиболее доступным объектом наблюдений человека с первых дней жизненного цикла. Активность того или иного соматизма в составе ФЕ указывает на степень осознания человеком значимости тех или иных органов для его жизни. К внутрилингвистическим факторам относим давность происхождения соматизмов, чем обусловлена многозначность лексем, а также количество их связей с другими словами.

В сопоставляемых языках наиболее продуктивными соматизмами явились исконные слова японского и якутского языков, использование заимствованной лексики не было засвидетельствовано. Самыми активными компонентами-соматизмами в исследуемых языках оказались: *рука, голова, глаза, ноги, сердце*. Выявить взаимосвязь между количеством значений слова и его продуктивностью во ФЕ не удалось, но предположительно, многозначность слова может иметь прямую связь с его использованием во фразеологии, что объясняется образностью и экспрессивностью ФЕ в целом.

Частотность употребления соматизмов имеет существенное значение в характеристике фразообразовательной активности того или иного соматического компонента. Активность лексических соматизмов сопоставляемых языков в образовании ФЕ отражена в следующей таблице:

Таблица

Активность соматизмов, образующих свыше 10 ФЕ

Table

Activity of somatisms forming more than 10 FU

Японские соматизмы	Количество ФЕ	Якутские соматизмы	Количество ФЕ
<i>мэ (глаз)</i>	91	<i>харах (глаз)</i>	103
<i>кути (рот)</i>	49	<i>илии (рука)</i>	87
<i>тэ (рука)</i>	41	<i>сүрэх (сердце)</i>	79
<i>атама (голова)</i>	38	<i>сирэй (лицо)</i>	67
<i>кокоро (сердце)</i>	31	<i>бас (голова)</i>	54
<i>као (лицо)</i>	30	<i>төбө (голова)</i>	51
<i>сири (зад)</i>	30	<i>айах (рот)</i>	45
<i>хара (живот)</i>	28	<i>атах (нога)</i>	32
<i>мунэ (грудь)</i>	25	<i>тыл (язык)</i>	32
<i>хана (нос)</i>	20	<i>уос (губы)</i>	28
<i>аси (нога)</i>	19	<i>мунну (нос)</i>	26
<i>коси (поясница)</i>	19	<i>ытыс (ладонь)</i>	22
<i>ката (плечи)</i>	16	<i>кулгаах (ухо)</i>	19
<i>мими (уши)</i>	15	<i>тиис (зубы)</i>	19
<i>сита (язык)</i>	13	<i>бэлэс (гортань)</i>	18
<i>куби (шея)</i>	12	<i>ис (живот)</i>	17

<i>кимо (печень)</i>	<i>10</i>	<i>быар (печень)</i>	<i>14</i>
		<i>үөс (желчь)</i>	<i>11</i>
		<i>моонньу (шея)</i>	<i>11</i>
		<i>тилэх (пятка)</i>	<i>10</i>
		<i>тирии (шкура, кожа)</i>	<i>10</i>
		<i>эмэнэ (ягодицы)</i>	<i>10</i>

Анализ данных сопоставительной таблицы позволяет утверждать, что во фразеологии японского и якутского языков используется одинаковое количество лексических соматизмов, характеризующихся частотами от верхнего порога (91 для японского языка и 103 для якутского) до нижних в одну ФЕ.

Набор высокопродуктивных соматических лексем, выступающих компонентами ФЕ в двух исследуемых языках, практически полностью совпадает. На 17 самых употребительных соматических компонентов приходится основная масса японских фразеологизмов (81,7%). В якутском языке 22 наиболее продуктивных компонентов образуют 82,5% от общего числа соматических фразеологизмов.

Проведенный сопоставительный анализ позволяет еще раз доказать, что соматические ФЕ базируются на многовековом опыте изучения поведения человека и животного. В зависимости от прямого значения и функций частей тела зависят количество, тематическое многообразие групп фразеологизмов, включающих в себя соответствующие соматизмы. Среди тематических групп можно выделить основные: соматические ФЕ, описывающие физическое состояние и характер человека; соматические ФЕ, выражающие отношение человека к окружающей среде и к другим людям, а также характеризуют взаимоотношения; соматические ФЕ, описывающие действия и поступки человека, социальное положение.

С целью выявления общих и специфических черт соматических ФЕ сопоставляемых языков нами были выделены полные и частичные эквиваленты, а также безэквивалентные ФЕ на основе их лексико-семантической структуры.

К полным эквивалентам отнесли ФЕ, которые совпадают в исследуемых языках – по семантике, лексическому составу, образности, грамматической структуре:

(32) *атама га ару* (頭がある) [1, с. 20] досл. ‘иметь голову’ – с головой, сообразительный;

(33) *бастаах* (төбөлөөх) *киһи* [2, с. 31] досл. ‘с головой человек’ – очень умный, толковый человек.

(34) *тэ га дэнай* (手が出ない) [1, с. 220] досл. ‘руки не выходят’ – руки не доходят; не поднимаются;

(35) *илиштэ тиийбэт* [2, с. 52] досл. ‘руки не дотягиваются’ – руки не доходят, не успевать что-то.

Наличие полных эквивалентов можно объяснить спецификой исследуемого компонента ФЕ. Так, части тела могут выступать универсальным фактором и иметь много точек соприкосновения.

К частичным эквивалентам относим ФЕ, где отмечается совпадение по семантическим характеристикам, но имеющих расхождения в лексических составах или в грамматической структуре, образности:

(36) *кокоро ни канау* (心にかなう) [1, с. 111] досл. ‘подходить сердцу’ – по сердцу, по душе;

(37) *сүрэбин иһинэн киирэр* [2, с. 114] досл. ‘проходить через сердце’ – по сердцу.

(38) *кокоро о убау* (心を奪う) [1, с. 111] досл. ‘похищать сердце’ – пленять, очаровывать;

(39) *сүрэбин сүүй* [2, с. 114] досл. ‘сердце его выиграть’ – очаровать, пленить кого-л., войти в чье-либо сердце.

К ложным эквивалентам относим полностью или частично совпадающие по компонентному составу и структуре, но расходящиеся по смысловому содержанию. Их называют межъязыковыми фразеологическими омонимами:

(40) *тэ га нагай* [1, с. 220] досл. ‘длинные руки’ – нечист на руку;

(41) *илиитэ уһун* [2, с. 52] досл. ‘рука его длинная’ – имеющий возможность отомстить кому-либо где угодно.

К безэквивалентным ФЕ относим фразеологизмы, в которых прослеживается различие в образной структуре, что составляет национально-культурный компонент в семантике ФЕ:

(42) *икигимо о нуку* (生き胆を抜く) [1, с. 108] досл. ‘удалять живую печень’ – сильно удивить кого-либо;

(43) *сүрэх-быар ыарыыта* [2, с. 114] досл. ‘становиться болезнью сердца и печени’ – (испытывать) душевные переживания.

Предпринятый сопоставительный анализ показывает, что подсистема соматической фразеологии достаточно широко представлена в японском и якутском языках. Выделенные группы позволяют дифференцировать как общие черты, присущие всему языковому коллективу, так и специфические особенности соматических ФЕ в сопоставляемых языках.

Заключение

В рамках данной статьи была предпринята попытка сопоставительного анализа соматических ФЕ японского и якутского языков, что позволило выявить универсальные и специфические черты ФЕ с компонентом «часть тела» сопоставляемых языков, выявить полные, частичные, ложные эквиваленты и безэквивалентные ФЕ в соматической фразеологии японского и якутского языков.

В результате предпринятого сопоставительного исследования можно утверждать, что в японском и якутском языках проанализированные соматические ФЕ представлены общепотребительными соматизмами, представляют собой исконную лексику, характеризуются высокой степенью полисемии. В анализируемых языках соматизмы достаточно широко используются во фразообразовательном процессе (54 соматические лексемы в японском языке и также 55 в якутском языке).

К фразеологически активным соматизмам в сопоставляемых языках отнесли такие названия частей тела, как *рука, глаз, голова*. Данный факт подчеркивает универсальность использования данных соматизмов в японском и якутском языках, ввиду экстралингвистических факторов. К примеру, такие органы человека, как *рука, глаз, голова, сердце, нога* выполняют больше жизненных функций, нежели *волосы, лоб, шея* и др. Тем самым можно объяснить фразообразовательную их активность.

Разный и контрастный фразообразовательный потенциал избранных соматических лексем сопоставляемых языков формирует специфические особенности конкретного языка. Например, в японском языке преобладают ФЕ с компонентами *сири (зад), мунэ (грудь), коси (поясница)*; в языке саха – *уос (губы), бэлэс (гортань), ис (живот)*.

Контрастность проявляется в том, что та или иная соматическая лексема в одном из сопоставляемых языков образует ФЕ, а в другом – нет. Это в основном наименее активные соматические лексемы. Ими оказались в японском языке *манадзири (уголки глаз), хидзи (локоть), катами (плечи и торс)* и т. д., в якутском – *бүөр (почки), куйаха (кожа головы), таал (селезенка), тобук (колено)*. Наличие или отсутствие тех или иных единиц в сопоставляемых языках связано с особенностями семантической структуры соматических лексем в этих языках.

К особенностям фразеобразовательной активности японских лексических соматизмов следует отнести более частое употребление в составе ФЕ компонентов *сири* (30 ФЕ) – зад, *мунэ* (25) – грудь, *ката* (16) – плечи, когда как соответствующие им в якутском языке *эмнэ* (10), *түөс* (7), *сарын* (6) менее продуктивны.

Специфическим свойством исследуемых языков является то, что в составе японских соматических фразеологизмов нередко встречаются словосочетаниями со сложными компонентами, где компоненты образуют пары по смыслу. Например: *канно*: (печень-мозг), *кантан* (печень-желчный пузырь), *катами* (плечи-торс), по структуре соответствующие якутским *илии-атах* (руки-ноги), *сирэй-харах* (лицо-глаза), *кулгаах-харах* (уши-глаза), *уос-тиис* (губы-зубы), *сүрэх-быар* (сердце-печень).

Таким образом, схожие и различные моменты во фразеобразовательной активности соматических лексем, сопоставляемых японского и якутского языков, формируют универсальные характеристики соматических фразеологизмов в целом, а также объясняют национально-культурную специфику каждого из сопоставляемых языков.

Литература

1. Быкова С.А. *Японско-русский фразеологический словарь*. Москва: Издательский дом «Муравей-Гайд»; 2000:267.
2. Нелунов А.Г. *Якутско-русский фразеологический словарь*: в 2-х т. Новосибирск: Издательство СО РАН; 1998:286.
3. Алпатов В.М. *Япония. Язык и культура*. Москва: Издательство «Языки славянских культур»; 2008:208.
4. Быкова С.А. *Устойчивые словосочетания в современном японском языке*. Москва: Издательство Московского университета; 1985:63.
5. Фролова О.П. *Фразеология современного японского языка*. Новосибирск: НГУ; 1979-1987:87.
6. Завьялова Н.А. Японские и китайские фитоморфные фразеологизмы как отражение дискурса повседневности дальневосточных цивилизаций. *Вестник Университета Российской академии образования*. 2012;2:92-95.
7. Басова Т.А. Лексические варианты соматических фразеологизмов в английском и японском языках. *Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики*. 2023;3:31-33.
8. 国語慣用句大辞典、編者、白石大二 /Большой фразеологический словарь, сост. Сираиси Дайдзи/—東京、東京堂出版/ Токио: Изд-во Токёдо сёппан. 1977:664.
9. Мацумура Акира. *Большой словарь по японской грамматике*. Токио; 1971:765.
10. Григорьев Н.С. *Саха тылын сомоҕо домобун тылдьыта*. Якутск: Книжное издательство; 1974:128.
11. Емельянов Н.В. *Якутские пословицы и поговорки*. Якутск: Книжное издательство; 1962:96.
12. Готовцева Л.М. Современное состояние изучения фразеологии якутского языка. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова*. 2022;(2):58-68. DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.33.23.006>
13. Абреимова Г.Н. Наименования одежды и аксессуаров как компоненты фразеологизмов, пословиц и поговорок в произведениях и дневниках М.М. Пришвина. *Philologos*. 2022;2(53):14-21. DOI: 10.24888/2079-2638-2022-53-2-14-21
14. Яруллина О.А. Когнитивный подход в изучении адекватных фразеологических единиц английского и татарского языков. *Вестник филологических наук*. 2023;3(11):124-128.
15. Кузнецова И.В. Ориентализмы, называющие головной убор и обувь, в боснийских фразеологизмах (на фоне других южнославянских языков). *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. 2022;1(114):62-71. DOI: 10.26293/chgpu.2022.114.1.009
16. Бердникова Т.А., Николаева А.Г. Фразеосемантические поля в нижеиндигирском старожильческом говоре Якутии. *Арктика XXI век*. 2022;3(29):60-82. DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.72.43.004>
17. Долгополов Ю.А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков). Дис. ... канд. филол. наук. Казань: 1973:160.

Reference

1. Bykova S.A. *Japanese-Russian phraseological dictionary*. Moscow: Ant-Hyde Publishing House; 2000:267 (in Russian).
2. Nelunov A.G. *Yakut-Russian phraseological dictionary*: in 2 vol. Novosibirsk: Publishing House SB RAS; 1998:286 (in Yakut).
3. Alpatov V.M. *Japan. Language and culture*. Moscow: Publishing house "Languages of Slavic Cultures"; 2008:208 (in Russian).
4. Bykova S.A. *Set phrases in modern Japanese*. Moscow: Moscow University Publishing House; 1985:63 (in Russian).
5. Frolova O.P. *Phraseology of modern Japanese language*. Novosibirsk: NSU; 1979-1987:87 (in Russian).
6. Zavyalova N.A. Japanese and Chinese phytomorphic phraseological units as a reflection of the everyday discourse of Far Eastern civilizations. *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*. 2012;2:92–95 (in Russian).
7. Basova T.A. Lexical variants of somatic phraseological units in English and Japanese. *Actual problems of Germanic, Romance and Russian studies*. 2023; 3:31–33 (in Russian).
8. A Comprehensive Phraseological Dictionary, compiled by Shiraishi Daiji. Great Phraseological Dictionary. Tokyo Shuppan Publishing House; 1977:664 (in Japanese).
9. Matsumura Akira. *A Comprehensive Dictionary of Japanese Grammar*. Tokyo; 1971:765 (in Japanese).
10. Grigoriev N.S. *Yakut proverbs and sayings*. Yakutsk: Book Publishing House; 1974:128 (in Yakut).
11. Emelianov N.V. *Yakut proverbs and sayings*. Yakutsk: Book publishing house; 1962:96 (in Yakut).
12. Gotovtseva L.M. The current state of studying the phraseology of the Yakut language. *Bulletin of the North-Eastern Federal University* 2022;(2):58–68 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.33.23.006>
13. Abreimova G.N. Names of clothing and accessories as components of phraseological units, proverbs and sayings in the works and diaries of MM. Prishvina. *Philologos*. 2022;2(53):14–21 (in Russian). DOI: 10.24888/2079-2638-2022-53-2-14-21
14. Yarullina O.A. Cognitive approach to the study of adjectival phraseological units of the English and Tatar languages. *Bulletin of philological sciences*. 2023;3(11):124–128 (in Russian).
15. Kuznetsova I.V. Orientalisms denoting headwear and footwear in Bosnian phraseologisms (against the background of other South Slavic languages). *Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University*. 2022;1(114):62–71 (in Russian). DOI: 10.26293/chgpu.2022.114.1.009
16. Berdnikova T.A., Nikolaeva A.G. Phraseosemantic fields in the Lower Indigirsky old-timer dialect of Yakutia. *Arctic XXI century*. 2022;3(29):60–82. DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.72.43.004>
17. Dolgoplov Yu.A. Comparative analysis of somatic phraseology (based on the Russian, English and German languages). Candidate's dissertation (Philological). Kazan: 1973:160 (in Russian).

Об авторе

РУФОВА Елена Степановна – кандидат филологических наук, зав. каф. восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-1276-7087, AuthorID:641472, SPIN:5286-8336, RUFL2003@yandex.ru

About the author

Elena S. RUFOVA – Cand. Sci. (Philology), Head of Department of Oriental Languages, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0002-1276-7087, AuthorID:641472, SPIN:5286-8336, RUFL2003@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию / Submitted 28.04.2025

Принята к публикации / Accepted 17.06.2025

— ИССЛЕДОВАНИЕ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ —

УДК 811.512.211

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-27-38>*Оригинальная научная статья*

Цветовой эпитет в эвенской литературе: особенности семантики

А. А. Винокурова✉, Н. И. Колесова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉Antonina-vinokurova@bk.ru

Аннотация

Цветовые обозначения в языковой картине мира любого народа являются одной из центральных категорий, так как первичное освоение мира человеком происходит через органы чувств, в котором зрение является одним из важнейших органов восприятия мира. В данной работе рассматривается семантическая особенность слов колоративной лексики в художественных текстах эвенских поэтов и писателей. Целью данной статьи является в изучении цветообозначающей лексики в эвенском поэтическом и прозаическом тексте. Основной задачей выступает определение состава и формирование колоративов в эвенской лирике и прозе. Теоретической значимостью данного исследования является то, что результаты проведенного анализа вносят вклад в изучении языка и стиля произведений эвенских поэтов и писателей. Нами использованы и проанализированы художественные произведения эвенских писателей и поэтов Николая Тарабукина, Василия Лебедева, Василия Кейметинова-Баргачана, Андрея Кривошапкина, Марии Амамич, Варвары Аркук, Анатолия Степанова. Проанализированы повести, рассказы, стихотворения на эвенском языке и выявлены колоративные эпитеты и рассмотрена их семантика: “*нѣбати*” ‘белый’ этот эпитет является самым важным, ключевым цветом в эвенской поэзии, он олицетворяет всё белое, что окружает эвенов – зиму, снег, животных, священных оленей и т. д; или для обозначения серебряного цвета – эпитет “*мэуэн*” в прозаическом произведении М. Амамич. Описываются различные цветообозначения, выявляются некоторые позиции, в которых колоративные эпитеты употребляются в различных аспектах и их частотность, как эвенские писатели и поэты по своему используют цветовую лексику.

Ключевые слова: эвенская поэзия, эвенская проза, цветовые эпитеты, эвены, эвенская литература, нѣбати, чулбана, хиңяня, гилбати.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Винокурова А. А., Колесова Н. И. Цветовой эпитет в эвенской литературе: особенности семантики. *Алтаистика. Altaistics.* 2025, № 2 (17), С. 27-38. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-27-38>

Color epithet in Even literature: semantic features

Antonina A. Vinokurova✉, Nadezhda I. Kolesova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉Antonina-vinokurova@bk.ru

Abstract

Color designations in the linguistic picture of the world of any people are one of the central categories, since the primary development of the world by man occurs through the senses, in which vision is one of the most important organs of perception of the world. This paper examines the semantic feature of the words of color vocabulary in the artistic texts of Even poets and writers. The purpose of this article is to study color-denoting vocabulary in Even poetic and prose texts. The main task is to determine the composition and formation of coloratives in Even lyrics and prose. The theoretical significance of this study is that the results of the analysis contribute to the study of the language and style of Even poets and writers. We used and analyzed the works of art of Even writers and poets Nikolai Tarabukin, Vasily Lebedev, Vasily Keymetinov-Bargachan, Andrey Krivoschapkin, Maria Amamich, Varvara Arkuk, Anatoly Stepanov. Stories, short stories, poems in the Even language were analyzed and color epithets were identified and their semantics were considered: “nyobati” (white) this epithet is the most important, key color in Even poetry, it personifies everything white that surrounds the Evens – winter, snow, animals, sacred deer, etc.; or to denote the color silver – the epithet “mejen” in the prose work of Amamich. Various color designations are described, some positions in which color epithets are used in various aspects and their frequency are revealed, as Even writers and poets use color vocabulary in their own way.

Keywords: Even poetry, Even prose, color epithets, Evens, Even literature, nyobati, chulbanya, khiganya, gilbati.

Funding. The study had not financial support

For citation: Vinokurova A. A., Kolesova N. I. Color epithet in Even literature: semantic features. *Altaistics*. 2025, No 2 (17), Pp. 27-38. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-27-38>

Введение

В статье представлен лингвистический анализ функционирования колоративов, который дает возможность сгруппировать определенную лексику и позволяет выделить принцип закономерностей и их функционирования в индивидуальном стиле того или иного автора.

Цветопись также входит в набор элементов, по которым можно судить о «почерке» писателя. Этот тезис подтверждает С.М. Соловьев, который отмечает, что «цвет, так же как пейзаж и звук, отражает основные принципы поэтики писателя» [1].

В данной статье для достижения цели исследования сформированы следующие задачи: 1) выявление цветowych эпитетов в эвенской поэзии и прозе; 2) анализ и систематизация цветowych эпитетов в творчестве эвенских поэтов и писателей; 3) определить состав и функционирование колоративов в эвенской литературе.

Представление о «языке цвета» или семантике отдельных цветов подразумевает наличие особых предписанных значений. Оно требует подробного комментирования, потому как универсальных и исчерпывающих трактовок не существует и в попытках создать своего рода глоссарий цвета неизбежно столкнемся с разногласиями [2].

Что касается цветообозначения в эвенском языке В.Г. Белолобская отмечает, что «слова, обозначающие цветовой спектр, ярко передают эстетическое восприятие окружающего мира эвенками. В национальной одежде эвенов художественное орнаментальное украшение всегда отличалось богатой цветовой гаммой и красочностью, т.к. сама природа способствовала созданию цветowego образа» [3].

Творчество первого эвенского писателя и поэта Николая Саввича Тарабукина проторило тропинку в мировую литературу, которая стала большой дорогой для эвенских поэтов и писателей. Традиции, национальное своеобразие, жанровое разнообразие, художественные средства языка молодые авторы эвенской литературы черпали не только в лирике Н. Тарабукина, но и в прозе, в частности в автобиографическом произведении «*Куһарапу*» 'Мое детство'.

Поэзия эвенского поэта, общественного деятеля, ученого Василия Дмитриевича Лебедева представляет собой целостный творческий процесс, раскрывающий духовно-художественный образ национальной картины мира родного народа. Рассматривая лирику В. Д. Лебедева, мы пришли к выводу, что в ней ярко представлены образы национально окрашенные; в них отражена самобытность эвенского мира [4].

Ранние произведения эвенского поэта Василия Спиридоновича Кейметинова-Баргачана были опубликованы в таких известных литературных журналах, как «Полярная звезда», «Дальний Восток», «Литературная Россия», «Молодая гвардия», «Звезда». Лейтмотивом его произведений является сохранение и бережное отношение к родной земле и эвенскому языку. Философские раздумья лирического героя о переосмыслении извечных человеческих ценностей отражены в стихотворениях: «*Ями дукамҕа би орив?*» 'Почему я стал поэтом', «*Дёнтуму*» 'Мои стихи', «*Оран ачча – эвэн ачча*» 'Оленя нет – эвена нет'.

В числе ярких, колоритных писателей в эвенской литературе является Андрей Васильевич Кривошапкин, знаменитый поэт, писатель, общественный и политический деятель. Темы творчества А. Кривошапкина разнообразны: тема природы, тема оленеводства, тема сохранения эвенского языка, философские темы, тема фольклора эвенов. В его произведениях явно проступает лиричность души создателя, хранителя природы северной земли, передается глубокое раздумье над традиционной культурой эвенов, философское осмысление жизни человека.

Одна из активных представительниц своего народа – Белолюбская Варвара Григорьевна – Варвара Аркук, педагог, поэтесса, общественный деятель. В лирике Аркук присутствуют и мотивы любви, и образ девушки, например, в стихотворении «*Ханты асатканни*» 'Девушка ханты'. Поэтические произведения Варвары Аркук – это неповторимый почерк в описании природных явлений, умение наблюдать в природе силу, красоту, трудолюбие, выносливость. В этом и сила, и самобытность ее поэтического слова, и вместе с тем нежное и трепетное отношение не только к детской душе, но и душе северянина [5].

Мария Николаевна Амамич – первая эвенская женщина-прозаик, автор и исполнитель национальных песен, педагог. Автобиографическая повесть «*Дэгэлдилрилбу дэгийбу набутникан эмэкэр ирануграр*» 'Не провожайте с тоской улетающих птиц' стала в настоящее время библиографической редкостью и здесь можно наблюдать этнографические моменты эвенской культуры. При активном участии Ольги, дочери М.Н. Амамич, она была переведена на немецкий язык [6].

Характерной чертой поэзии Анатолия Платоновича Степанова-Ламутского является активизация тропов. В поэзии А. Степанова сильна гражданская лирика, в ней раскрываются сокровенные мысли автора, его взгляд на мир, жизнь родного народа. Всем своим существом, всеми своими помыслами поэт привязан к истории своего народа. Стихи Ламутского национально-самобытны, он испытывает особое чувство к природе. Поэзия Анатолия Степанова зрелищна, метафорична и иносказательна. Всё что окружает поэта, приобретает особый смысл.

Материалы и методы

Методологической основой исследования послужили труды отечественных лингвистов и литературоведов, посвященных изучению семантической значимости цветowego эпитета, семантическое поле цветообозначений, в работах Соловьева С.М. [1], М.А. Мисник [2], о цветообозначении в эвенском языке в трудах В.Г. Белолюбской [3], эпитет в эвенской лирике – Винокуровой А.А. [7]. Материалом исследования послужили поэтические и прозаические произведения Н.С. Тарабукина [12], В.Д. Лебедева [10], В. С. Кейметинова-Баргачана [11], А. В. Кривошапкина [14,15,16], М.Н. Амамич [6], В.Г. Белолюбской-Арчук [8], А. Степанова [9].

Практическая ценность исследования заключается в том, что результаты проведенного исследования могут быть использованы не только для лекционных и практических курсов по лингвокультурологии, курсов лекций по эвенской литературе, литературе народов Севера, но и послужить базой для создания словаря эпитетов эвенского языка.

Цветовой эпитет в эвенской поэзии

В творчестве эвенских лириков наиболее распространенным стилистическим приемом является использование цветowych эпитетов, что подчеркивает яркость и выразительность олицетворенных образов, создаваемых поэтами. Лексику цветообозначения составляют различные слова: «нѣбати», «гилбати», «гилталри» ‘белый’.

В поэзии Лебедева самым частым цветowym эпитетом является «нѣбати» ‘белый’. «Нѣбати иманра» ‘белый снег’ – постоянный эпитет, который используется для описания зимы, «нѣбати́в иманрав ман нэлкэрэп нелтэнкэ» ‘от весеннего солнца не стало белого снега’ – таяние белого снега, «нѣбати́чаң итилкам» ‘с белым лицом’ – описание лица девушки, «метафорические эпитеты «нѣбати нюрити» ‘седыми волосами’, «нѣбати бягандя» ‘большая белая луна’, «нѣбалри танмари» ‘белеющий туман’, «нѣбалри холилин» ‘по белеющим склонам берега реки’, «нѣбаргакаң тугэнинюн» ‘с белеющей зимой’ [7].

Лирический герой произведения «Чачас-Мукалра» ‘Песец’ В. Белолюбской-Арчук, встретившись с обитателем тундры песцом, притворившимся на снегу белой кочкой, восхищается его красотой, природной ловкостью. Здесь белый цвет играет роль сравнения красивого песка с белым холодным снегом.

«Як-та, як-та нѣбаты,
Хокан, хокан буңтаны
Мукалрамдас ичусэнэ
Өсөмикэн ховналран...» [8]

‘Что-то, что-то белое
Очень-очень круглое
Одеялом виднеется,
Но она шевелится...’

В стихотворении Анатолия Степанова – Ламутского «Кэдыкэр бэилбу» ‘Друзья’ взгляд лирического героя скользнул по небесной лазури и замер на белоснежной стае лебедей. В их грациозном полете он вдруг увидел отблеск давно ушедших дней, лица друзей детства, растворившиеся в дымке времени.

Нэлкэни буинча өйдэлин
Нѣбатил хусил дэгэддэ.
Ноңартан мут бугат дөмүэлэн
Мялудди аявум дэгүддэ [9].

‘На склоне весеннего неба
Летят белые лебедеи
Улетая над просторами тайги
Пробуждают трепетную любовь.’

В стихотворении «Бугдиндя» В. Лебедев слышит, как шепчут старики пролетающим белокрылым гусям и к солнечной выси – небу: «Гилталри хусиндятки хумкэттэ, Нелтэнкэ төрэнэн – нянтаки хумкэттэ» ‘Белокрылым гусям шепчут, Солнечной выси – небу шепчут’.

Цвет «Чулбаныя» – зеленый цвет в поэзии Лебедева встречается достаточно часто. Зеленая краска используется поэтом при описании родной природы весной и летом:

«Чулбаня киңталкан кунтэккэн» ‘луг одетый в зеленый цвет’, «Чулбаня оратли, хигили» ‘по зеленой траве, тайге’, «чулбаняч хэрэчэч тэттөттэн» ‘зеленым узором одетый (о лесе)’, «исудды чулбаня ирэтэмдэс одам» ‘я становлюсь как зеленеющая трава’, «чулбаня нөчэтки хумкэттэ» ‘шепчут зелеными стеблями цветы’ [7].

Летний пейзаж Василия Лебедева имеет разноцветную палитру красок природы; так, на сопках, вместо зимней «шапки», появляются цветы, одетые в красные, белые и синие цвета.

«Тэгэлэ амкагал

Ач авнач тэгэттэ.

Хуланя, небати, чулбаня

Нечэлди тэтүттэ» [10].

‘Вдали сопки

Без шапок сидят

Красными, белыми, синими

Цветочками одеты’.

Стихотворение «Урумкун-дэ дюганив» ‘Короткое лето’ Василия Кейметинова-Баргачана переносит нас в летнее время северного края [11]. Автор, используя эпитеты, показывает нам красоту летнего пейзажа: «Мола, хиги чулбаласнан, Тадук ясал хоракисан» ‘Зелень тайги, отражаясь в воде, радует глаз’. Он говорит о зеленеющем лесе, что восторгает душу лирического героя. Эпитет «чулбаласнан» ‘зеленеющий’ помогает нам увидеть красоту фауны родного края В. Баргачана.

Определение «чулбаня» в эвенском языке передаёт как зеленый, так и голубой и синий цвета. Синюю окраску «чулбаня» В. Лебедев использует при описании цвета неба, например, «чулбаня няниндя өгилэ нэриндэн» ‘голубое небо высоко светит’, «нянин чулбаняван ясалди чимчарам» ‘от яркого синего цвета прищурил глаза’, «нянину чулбаня» ‘небо мое голубое’, при описании моря, например, «чулбаняндя намандя тумнин, бунин, чоглинран» ‘синее море и ревет, и скрежещет, и визжит’; при характеристике цветов, например, «дюганину нөчэңкэрни чулбарридюр хутаргагарар» ‘летом цветы ярко синие’ [7].

В стихотворении В. Кейметинова-Баргачана «Нянин чулбаня кунтэктун» ‘Небесно – синяя поляна’ отражено описание оленьего пастбища, где, скорее всего, он был частым гостем:

«Нянин чулбаня кунтэктун,

Осикат хэсэнни явталран,

Няину тар хутар тогдукун,

Өмэнтэн минткэи хурамран» [11]

‘На небесной синей поляне

Стая звезд пасется

Небо от этих ярких огней

Оттуда мне мигает’

Здесь, автор заменяет стадо оленей на стаю звёзд, которые пасутся на прекрасном небе. Эпитет «чулбаня», показывает цвет чистого, безграничного неба, красота которого ослепляет глаза самого поэта. Через это высказывание мы можем понять чувства Василия Баргачана к северной природе, ведь он сравнивает оленьё пастбище со звёздным небом.

Эвену привычнее жить на природе, ему чужды городские небоскребы. И вот, в стихотворении «Гэлэри мэргэндүв» ‘Душе тоскующей’ поэт затрагивает тему любви к своей родине, где он так гармонично переплетается с природой. Он пишет, что зоркому эвену не места среди большого города и высоких домов.

«Намасту гулум гулриди,

Хилунду улрэв далгариди,

Ног хэгтэду тэгэттэм,

Чулбаня нэргив-дэ көеттэм» [8].

‘На снегу разжигая костер

Огня угостив угощением (мясом)

На мягкой подстилке сию

На синее пламя гляжу’

Наш герой наблюдает за костром, сидя на подстилке из лиственницы, ему нравится, как огонь поплёскивает и горит синим пламенем. Благодаря ловко описывающему синий цвет эпитету «чулбаня», мы можем перенестись в тайгу, где оленеводы жили ночью за счёт света костра.

В. Аркук использует цвет *чулбаня* – зелёный, «*чулбанчир дюганину*» ‘Зеленеющего лета’ подчеркивая летнее время года, зеленеющим летом, когда цветёт «*хиюня-ккан нёчэнчэну*» прекрасный желтенький цветочек.

*«Чулбанчир дюганину
Кучукэкэн хутчээнни
Хутапкитты нёлтэнчэму
Нодаукани нечээнни» [8].*

*Зеленеющего лета
Ласковый сыночек
Пламенеющего солнца
Маленький кусочек*

(перевод В. Фролова).

Слово «*хуланя*» обозначает красный цвет. В стихотворениях Лебедева цвет «*хуланя*» встречается редко. Поэт этот цвет использует при описании пейзажа: «*хуланя, нёбаты, чулбаня нечэлди тэгуттэ*» ‘*красными, белыми, синими цветами одеты*’, «*хуланя да, дючакар илатта*» ‘красные домики стоят’, «*ноябрь инэжин ями эчин хутарсан*» ‘день ноября почему такой *красный* (7 ноября)’.

Метафора и образ, связанный с красным цветом, встречается в стихотворении «*Бяган*» ‘Луна’ В. Аркук. Стихотворение начинается с возгласа девочки Анны, которая сказала своей маме, что кедровка унесла и повесила на дерево её лепёшку, та, в свою очередь, улыбнулась тому, какая её дочь фантазёрка:

*«Ноуан нэпескэжэн урэчин
Хуланя, мэртэи бяганда
Мусэмникэн көөттэн» [8].*

*‘Молча улыбается,
Как лепешка круглая,
Румяная луна’*

(перевод В. Шеметова)

Цветовая гамма в эвенской поэзии способствует передаче тончайших настроений, придает романтическую одухотворенность, а также необычность и свежесть образам. Иные цветовые эпитеты представлены в таких словах: «*хиюня*» ‘жёлтый, коричневый’, «*чуруня*» ‘желтый’. Например, в стихотворении «*Хиюня тигэнчэн*» В. Аркук говорится о маленькой птичке с коричневой грудкой, которая прячется, перелетая от тальника к тальнику, пытаюсь скрыться от глаз. Автор использует уменьшительно-ласкательный суффикс *-чэн* в описании её коричневой грудки:

*«Кучукэн чукичан
Хиюня тигэнчэн
Хятагла дыкэнчэн
Эр ичун, эр ичун». [8]*

*‘Маленькая птичка
Коричневая грудка
В тальнике прячется
Здесь покажется, там покажется’*

Любимым цветком поэтессы является одуванчик. Ему она посвятила стихотворение с названием «*Нёлтэн-нёчэ*» ‘Солнечный цветок’, где она пишет самые теплые, душевные слова, выводя яркий, веселый образ цветка. Здесь же можно увидеть обращение к цвету растения с уменьшительно-ласкательными суффиксами, такими как *-някан* и *-чэму*: «*хиюнякан нёчэчэму*» ‘желтенький цветочек’, что усиливает эмоциональное состояние лирического героя. Одуванчик напоминает Варваре Аркук о детстве, о мире сказок и счастья.

*«Гудейкэкэн гячахаму,
Гэ-гэ, гэлэ, икэли
Хиюня-ккан нёчэнчэну,
Хайкуукань хэдели» [8].*

*‘Зеленеющего лета
Крохотный сыночек,
Пламенеющего солнца
Желтенький кусочек’*

(перевод В. Шеметова).

Помимо этих стихотворений, отражающих смысл произведений через разные цвета, в сборнике Варвары Аркук ещё много интересных стихов. Например, стихотворение «*Кукатан*» ‘Варежки’, где наряду с эвенскими орнаментами переплетаются разные цвета

бисера «чулбаныя» ‘голубой’, «гилталдив» ‘блестяще-белый’, «хиңаныя» ‘коричневый’, «чуруняя» ‘желтый’.

«Кукатам хэрэли,
Нисав-да хавникан:
Чулбаныя,
Гилталдив,
Хиңаныя,
Чуруняя.
Онячаван оняли:
Мэрэтикэву,
Остакичагу,
Итикичагу» [8].

‘Вышивай рукавички
Бисером сплети:
Голубым,
Белым блестящим,
Коричневым,
Желтым.
Нарисуй узорами:
Круглыми
Как копыта,
Как лица’

В. Кейметинов-Баргачан в стихотворении «Мявму марануан» ‘Радуга на сердце’ рассуждает о жизни человека с рождения и до смерти, о его рождении, о его мыслях и чувствах во взрослении [11]. И в конце каждой строки своего повествования, поэт повторяет: «Мявму аич хэкидин, Марануач-та нэриндин» ‘Сердце мое заволнуется, Радугой блеснет’.

Интересен эпитет «марануач-та нэриндин» ‘радугой светлея’. Данный эпитет означает озарение радугой сердца лирического героя, то есть его сердце будет приятно стучать всеми цветами радуги. Радуга – необычное, многогранное и многоцветное явление природы, которое появляется после дождя.

Колоративная лексика в творчестве эвенских поэтов – это способ образного понимания реальности, что свидетельствует о художественной эстетике представления окружающего мира. Использование цветовой лексики подтверждает их высокое художественное умение раскрывать своеобразие эвенского языка. Цветопись лирики – средство зрительного восприятия мира, подтверждающее об определенном художественном способе представления действительности, где преобладает белый цвет «нэбати» и синий, голубой «чулбаныя», что показывает пейзаж северного края, когда «тугэни» ‘зимнее время года’ и «нэлкэни» ‘первая половина весны’ – покрыты снегом.

Цветовой эпитет в эвенской прозе

Одним из зрительных эпитетов в эвенских прозаических произведениях являются цветковые эпитеты. Исследование цветообозначений в прозаических произведениях с интересной цветовой палитрой Н.Тарабукина, А.Кривошапкина и М.Амамич, представляется нам перспективным, в частности, с применением сравнительно-сопоставительного метода, направленного на описание фактов прозы вышеназванных писателей, выявление сходств и различий между сравниваемыми цветовыми эпитетами.

Таким образом, особый интерес вызывают эпитетные колоремы посредством которых эвенские писатели описывают чувства, предметы, эмоциональное состояние.

В автобиографической повести «Кунарану» ‘Моё детство’ Николая Тарабукина были показаны безрадостные картины жизни эвенского народа: нищета в доме, обиды, слезы, тяжелая работа «в людях», но и впервые заявила о себе характерная особенность эвенской литературы – жизнелюбие, оптимизм [12]. В своих произведениях автор опирается на традиции устного народного творчества, что сказалось и в выборе художественных средств изображения, и в принципах обрисовки характеров героев, и в создании картин природы. Так, герой повести – мальчик, от лица которого ведется повествование. Нет сомнения в том, что это сам автор, вспоминающий детские годы. Повесть состоит из небольших глав, разных по содержанию, но выражающих одну и ту же мысль: детство – не только трудная, но и самая прекрасная пора жизни, а жизнь, показанная через восприятие мальчика, становится естественней и достоверней.

Каждая глава повести, несмотря на краткость, содержит в себе ту или иную «изюминку», обладающую огромной нравственной и воспитательной силой. Так, например, в главе «*Нимтыми*» 'За едой из кровавой каши' автор описывает щенка главного героя: «*Качикаму бисин дыгэн ясалаттын, тэринэн ясалан өйдэлэн нёбаты бисин, ясал урэнмэкэн*» 'У моего щенка четыре глаза: над каждым глазом у него по белому пятну, похожему на глаз', «*Тыңэнни, урэн нёбаты бисин*» 'Грудь и брюхо белые', «Тэрин хэнүэчинни нёбаты» 'Передние стороны лап тоже белые'. Собака для оленеводов один из главных помощников, поэтому в повести есть ряд эпизодов с щенком. В повести дается описание щенка, его необычный окрас над глазами, некоторые части тела тоже были окрашены белым цветом. Прилагательное белый несет в себе положительную функцию – красивого окраса.

В небольшой главе «*Тугэни*» 'Зима' встречается опять описание природы, холодной снежной зимы: «*Хякитаңкарты нёбатыч утэүэдьүр тэттыдьүр, хивкэргэкэн дүрүлаңчилра*» 'Деревья наши, одевшись в белые бараньи шубы, молчаливые стоят неподвижно' [12].

В главе «*Нэлкэ одакан*» 'Когда наступает весна', нами выявлено описание смены времени сезона – когда заканчивается зима и приходит весна, в частности, первая половина весны – нэлкэни: «*Бугандя, эйду хякитаял нёбатыч мукач тэтуттэ*» 'Земля и все деревья одеты в белую кухлянку' [12]. Эпитет «нёбаты» не только олицетворяет белый снег на земле и деревьях, но и метафоризирует белую кухлянку, которые только сейчас, зимой, они одеты в зимнюю одежду: «*Ями-кка нёбатил оиндялтан, нёлтэн хиранны натаралкан, ачча одни*» 'И когда дыхание солнца коснулось их, исчезли их белые одежды'. В повести присутствует цвет белого тающего снега во второй половине весны – нэлкэни. И только тогда, когда солнце озаряет взором землю и деревья, то есть, когда наступает весна и становится теплее, они, испугавшись солнца, прячут свои белые кухлянки.

После первой половины весны, наконец, наступает долгожданная весна, когда всё вокруг начинает приобретать яркие, зелёные цвета: «*Окатаңкандулат бургагаңканы будиргаңчин, нэбургэңчин, чулбаняңрагач нёкчэпчич, оич тэттыдьүр, эвлбутникэн елачилра*» 'У рек заросли тополя радостные стоят в одежде перистой, мохнатой, сплошь зеленой богатой бахромой'. «*Эйду авлаңкарты чулбаняч нёчэч гиркуптэн. Чулбанямдаскачин, булаткачин одни*» 'Все поляны покрылись, как ковром, изумрудной зеленью'.

В этом произведении лирический герой считает всё в природе живым, по-своему воспринимает землю, деревья и солнце и с любопытством наблюдает за изменениями природы. Исследование показало, что Николай Тарабукин использует более классические цвета природы, это такие как «нёбаты» и «чулбаня». Также, следует отметить, что писатель мастерски пользуется двумя цветовыми эпитетами белого цвета, заменяя их между собой – «нёбаты» и «гилтаня», и цветом зелени в природе «чулбаня», «чулбаняңрагач», «чулбанямдаскачин».

Иные образы проступают в сюжете повести Марии Амамич «*Дэгэлэдилрилбу дэглбу набутникан эмэкэр ирануграр*» 'Не провожайте с тоской улетающих птиц', где Дюдя, бабушка главной героини учит многим мудростям свою внучку, например, не убивать зверей без надобности и не собирать много яиц при сборе, говорила, что птицы плачут, когда уничтожают их гнёзда. Так, героиня случайно находит гнёздышко птички и восторгается красотой беленьких яичек: «*Тала туннан көчүкэр нёбатыл умтал*» 'Там было пять крохотных беленьких яиц', «*Көөттэм, умтал тачин-та дэсчир нёбатыкакар*» 'Гляжу, а яйца лежат такие же беленькие и чистенькие' [6].

Рассматривая специфику цветовой палитры в эвенском языке Р.П. Кузьмина, отмечает следующее: «в эвенском языковом сознании белый цвет в системе цветообозначений является

одним из значимых. В диалектной картине мира эвенов *белый* цвет репрезентируется тремя лексическими единицами – *нёбаты*, *гилтаня*, *дурбаня* – *дулбаня*, аналогичными в своей семантике. В художественном и фольклорном дискурсах эвенов лексическая семантика *белого* цвета в своей коннотации всегда положительна [13].

В повести Марии Амамич находим другой подбор цветowych эпитетов, так, в третьей главе повести «Он би нөгэй гэлэчидив» ‘Как я искала себе сестрёнку’, тётя героини Устинья рассказала, как нашла маленького ребёнка в лесу и подвесила её к костру, чтобы она погрелась: «*Амарла нян нокрив тог өгэрдэлэн нямалдан, тэми тек хуланяккан один*» ‘А потом я подвесила её над огнём, чтобы она согревалась, вот потому она такая красенькая» [6]. Уменьшительно-ласкательный суффикс *-ккан* придаёт к цветovому эпитету «хуланя» ещё больше контрастности к описанию маленького беззащитного ребёнка. Героиня, воодушевлённая рассказом в спешке, вышла в лес искать новую сестрёнку. Опечаленная провалом в поисках, она стала наблюдать за ребёнком Устиньи: «*Көөчиддөттүм-тэкэн нонман хуланяв итиван*» ‘Мне оставалось только смотреть на её красное морщинистое лицо’.

В следующей главе «*Ями чукачар хонунотта*» ‘Почему плачут птицы’ мы наблюдаем мудрые рассказы Дюди, в которых отражены эвенские народные приметы: «*Дюдя гөвэттэн, кэкучэн гору кэкурэкэн, иманрала хуланя хинян бисэкэн — хоя олра бидин*» ‘Дюдя говорила, что, если кукушка долго кукует, а на снегу красные отсветы – будет много рыбы’. Здесь, эпитет «хуланя» использован для качественной характеристики природного явления.

Цветовозначения, репрезентированные в тексте в качестве характеристики иных природных явлений, могут быть представлены цветами «*хакарин*» ‘темные’, «*мэути*» ‘серый’. Дюдя настрого запретила девочке навещать гнездо, на что та не послушалась и из детского интереса потрогала их. Дюдя расстроилась и сказала, что в таком случае птички мамы оставляют своих детей и начинают плакать. А когда плачут птицы, льёт дождь: «*Няниндула хакарил төгэчир ичулрэ, нян долбу удалрин*» ‘На небе появились чёрные тучи, и ночью пошёл дождь’.

В последней главе повести героиня уже повзрослевшая, вспоминает эпизод из далёких времен её детства, когда они приезжали летом в небольшую, но богатую рыбой речку Алику. Она восхищается красотой горной речки, вспоминает своих подружек чаек: «*Дёлла дочидникан, окат хөлилэн, нёбатил, мэрэтил Дюдя нёчэрукэн урэчил, хэкэтич*» ‘Они мне очень нравились. Сидят, бывало, на камнях возле реки, белые круглые, как Дюдины заварные чайники, и важные’. «*Тэгникэн көөчиддөттэм: ясалатан мэрэтил, мэути, онататан чулбаня*» ‘Сяду на берег и разглядываю чаек: глаза круглые, серые клювы у них синеватые’.

Колоративы используются не только в текстах художественной прозы, но и в названиях, например, А. Кривошапкин, повесть «Белая дорогая». «Белая дорога» на эвенском обозначает чистую, праведную и правильную жизнь, по которой должен идти главный герой Гена Умтичан – молодой оленевод, пытающийся пойти против бригадира Кадара Болгитина, с целью сохранить больших и красивых самцов для увеличения количества оленей в оленеводческом стаде. Он сталкивается со многими трудностями: начиная от схватки с медведем в снежной тундре и заканчивая судьбоносной встречей с волками по дороге к группе других оленеводов. Гена Умтичан – был умным молодым человеком, выступавшим за идеи сохранения традиций и обычаев своих предков [14].

Название главы «Белые туманы Арктики» романа А. Кривошапкина «Кочевье длиною в жизнь» олицетворяет некую пограничную зону между реальностью и вымыслом. Как раз в четвёртой главе описываются события жизни автора, про его пребывание в армейской

службе. Здесь он, проходя обязательную военную службу, грезит о своей Родине и ещё больше мечтает об окончании службы [15].

При создании портретов литературных героев у Кривошапкина заметно употребление эпитетов «хакарин» ‘темные’, «нёбаты» ‘белый’ передающих цвет глаз, лица, волос, зубов. Так, повесть «Тормита буюсэмү» [16] ‘Охотник Тормита’ автор начинает с описания главного героя: “Ноһан икириди хөнтэ нярилдук гудадмар, хакарин эмүэ ясалални эмэрэл нян дуламал” ‘Тормита в отличие от других парней был выше, карими, зоркими и спокойными глазами, которые смотрели живо, широко и открыто’. В описании цвета карих глаз главного героя Тормита использован эпитет «хакарин» ‘темный’.

Как-то пошел в сельский клуб на киносеанс. И тут увидел белолицую девушку, свою будущую жену, узнал, что она дочь охотника Гирге: «Таракам, нёбаты итилкам асаткам иттиди, хо мянин» ‘И тут увидел белолицую девушку’. Он был удивлён, насколько девушка стройная, красивая и была с длинными чёрными волосами: «Асаткан икириди гуд бисин, хо ноһам хакарин нюритэлкэмэн мяучиникан көерин» ‘Она была рослая, с длинными черными волосами’.

Тормита известен тем, что он из пришлых, и он мало походит на коренного эвена. Так в главе «Эдэун алатта хөлнэдь», главный герой веселится с родными, и когда он рассмеялся, стали видны его белоснежные зубы: «Тормита хэбдекми иненэснэн, нёбаты итэлни гираһакан ичуснэ» ‘От радости у Тормита засияла улыбка, и его белые зубы блеснули’.

В главе «Дөр олрамачимһа» ‘Два рыбака’ даётся описание природы, где повсюду окружает зелёная тайга и на ясном небе, вокруг туманной горы летают орлы: «Ноһан эрэли чулбанял хигил, нямһалтандула гусэкрил гуд урэкчэр хо ханил» ‘Зеленая тайга стелется вокруг, а высокие горы возвышаются, радуя взор’.

Заключение

Эвенские поэты часто используют цветообозначения для описания явлений природы: «нёбаты» ‘белый’ – олицетворения зимы и снега, зимнего пейзажа, образы птиц и священного оленя; «чулбаня» ‘зеленый’ в изображении летнего пейзажа – травы, зелени, деревьев и неба; цвета «хаура» ‘темный’, «ялраня» ‘черный’ используются к определению ночи, неба; «мэути» ‘серый’ – масти животных; в описании предметов быта используются чаще цвета «хуланя» ‘красный’, цветовой эпитет, указывающий на цвет волос, глаз, зубов

Колоративы в эвенской литературе нами распределены в лексико-семантические группы:

- а) по признаку разнообразия оттенка одного цвета: «нёбаты» ‘белый’, «гилраня» ‘сверкающе-белая’;
- б) по цвету природных материалов «мэуэн» ‘серебряный’;
- в) по цвету масти животных: «мэути» ‘серый’, «ираһан» ‘сероватый’.

Эпитет, как категория образная, отражает в себе совершенствование творческой мысли. Глубокое изучение цветовых эпитетов в эвенской литературе могло бы стать важным этапом на пути создания общей картины развития художественно-изобразительных средств в эвенской лирике и прозе.

Литература

1. Соловьев С.М. *Изобразительные средства в творчестве Достоевского*. Москва; 1974:352.
2. Мисник М.А. Поэтика цвета как инструмент анализа художественного текста. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2024;16(1):137–145. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-137-1453.

3. Белолобская В.Г. О цветообозначении в эвенском языке. *Арктика. XXI век. Гуманитарные науки*. 2015;3(6):106-108.
4. Винокурова А.А. Пейзажная лирика в творчестве В. Д. Лебедева. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2012;7(18);2:49-52.
5. Винокурова А.А., Егорова С.И., Белолобская Е.Н. Женская лирика в эвенской поэзии. *Филология: научные исследования*. 2020;12:71-85. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.12.34561.
6. Амамич М.Н. *Не провожайте с тоской улетающих птиц. Дэгэлэдилрилбу дэгилбу эдилрэ набутникан ирануграр*. Повесть в новеллах. СПб.: «Арт-Экспресс»; 2024:196.
7. Винокурова А.А. Поэтика творчества В.Д. Лебедева. Дис. ... канд. филол. наук. СПб: 2011:250.
8. Белолобская В.Г. (Арчук). *Нургэнэк: Стихи, переводы*. Якутск: Бичик; 2019:80.
9. Степанов А., *Амму дэтлэвэн хиракчим: дентурал*. Якутск: Бичик; 2008:48.
10. Лебедев В. *Дялбу төрэннэтэн*. Якутск: Нека төрэнэн книга издательства; 1968:64.
11. Кейметинов В.С. (Баргачан). *Мявму маранган: Стихи и поэмы на эвен. яз.* Якутск: Бичик; 2001:94.
12. Тарабукин Н.С. (эвенс.) *Кунарару: рассказы и стихи для детей мл. шк. возраста*. Якутск: Бичик; 2009:101.
13. Кузьмина Р.П. Лексическая репрезентация цвета белый в эвенской лингвокультуре. В кн.: Винокурова А.А. (ред.) *Языки и литературы народов Северо-Востока России: современное состояние и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции*, г. Якутск, 15-16 декабря 2020 года. Якутск: Сахаада; 2022:30-32.
14. Кривошапкин А.В. *Белая дорога: повести*; пер. с эвен. В. Крупина. Москва: Современник; 1986:221.
15. Кривошапкин А.В. *Кочевье длиною в жизнь: роман*. Якутск: Бичик; 2000:332.
16. Кривошапкин А. В. *Тормита буюсэмнэ: на эвенском языке*. Якутск: Бичик; 2018:207.

References

1. Soloviev SM. *Visual means in Dostoevsky's works*. Moscow; 1974:352 (in Russian).
2. Misnik MA. Poetics of color as a tool for analyzing a fiction text. *Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology*. 2024;16(1):137-145 (in Russian). doi 10.17072/2073-6681-2024-1-137-1453.
3. Belolyubskaya VG. On color designation in the Even language. *Arctic. XXI century. Humanities*. 2015;3(6):106-108 (in Russian).
4. Vinokurova AA. Landscape lyrics in the works of V. D. Lebedev. *Philology. Theory & Practice*. 2012;7(18);2:49-52 (in Russian).
5. Vinokurova AA., Egorova SI., Belolyubskaya EN. Women's lyrics in Even poetry. *Philology: Scientific Research*. 2020;12:71-85 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0749.2020.12.34561
6. Amamich MN. *Do not see off the flying away birds with longing. A story in short stories*. St. Petersburg: "Art-Express"; 2024:196 (in Even).
7. Vinokurova AA. Poetics of V.D. Lebedev's creativity. Candidate's dissertation (Philological). SPb: 2011:250 (in Russian).
8. Belolyubskaya VG. (Arkuk). *Nurgenek: Poems, translations*. Yakutsk: Bichik; 2019:80 (in Even).
9. Stepanov A., *Ammu detleven hirakchim: dentural*. Yakutsk: Bichik; 2008:48 (in Even).
10. Lebedev V. *Dyalbu torenneten*. Yakutsk: Neka torenen book publishing house; 1968:64 (in Even).
11. Keymetinov VS. (Bargachan). *Myavmu marangan: Poems and poems in Even. Language*. Yakutsk: Bichik; 2001:94 (in Even).
12. Tarabukin NS. (evens.) *Kunarapu: Stories and poems for children younger school age*. Yakutsk: Bichik; 2009:101 (in Even).
13. Kuzmina RP. Lexical representation of the color white in Even linguistic culture. In: Vinokurova A. A. (ed.) *Languages and literatures of the peoples of the North-East of Russia: current state and development prospects: Materials of the All-Russian scientific and practical conference*, Yakutsk, December 15-16, 2020. Yakutsk: Sahaada; 2022:30-32 (in Russian).
14. Krivoschapkin AV. *White Road: stories*. Lane with Even V. Krupina. Moscow: Sovremennik; 1986:221 (in Even).
15. Krivoschapkin AV. *Lifelong nomadism: a novel*. Yakutsk: Bichik; 2000:332 (in Even).
16. Krivoschapkin AV. *Tormita buyusemye*. Yakutsk: Bichik; 2018:207 (in Even).

Об авторах

ВИНОКУРОВА Антонина Афанасьевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой северной филологии Института языков и культуры народов СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0003-0838-2958, Scopus Author ID: 57204662620, SPIN-код: 5215-3627, РИНЦ AuthorID: 530467, e-mail: antonina-vinokurova@bk.ru

КОЛЕСОВА Надежда Иннокентьевна – студентка Института языков и культуры народов СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»

About the authors

Antonina A. VINOKUROVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Northern Philology, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0003-0838-2958, Scopus Author ID: 57204662620, SPIN code: 5215-3627, RSCI AuthorID: 530467, e-mail: antonina-vinokurova@bk.ru

Nadezhda I. KOLESOVA – Student, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Вклад авторов

Винокурова А.А. – формулирование идеи, формулирование целей и задач, разработка методологии исследования; создание модели исследования, проведение исследовательского процесса; подготовка и создание черновика рукописи, в частности написание первоначального текста рукописи; комментирование или пересмотр рукописи, включая этапы до или после публикации рукописи.

Колесова Н.И. – сбор практического материала исследования.

Authors' contribution

Antonina A. Vinokurova – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; development or design of methodology; creation of models; conducting a research and investigation process; preparation, creation and/or presentation of the published work, specifically writing the initial draft preparation, creation and/or presentation of the published work – including pre-or postpublication stages.

Nadezhda I. Kolesova – collection of practical research material.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that he has no conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 12.06.2025

Принята к публикации / Accepted 25.06.2025

– ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ –

УДК 81'322.4

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-39-52>*Оригинальная научная статья*

Анализ ошибок машинного перевода текстов разных жанров в паре «русский и якутский языки»

А. А. Васильева✉, О. В. БурцеваСеверо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация✉ vaaperevod@mail.ru, olgamekbur@mail.ru

Аннотация

В статье на примере трех отрывков из текстов разных жанров анализируются ошибки, допущенные онлайн-переводчиками Яндекс.Переводчик и Google Translate в паре «русский и якутский языки». Якутский язык в онлайн-переводчики был внедрен несколько лет назад, и массовое их использование только начинается. Анализ ошибок машинного перевода в паре «русский и якутский языки» может способствовать выработке рекомендаций для эффективного обучения и машинных систем, и переводчиков-людей, прежде всего постредактированию автоматизированного перевода. Поэтому на данном этапе развития теории и практики русско-якутского перевода выработка классификации ошибок машинного перевода, представленная в данной статье, является весьма актуальной. В экспериментальных целях с помощью указанных сервисов были сделаны переводы следующих текстов: а) отрывок из научного доклада на русском языке; б) отрывок из перевода Библии на якутском языке (обратный перевод на русский язык); в) стихотворение на якутском языке на тему нравственности. Классификация ошибок машинного перевода в этой паре языков основывается на существующих в других парах языков типологиях: а) лексико-семантические и лексико-стилистические ошибки; б) нормативно-узусальные ошибки; в) грамматические ошибки; г) орфографические ошибки; д) пунктуационные ошибки. Описывается характер ошибок и поясняются причины их возникновения. Основными причинами ошибок оказываются: а) разный объем заложенных в машины исходных данных для осуществления анализа языка текста, предназначенного к переводу; б) специфика сходств и различий контактирующих языков, связанная с полисемией и грамматическими лагунами. При сравнении качества переводов обоих сервисов отмечаются их сильные и слабые стороны, проявленные при переводе с якутским языком. В конце статьи делаются выводы о совершенствовании лингвистических баз этих сервисов и о необходимости приобретения соответствующих новых компетенций профессиональными переводчиками, работающими в паре «русский и якутский языки».

Ключевые слова: машинный перевод, русский язык, якутский язык, переводческие ошибки, лексика, грамматика, искажение, неточность, Google Translate, Яндекс.Переводчик, постредактирование машинного перевода

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Васильева А. А., Бурцева О. В. Анализ ошибок машинного перевода текстов разных жанров в паре «русский и якутский языки». *Алтаистика. Altaistics*. 2025, № 2 (17), С. 39-52. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-39-52>

Analyzing machine translation errors in texts of different genres in the Yakut-Russian language pair

Akulina A. Vasilieva✉, Olga V. Burtseva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉vaaperevod@mail.ru, olgamekbur@mail.ru

Abstract

The article analyzes errors of web translators Google Translate and Yandex Translate in the Yakut-Russian language pair in three texts of different genres. The Yakut language was introduced to web translators several years ago, and their mainstream use is at an early stage. Analyzing machine translation in the Yakut-Russian language pair can contribute to the development of recommendations for the effective training of both machine systems and human translators, primarily in machine translation post-editing. Thus, the classification of machine translation errors in this article is relevant in the current development stage of the Yakut-Russian theory and practice. For the experiment's purposes, the following texts were translated via the specified services: a) an excerpt from a scientific paper in Russian; b) an excerpt from a translation of the Bible into Yakut (reverse translation into Russian); c) a poem in Yakut on morality. The classification of machine translation errors in this language pair is based on typologies of other language pairs: a) lexico-semantic and lexico-stylistic errors; b) errors in standards and usage; c) grammar errors; d) spelling errors; e) punctuation errors. The nature of errors is described and the reasons for their occurrence are explained. The main causes of errors are: a) the difference in the volume of initial data in the machine systems for analyzing the language of the text being translated; b) the special nature of similarities and differences of contacting languages, associated with polysemanticity and grammar gaps. Upon comparing the quality of translations of both services, their strengths and weaknesses in translation with the Yakut language are noted. The article concludes that the linguistic databases of these services need improvements, and human translators who work with the Yakut-Russian language pair need to acquire corresponding expertise.

Keywords: machine translation, Yakut language, Russian language, translational errors, vocabulary, grammar, alterations, infelicity, Google Translate, Yandex Translate, machine translation post-editing

Funding. The study had not financial support

For citation: Vasilieva A.A., Burtseva O.V. Analyzing machine translation errors in texts of different genres in the Yakut-Russian language pair. *Altistics*. 2025, No 2 (17), Pp. 39-52. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-39-52>

Введение

Из множества имеющихся сервисов по переводу текстов якутский язык используется в Google Translate и Яндекс.Переводчик. Эти два сервиса представляют собой ведущие платформы для машинного перевода, каждая из которых имеет свои уникальные особенности и подходы. История создания Google Translate и Яндекс.Переводчика весьма интересна и отражает эволюцию технологий машинного перевода [1].

Google Translate – это бесплатный сервис, разработанный компанией Google в апреле 2006 г. Изначально сервис использовал статистический машинный перевод (далее – МП), основанный на анализе больших объемов параллельных текстов. Статистический подход позволял компьютеру находить закономерности в текстах и делать предположения о переводе, основываясь на частоте встречаемости тех или иных словосочетаний. В ноябре 2016 г. Google представил революционную технологию – нейронный МП (NMT). Вместо традиционного дословного перевода NMT использует глубокую нейронную сеть, которая обрабатывает целые предложения одновременно, учитывая контекст. Это позволило значительно улучшить качество перевода, особенно для длинных и сложных предложений. В настоящее время Google Translate обеспечивает перевод на более чем 240 языков. Якутский язык в него был загружен в 2024 г. в составе последнего крупнейшего обновления [2].

Яндекс.Переводчик был запущен в 2011 г. и изначально использовал статистический подход, аналогичный Google Translate. Основной целью разработки было создание эффективного инструмента для перевода текстов на русском языке и с русского на другие языки. В отличие от Google, Яндекс сделал акцент на адаптивность и локализацию. Команда разработчиков активно работала над улучшением качества перевода для русского языка и языков постсоветского пространства. Это включало использование собственных корпусов текстов и развитие уникальных алгоритмов, адаптированных под особенности этих языков. В последние годы Яндекс.Переводчик перешел на использование нейронных сетей, что повысило качество перевода. Сервис также внедрил функцию персонализации, позволяющую пользователям создавать собственные словари и настраивать предпочтения для определенных тематик. Якутский язык в Яндекс.Переводчик был внедрен в 2020 г. [3].

Эти два сервиса представляют собой ведущие платформы для машинного перевода, каждая из которых имеет свои уникальные особенности и подходы. Многие исследователи и языковые активисты убеждены, что с помощью систем машинного перевода, в том числе развивающихся алгоритмов распознавания и синтеза речи, повышаются шансы на сохранение исчезающих языков, что определяет актуальность лингвистического исследования продукции машинного перевода, актуальность выработки практических рекомендаций для обучения искусственного интеллекта (далее – ИИ), а также подготовки переводчиков со специальными навыками постредактирования машинного перевода.

Для оценки качества перевода немаловажной является типология переводческих ошибок с учетом специфики МП. Так, Т.А. Иванченко отмечает, что «Причины ошибок в переводах систем машинного перевода можно связать, с одной стороны, со спецификой естественных языков и речевых произведений, порождаемых на этих языках, с другой – с несовершенством алгоритмов работы систем машинного перевода в настоящее время, которые не учитывают эту специфику и не способны, в отличие от человека, выдавать приемлемый по качеству перевод, не требующий дальнейшего редактирования» [4, с. 32]. Однако эти алгоритмы задаются человеком, поэтому для обучения ИИ в системах машинного перевода с якутским языком необходимо сотрудничество программистов и лингвистов, которые сообщая могли бы приспособить результаты сопоставительных исследований русского и якутского языков для улучшения качества машинного перевода.

За многие десятилетия развития теории перевода было выработано много разных типологий переводческих ошибок, которые используются не только для описания самого процесса перевода, но и в дидактике перевода. Обзорам типологий переводческих ошибок посвящены главы в монографиях и отдельные статьи исследователей как машинного, так и человеческого перевода [5–8].

В теории русско-якутского перевода была выработана следующая типология переводческих ошибок, уходящая корнями в типологии, разработанные Р. К. Миньяром-Белоручевым (1988), Л. К. Латышевым (2000), Н. К. Гарбовским (2004): 1. Ошибки (итэбэс, т. е. недостатки) содержания текста перевода: а) искажение (токурутуу); б) неточность (халбан тылбаас); в) неясность (мунаах тылбаас); г) потеря информации (көтүтүү); 2. Ошибки (итэбэс, т. е. недостатки) языка перевода: а) игнорирование особенностей языковой системы (тыл систиэмэтин кэһэр); б) нарушение литературных норм (тыл литературнай нуорматын кэһэр); в) нарушение узуса (тыл үөрүйэбин кэһэр). Эти ошибки рассматриваются в вузовском учебном пособии в связке с их причинами: содержательные ошибки возникают из-за недостаточной компетентности переводчика, т. е. имеют субъективный характер, а языковые и речевые ошибки возникают не только из-за недостаточной компетентности переводчика, но и по условно объективным причинам, например, из-за системных расхождений русского и якутского языков (отсутствие того или

инного грамматического явления или их функциональное различие, узуальные особенности и т.п.) [9].

В данной типологии внимание уделяется причинам возникновения переводческих ошибок с тем, чтобы будущий переводчик понимал, как нельзя переводить и почему. Поэтому типология ошибок при русско-якутском переводе, разработанная в дидактических целях вузовской подготовки переводчиков с якутским языком, полностью соответствует следующему обобщению Е. А. Княжевой: «В классических работах по переводоведению, выполненных в теоретическом ключе, интерес к переводческим ошибкам зачастую связан с изучением проблем асимметрии языковых систем, анализом причин и характера девиатов и т. д. Исследования прикладного характера, как правило, ориентированы на оптимизацию оценки переводов в дидактических или узкопрофессиональных целях и поэтому соответствующие классификации являются очень детальными» [5, с. 190].

Лингвисты, исследующие МП, также обращаются к типологиям переводческих ошибок, адаптируют их для того, чтобы анализировать ошибки МП и улучшать его качество [6, 10–13]. Из выводов указанных работ для оценки качества МП с якутским языком актуальны следующие: 1) «Машинный перевод позволяет существенно сэкономить время и, в целом, современные системы нейронного перевода прекрасно справляются с задачей передачи общего смысла сообщения. Однако, они еще не достигли того уровня совершенства, когда участие человека из переводческого процесса полностью исключается. Именно по этой причине сегодня набирает популярность профессия постредактора: человека, который «доводит перевод до приемлемого уровня» [10, с. 52]; 2) для систем МП с русским языком, в частности с немецкого на русский, характерны следующие типы ошибок: «лексико-семантические и лексико-стилистические ошибки; нормативно-узуальные ошибки, то есть ошибки, связанные с нарушением речевой нормы языка перевода; грамматические ошибки; пунктуационные ошибки; орфографические ошибки» [4, с. 33]; 3) «наиболее частотными оказываются лексико-семантические ошибки. Относительно редкими в современных системах МП являются ошибки в орфографии и пунктуации и ошибки, связанные с опущением отдельных слов или фрагментов текста» [6, с. 18]; 4) «У различных ошибок разный «вес» с точки зрения их способности приводить к коммуникативному сбою. Наиболее значимыми являются ошибки, относящиеся к группе лексико-семантических» [6, с. 18]. С увеличением количества исследований, посвященных качеству МП с якутским языком, эти выводы могут быть скорректированы с учетом специфики русского и якутского языков, и объема баз данных, на которых основывается МП в указанной паре языков.

Материалы и методы

Для оценки качества перевода Google Translate и Яндекс.Переводчик были использованы следующие категории текстов: а) текст № 1 – отрывок из научного доклада одного из авторов данной статьи, местами со сложными грамматическими конструкциями на русском языке; б) текст № 2 – отрывок из перевода Библии на якутском языке (был проделан обратный перевод на русский язык); в) текст № 3 – стихотворение на якутском языке на тему нравственности. Переводы были сделаны в феврале 2025 г., предварительные результаты эксперимента представлены на Всероссийской НПК в г. Якутске 14 марта 2025 г.

Для анализа возможностей двух онлайн-переводчиков, содержащих в себе якутский язык, была применена классификация переводческих ошибок МП из статьи Т. Иванченко, которая в том или ином виде также встречается в работах других авторов: а) лексико-семантические и лексико-стилистические ошибки; б) нормативно-узуальные ошибки; в) грамматические ошибки; г) пунктуационные ошибки; д) орфографические ошибки. Кроме этого, в данной статье сравниваются и пользовательские возможности сервисов.

Целью эксперимента стало определение способности сервисов справляться с различными уровнями сложности языкового материала. Критериями качества перевода сервисов были следующие ожидания:

1) сохранение семантической точности – сравнивается, насколько точно передается смысл оригинального текста, особенно в случаях с идиоматическими выражениями и культурными особенностями;

2) грамматическая корректность – сравнивается правильность построения предложений, согласование времен, родов и чисел, а также использование предлогов и союзов;

3) стилистическое соответствие – сравнивается, насколько стиль перевода соответствует стилю оригинала;

4) контекстуальная адаптация – определяется то, учитывают ли сервисы контекст при переводе многозначных слов и т. п.;

5) скорость обработки – сравнивается время, необходимое сервисам для выполнения перевода каждого текста. Это поможет определить их производительность и удобство для пользователя;

6) интерактивность и удобство интерфейса – сравнивается простота использования сервисов, наличие дополнительных функций (например, встроенные словари, возможность исправления ошибок вручную).

Результаты и обсуждение

Итак, текст № 1 – отрывок из доклада «Нравственные основы Библии для детей: перевод заповедей на язык саха», в котором наряду с мыслями о важности родного языка при формировании нравственных основ человека через библейские заповеди, упоминается другой механизм формирования светских законов в современном обществе.

Как представлено в табл. 1, перевод этого отрывка сервисом Google Translate получился более высокого качества, чем у Яндекс.Переводчик. Из 21 предложения 8 переведены корректно обоими сервисами, поэтому эти предложения не включены в таблицу. Можно сделать вывод, что перевод простых нераспространенных предложений онлайн-переводчиками выполняется без особого труда, на примере предложений: «Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно»; «Почитай отца твоего и мать»; «Не убий»; «Не укради».

Таблица 1

Результат перевода сервисами

Table 1

Translation results by the services

№	Исходный текст №1	Яндекс.Переводчик	Google Translate
1	Установленные государством законодательные акты призваны обеспечить стабильность в обществе, а также защитить права человека посредством принятых норм морали.	Государство олохтоммут сокуон аакталара общества бигэ туруктаах буолууну хааччыйарга, ону таһынан моральный нуормаларынан киһи быраабын көмүскүүргэ ынырылынна.	Судаарыстыба олохтообут сокуоннай аакталара уопастыбаҕа туруктаах буолууну хааччыйарга, ону тэнгэ ылыллыбыт сизр-майгы нуормаларынан киһи быраабыгар көмүскэллээх буолаллар.
2	Правовые нормы регулируют поведение людей с помощью системы законов и подзаконных актов, принятых компетентными правотворческими органами.	Правовой нуормалар дьон сокуоннар тиһигин уонна сокуоннай аакталар көмөлөрүнэн ылыныллыбыт сокуоннар тиһиктэринэн бэрээдэктииллэр.	Сокуон нуормалара дьон быһыытын-майгытын сөптөөх сокуону онорор уорганнар ылыммыт сокуоннарын уонна быраабылаларын систиэмэтинэн хонтуруоллууллар.

3	Они упорядочивают значительную область общественно-государственных отношений вместе с тем, они оставляют вне сферы своего влияния отношения, регулируемые религиозными нормами (зависть, верность, внебрачные отношения).	Кинилэр общественнай-государственной сыһаннаһылар ураты уобарастарын бэрээдэктээн, сыһаныгар сабыдыаллаан (ордугурбааһын, итэҕэл, эйбэстик, эйбэстик сыһаннаһы) салаллар.	Кинилэр уопастыбаннай-судаарыстыба сыһаннаһыларын улахан эйгэтин тупсараллар, ону кытта бэйэлэрин сабыдыалларын эйгэтин таһыгар хааллараллар итэҕэл нуормаларынан бэрээдэктээх сыһаннар (ымсы, бэриниилээх буолуу, дыиз кэргэн таһынаабы дымалалар).
4	В то время, когда Десять заповедей Библии затрагивают все сферы человеческих взаимоотношений.	Библия уонча кэриэстэрэ киһи аймах сыһанын бары эйгэтин таарыйар кэмнэрэ.	Библия Уон Кэриэһин киһи-аймах сыһанын бары эйгэтигэр дьайар кэмигэр.
5	Краткое содержание 10 заповедей:	10 кэриэс кылгас ис хоһооно:	Уон ыйыы түмүгэ:
6	2. Не сотвори себе кумира.	2. Кумиры айыма.	2. Бэйэҕин кумир оностума.
7	4. Помни день субботний, чтобы святить его (день седьмой — суббота Господу).	4. Субуотаҕа кини Сибэтиэй күнэ (сэттис-Айыы тойон субуота күн).	4. Субботаны сибэтиэйдик тутуһарга өйдөө (сэттис күн – Айыы Тойон субуотата).
8	7. Не прелюбодействуй.	7. Көссүүлэспэккин.	7. Ойохтонума.
9	9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.	9. Чугас дьоннор сымыйанан туоһулаама.	9. Чугас киһигин утары сымыйа туоһулаама.
10	10. Не желай ничего, что у ближнего твоего.	10. Чугас дьоннор тугу да баҕарбаккын.	10. Чугас киһин туохха да баарын баҕарыма.
11	Первые четыре заповеди показывают как проявлять любовь к Богу, последние шесть заключают в себе обязанности любви к ближнему (т.е. ко всем людям).	Бастакы түөрт кэриэһи танара тапталын быһыытынан көрдөрөллөр, тиһэх алта киһи чугастаабытыгар (т.е. дьонно барытыгар).	Бастакы түөрт кэриэс Танараҕа тапталы хайдах көрдөрөргө көрдөрөр, бүтүһүк алта кэриэһигэр чугастаабы киһини (ол аата бары дьону) таптыыр эбээһинэс баар.
12	В Новом Завете Иисус Христос разъяснил содержание Десяти заповедей сведя их к двум величайшим: о любви к Богу и о любви к ближнему.	Саҥа кэс тылга Иисус Христос уон кэриэстэрин ис хоһоонун икки улуу кэриэс икки сүгүһүк суолталаабын быһаарбыта: Танараҕа таптал уонна чугастаабыга таптал туһунан.	Саҥа Кэс Тылга Иисус Христос Уон Кэс Тыл ис хоһоонун быһааран, кинилэри икки улахан Кэс Тылга кыччаппыт: Танараҕа таптал уонна чугастаабы киһиэхэ таптал.
13	Словами «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя». Иисус Христос не упразднил, а углубил и утвердил их важное значение.	«Айыы Тойон Танараҕын бүтүн сүрэххинэн таптаа, туох баар өйгүнэн-санаабынан; бу бастакы уонна саамай улахан кэриэс; оттон иккиһин манньк этэр: чугас дьоннун бэйэтин курдук таптаа». Иисус Христос үрдэппэтэҕэ, дирин суолталаабын бигэргэппитэ.	Тылларынан эттэххэ, «Айыы Тойон Танараҕын бүтүн сүрэххиттэн, бүтүн дууһабынан, бүтүн өйгүттэн-санаабыттан таптаа: бу бастакы уонна саамай улахан кэриэс, иккис кэриэс: Чугас киһигин бэйэҕин курдук таптаа». Иисус Христос суох онорботоҕо, кинилэр суолталарын дирингэтэн, бигэргэппитэ.

Далее обратим внимание на ошибки, выявленные при переводе остальных 13 предложений, представленных в табл. 1:

а) лексико-семантические и лексико-стилистические ошибки:

– искажения, вызванные пропуском перевода слов: в предложении №2 Яндекс.Переводчик пропустил перевод слова *поведение* ‘быһыы-майгы’, в результате исказился смысл предложения, будто бы люди регулируют что-то, однако неправильный выбор падежей (грамматическая ошибка) усугубил ситуацию, в итоге перевод предложения оказался непонятным набором слов. В предложении № 11 пропущен перевод слова *как* ‘хайдах’, в результате любовь к Богу превратилась в любовь Божью;

– искажения, вызванные неправильным подбором синонимов, словарных соответствий: Яндекс.Переводчик в предложении № 1 использовал ‘ыгырылынна’ в качестве перевода слова *призван*, хотя по контексту соответствовало бы слово ‘анаммыт’ или ‘аналлаах’ (т. е. ‘предназначается, предназначен’). В предложении № 3 для слова *область* в смысле *сфера* подобран немотивированный перевод ‘убарас’ (‘образ’); для понятия *верность* подобрано слово ‘итэбэл’ (‘вера, религия’); а для понятия *внебрачные отношения* – словосочетание ‘эйэбэстик сыһыаннаһы’ (т. е. ‘вежливое отношение’). Несмотря на то, что перевод предложения грамматически построен правильно, большое количество неверных лексических соответствий превращает предложение в абсурд. Google Translate в данном отрывке допустил больше подобных ошибок. Например, в предложении №2 глагол *регулирует* переведен как ‘хонтуруоллуулар’, т. е. ‘контролируют’, а не ‘салайаллар’ (‘управляют’), или не ‘сааһылылар’ (‘упорядочивают’), как в Яндекс.Переводчике. В предложении № 13 глагол *не упразднил* Яндекс.Переводчик перевел как ‘үрдэппэтэбэ’ (т. е. ‘не возвысил’), в то время как Google Translate подобрал более подходящий глагол ‘суох онорботоҕо’ (т. е. ‘не уничтожил / не исключил’);

– неясности, вызванные пропуском перевода слов: неправильно переведенный Яндекс.Переводчиком глагол *призваны* в предложении № 1 в Google Translate пропущен, видимо, из-за грамматической формы перевода однородного глагола *защитить* ‘көмүскэллээх буолаллар’ в конструкции *призваны обеспечить..., а также защитить...* Таким образом, данную ошибку можно отнести и к грамматическим;

б) нормативно-узусальные ошибки: В предложении № 3 Google Translate допустил узусальные ошибки, вызванные дословным (пословным) переводом *улахан эйгэ* (т. е. ‘большая сфера’) вм. *киэн эйгэ* (т. е. ‘широкая сфера / область’) при переводе словосочетания *значительная область*; ‘дьэз кэргэн таһынаабы сыһыаннаһылар’ (т. е. ‘отношения вне семьи’) вм., например, ‘көссүүлэһии’ или ‘хос ойохтонуу’ при переводе словосочетания *внебрачные отношения*.

Кроме этого, важно отметить, что Google Translate использовал три синонима перевода слова *заповедь* на протяжении всего текста – ‘ыйыы’ (т. е. ‘указание’) в предложении № 5, ‘кэриэс’ (т. е. ‘завет, заповедь’) в предложениях № 11 и № 13, ‘Кэс Тыл’ (т. е. ‘Завет’) в предложении № 12, тогда как Яндекс.Переводчик использовал единственный вариант – ‘кэриэс’;

в) грамматические ошибки:

– неправильный подбор формы числа, несогласованность в числе: Яндекс.Переводчик в предложении № 2 – *сокуоннар тиһигин* вм. *сокуоннар тиһиктэрин* (согласование во мн. ч. – аффикс -лар имеется в обоих компонентах изафетного словосочетания) или *сокуон тиһигин* (согласование в ед. ч. обоих компонентов изафетного словосочетания). В предложениях №4 и № 12 Яндекс.Переводчик использовал форму мн. ч. существительного в словосочетании с числительным больше 1, что является нарушением литературной нормы. В предложении № 10 Яндекс.Переводчик немотивированно заменил форму ед.ч. *ближний твой* на форму мн. ч. ‘чугас дьоннор’ (т. е. ‘близкие люди’). Необходимо

отметить, что в данном сервисе форма мн. ч. используется слишком часто, вслед за оригиналом, тогда как по литературным и узуальным нормам якутского языка во многих случаях используется форма ед. ч., а значение множественности выражается различными лексическими и грамматическими способами. В этом отношении перевод Google Translate больше соответствует нормам якутского языка;

- неправильный подбор формы лица лично-возвратного местоимения. В предложении № 13 лично-возвратное местоимение от основы *бэйэ* стоит в форме III лица *бэйэтин* вместо формы II лица *бэйэбин*;

- неправильный подбор отрицательной формы глагола. В предложениях № 8 и № 10 вместо отрицательной формы повелительного наклонения II лица ед. ч. на *-ыма* Яндекс.Переводчик использовал отрицательную форму изъявительного наклонения настоящего-будущего времени II л., ед. ч. на *-баккын*, которая используется «в качестве одного из средств выражения пожелания к совершению действия» [14, с. 207], но не соответствует по категоричности оригиналу. Эти же предложения Google Translate перевел семантически неправильно, но грамматически верно;

- неправильный подбор эквивалентов падежно-предложных форм. В предложении № 6 возвратное местоимение *себе* стоит в дательном падеже. Оба онлайн-переводчика перевели это предложение неверно. Яндекс.Переводчик опустил местоимение, т. е. не перевел его, чем вызвал искажение смысла оригинала. Google Translate использовал форму винительного падежа ‘бэйэбин’ (т. е. ‘себя’) вместо дательного ‘бэйэбэр’ (т. е. ‘себе, для себя’), тем самым исказил смысл оригинала. В предложении № 9 Яндекс.Переводчик отразил формальное соответствие винительного падежа русского языка и дательного падежа якутского языка, проигнорировав, в отличие от Google Translate контекст оригинала, в котором предлогу *на* соответствует послелог ‘утары’ (т. е. ‘против’). Предложение № 10 обоими сервисами переведено неправильно из-за того, что онлайн-переводчики не смогли установить по контексту опущенное в оригинале слово *есть/имеется* («Не желай ничего, что [есть] у ближнего твоего»). В переводе на якутский язык переводчик-человек восстановил бы опущенное слово и перевел бы словом наличия ‘баар’ (т. е. ‘есть, имеется, существует’) в форме винительного падежа ‘баары’ (т. е. ‘то, что имеется’ (в вин. п.);

- нарушение порядка слов в предложении. В предложении № 2 Google Translate неправильно определил место слова ‘сөптөөх’ (т. е. ‘подходящие / соответствующие требованиям чего-либо’), выступающего как соответствие слова *компетентные*. Из-за этого возникла неясность в переводе, которую можно было бы устранить путем перемещения слова ‘сөптөөх’ ближе к определяемому им слову ‘уорганнар’ (т. е. ‘органы’);

г) орфографические ошибки. К орфографическим ошибкам можно отнести написание строчными буквами слов, которые традиционно пишутся с заглавной буквы в текстах данной тематики (Яндекс.Переводчик, предложения № 7, № 12). Сюда же можно отнести и случаи отказа от транскрибирования заимствуемых слов по фонетическим законам якутского языка (Яндекс.Переводчик, предложения № 1, № 2, № 3).

Следующий текст для сравнительного анализа – отрывок из перевода Библии «Аан дойду айыллыта» (‘Сотворение неба и земли’) [15, с. 9–10]. Для демонстрации в данной статье выбраны только те предложения, которые переведены некорректно. Результат перевода обоими системами представлен в таблице № 2.

Таблица 2

Результат перевода сервисами

Table 2

Translation results by the services

Исходный текст	Яндекс.Переводчик	Google Translate
6. Онтон Танара: «Уу ортотугар кытаанах арана баар буолан ууну икки аныгы араардын», – диэбитэ.	6. И сказал Бог: раздели воду на две части, потому что между ними есть твердый слой.	6. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделит она воду от воды.
7. Танара кытаанах арананы онгорон, арана аннынаабы ууну арана үрдүнээби ууттан араарбыта. Эппитин курдук буолбута.	7. Бог создал твердый слой и отделил воду, находящуюся под слоем, от воды, находящейся над слоем. Так и случилось.	7. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью: и стало так. Все произошло так, как он сказал.
8. Танара кытаанах арананы «халлаан» диэн ааттаабыта. Кизһэ буолбута, сарсыарда буолбута – иккис күн бүппүтэ.	8. Бог называл твердый слой «небом». Произошло это вечером, произошло утром – закончился второй день.	8. И назвал Бог твердь небом. И был вечер и утро дня второго.
9. Онтон Танара: «Халлаан аннынаабы уу бииргэ мустан, кураанах сир көһүннүн», – диэбитэ. Эппитин курдук буолбута.	9. И сказал Бог: пусть вода Под небом соберется вместе, и земля станет пустой. Так и случилось.	9. И сказал Бог: да соберётся вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. Все произошло так, как он сказал.
10. Танара кураанах сири «сир», оттон мустубут ууну «байбал» диэн ааттаабыта. Итиэннэ Танара итини барытын көрөн сөбүлээбитэ.	10. Бог назвал сушу «землей», а воду «морем». И Бог, видя все это, согласился.	10. И назвал Бог сушу Землей, а собрание вод назвал Морями. И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма.

Яндекс.Переводчик не смог передать торжественности стиля оригинала, и допустил много ошибок, многословие. К лексико-стилистическим ошибкам можно отнести следующие: *баар буолан* – ‘потому что между ними есть’; *кизһэ буолбута, сарсыарда буолбута* – ‘произошло это вечером, произошло утром’. Есть ошибки в подборе синонимичных эквивалентов: *кураанах сир* – ‘земля пустая’, вм. ‘сухая’; *сөбүлээбитэ* – ‘согласился’, вм. ‘понравилось/принял’, хотя в русском оригинале глаголу *сөбүлээбитэ* соответствует ‘[и увидел Бог], что это хорошо’. Также допущены грамматические ошибки: (*кени*) *араардын* (т. е. ‘(он) разделит+пусть’) (III л.) – ‘(ты) раздели’ (II л.); некорректно передана видо-временная форма глагола: *ааттаабыта* – ‘называл’ (несов. в.). В пяти предложениях перевода отсутствуют пунктуационные и орфографические ошибки.

В отличие от Яндекс.Переводчика, Google Translate смог сразу идентифицировать текст из Писания – перевод этого сервиса имеет почти полное соответствие тексту Синодального перевода Библии. Возможно, переводы Библии на разные языки содержатся в корпусе Google Translate в качестве параллельных текстов. Эти переводы привлекают внимание лингвистов именно благодаря своей эквивалентности. Например, известно, что в 2016 г. германскими лингвистами была создана база из переводов Библии на 1169 языках для автоматического анализа языковых маркеров грамматической категории времени [16]. В исследуемом якутско-русском переводе в предложениях №7 и №9 онлайн-переводчик добавил дословный перевод якутской фразы «Эппитин курдук буолбута» – ‘Все произошло

так, как он сказал'. На самом деле эта фраза является якутским пояснительным переводом фразы 'И стало так'. Из этого следует, что Google Translate стремится делать полный перевод всего заданного текста.

Также допущена пунктуационная ошибка в предложении №9 при передаче прямой речи – отсутствуют кавычки, прямая речь не начинается с заглавной буквы. Это также объясняется тем, что Google Translate идентифицировал Синодальный перевод и скопировал форму предложений. В предложении №10 имеется орфографическая ошибка – написание слов с заглавной буквы вместо строчной как в тексте-оригинале.

Третий текст для сравнительного анализа перевода Google Translate и Яндекс. Переводчик – стихотворение на якутском языке известной поэтессы Елизаветы Мигалкиной [17], в котором осуждаются человеческие грехи. В таблице №3 наряду с оригиналом и двумя переводами, сделанными машинами, в четвертой колонке дается подстрочный перевод, выполненный одним из авторов данной статьи. В подстрочном переводе в квадратных скобках даются слова, раскрывающие семантику и эмоциональные оттенки якутских слов, подобранных поэтессой с учетом гармонии звуков для выражения своего отношения к человеческим грехам.

Таблица 3

Результат перевода сервисами

Table 3

Translation results by the services

Исходный текст	Яндекс.Переводчик	Google Translate	Подстрочный перевод авторов статьи
Киһи барахсан	Человек	Человек почти	Человек [милый / слабый]
Орто дойдуга оһоһулан кэлиэбиттэн	С появлением средневековья	Так как он был создан в Среднем мире	С момента прихода в Срединный мир
Олуона да олобу	Личная жизнь	Даже жизнь	Странную [бестолковую] жизнь
Олорорго күһэллэр:	Вынужденный жить:	Их заставляют сидеть:	Проживать вынужден:
Суугунуур солкобо сууланар,	Обертывается в шелк,	Обернутый прохладным шелком,	В [дорогие] шелестящие шелка оборачивается,
Хачыгырас харчыга хараһарар,	Темнеет на скрипучих деньгах,	Крик омрачен деньгами,	К шуршащим деньгам [одержимо] стремится,
Чалбаран аска чачайар,	Чалый едит,	Твои молитвы разбросаны по еде,	[Чрезмерно] изобильной едой давится,
Суон сурахха суудайар,	Судит на слух,	По данным Swan Learning,	Известным стать [тщеславно] пытается,
Сүүс сыл олоруон саантыыр,	Ему грозит до ста лет лишения свободы,	Он хочет прожить сто лет,	Желает сто лет прожить,
Аҕала сатаан араастаан саатыыр...	Он стыдится своего отца...	Его отец пытается отличить...	Развлекается как может...
Өссө таптал татакыйдаах,	Еще есть любовь,	А еще любовь привлекательна,	А еще любовь [плотская] обурекает,
Төрүүр-ууһуур айдааннаах...	Рождается и размножается...	Репродуктивное насилие...	Плодится и размножается [неукротимо]...

Сравнительный анализ показал, что оба сервиса сталкиваются с существенными трудностями при переводе художественных текстов, особенно стихотворений. Онлайн-переводчики оказались неспособными сохранить оригинальные смыслы и стилистику, что привело к значительным искажениям и неточностям вплоть до бессмысленности. Оба онлайн-переводчика запутались в омонимах (*олор* – ‘жить, сидеть, быть заключенным под стражу’) и в многозначных словах (*айдаан* – ‘шум, скандал’, в данном контексте – ‘неблаговидные занятия’ (значение №4 в Большом толковом словаре якутского языка, том 1, стр. 340)). В их словарях (лексических базах), видимо, не оказалось звукоподражательных глаголов (*суугунаа* – ‘шелестеть’, *хачыгыраа* – ‘хрустеть, шуршать’). Кроме того, неправильно интерпретировано деепричастное сочетание со служебным глаголом *аҕала сатаан* (т. е. ‘через силу, притворно’): данное словосочетание принято онлайн-переводчиками как отдельные слова. Так, слово *аҕала* (деепричастная форма от глагола *аҕал* – ‘приносить, приводить’) переведено как *отец* (т. е. ‘машина усмотрела корень’ *аҕа* – ‘отец’), а перевод ‘стыдится’, видимо, мотивировано служебным глаголом *сатаан* (т. е. вспомогательный глагол (деепричастие), обозначающий попытку совершить действие, выраженное деепричастием на *-а*) и глаголом *саатыыр* (т. е. ‘развлекается’), внешне похожих, но не однокоренных со словом *саат* (т. е. ‘стыд, позор’). Запрограммированность на полный перевод видна не только из выдачи неправильно проанализированной морфологии аффиксов и корней, но и выдачей немотивированной лексики, например, выражение «*суон сурахха суудайар*» (т. е. ‘пытается стать известным’, досл.: ‘толстой вести жаждать [о себе]’) в Google Translate заменено на ‘По данным Swan Learning’. Этот результат подчеркивает необходимость как обучения постредакторов-людей, так и необходимость дальнейшего совершенствования алгоритмов ИИ для работы с такими специфичными жанрами, как поэзия.

Оценка интерактивности и удобства интерфейса выявила практически одинаковые параметры работы, однако существенным отличием является скорость обработки текста. Так, Google Translate может сразу перевести текст, состоящий лишь из нескольких предложений, содержащих, как указано в сервисе, 3900 символов (на деле – еще меньше), в то время как Яндекс.Переводчик переводит текст любого размера. Соответственно, увеличивается время на перевод при работе с Google Translate, когда приходится разбивать текст на несколько отрывков, а потом объединять отрывки в цельный текст.

Заключение

На основе представленного анализа можно сделать следующие выводы. Основные типы ошибок машинного перевода для любых пар языков одинаковы – лексические, грамматические, узуальные, пунктуационные, орфографические. Судя по обзору статей по типологии ошибок машинного перевода с русским языком одинаковы, видимо, и специфические ошибки машины на уровне анализа входного текста и на уровне синтеза выходного текста. То есть совершенствование общих алгоритмов перевода обоих сервисов должно повысить качество обработки языкового материала. Наибольшее количество ошибок связано с лексикой и семантикой, выбором из ряда синонимов в соответствии с контекстом, и в паре «русский и якутский языки».

Вместе с тем уникальное соотношение сходств и различий контактирующих при переводе пар языков требует разработки и усовершенствования алгоритмов перевода текстов разных жанров в конкретных языках – в данном случае русско-якутского, якутско-русского перевода. Здесь необходимо согласованно работать и программистам, и лингвистам якутского языка. Так же важна задача обогащения словаря онлайн-переводчиков, т. е. расширение баз данных, корпусов, параллельных текстов. Качество перевода может

быть связано с содержанием корпусов параллельных текстов, что продемонстрировано в материале данной статьи при анализе обратного перевода отрывков из Библии.

Немаловажным представляется роль постредактора-человека, особенно при коррекции визуальных ошибок. В связи с тем, что якутский язык в онлайн-переводчиках появился совсем недавно, перед профессиональным сообществом переводчиков должна быть поставлена задача овладения техниками редакционной обработки машинного перевода, а также должно быть уделено внимание дидактике подготовки переводчиков с соответствующими профессиональными компетенциями.

Несмотря на существующие вызовы, МП якутского языка активно развивается благодаря современным технологиям ИИ. Улучшение качества перевода требует дальнейших исследований, расширения языковых корпусов и внедрения более сложных моделей обработки естественного языка. В перспективе автоматизированный перевод сможет не только облегчить коммуникацию, но и внести вклад в сохранение и развитие якутского языка.

Литература

1. Хохряков А. Виды и обзор движков машинного перевода: Яндекс переводчик, Google Translate и DeepL <https://habr.com/ru/articles/852810/> (Дата обращения: 11.03.2025)
2. Лактюшин Н.В. «Гугл Переводчик» добавили 110 языков: среди них языки регионов России <https://hi-tech.mail.ru/news/111645-v-gugl-perevodchik-dobavili-110-yazykov-sredi-nih-yazyki-regionov-rossii/> (Дата обращения: 11.03.2025)
3. Борисов Н. Яндекс.Переводчик освоил якутский язык <https://ysia.ru/yandeks-perevodchik-osvoil-yakutskij-yazyk/> (Дата обращения: 11.03.2025)
4. Иванченко Т.А. Ошибки в машинном переводе с немецкого языка на русский (на материале статей немецкоязычных СМИ и текстов их переводов). *Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики*. 2021;22(4):30-41. DOI: 10.35854/2541-8106-2021-4-30-41
5. Княжева Е.А. *Оценка качества перевода: история, теория, практика*. Москва: Флинта; 2018:248.
6. Гребенюк А.В. Проблема типологии ошибок машинного перевода: стремление к универсальности vs таргетированность. *Вестник Московского университета*. 2024;22(2):7-25. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-7-25
7. Цзюньлин Гу, Чжунлянь Хуан. Система классификации переводческих ошибок. *Вестник Московского университета*. 2016;22(3):26-39.
8. Гончаров А.А., Бунтман Н.В., Нуриев В.А. Ошибки в машинном переводе: проблемы классификации. *Системы и средства информатики*. 2019;29(3):92-103. DOI: 10.14357/08696527190308
9. Петрова Т.И. *Тылбаас уопсай теорията*. Якутск: Издательский дом Якутского госуниверситета; 2007:38 (На якут. языке).
10. Шевчук Е.В., Никифорова Ж.А. Постредактирование и типичные ошибки в автоматизированном переводе научно-публицистических текстов. *Вопросы методики преподавания в вузе*. 2021;10(39):46-54. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.39.04
11. Панасенков Н.А. Опыт обучения студентов-лингвистов постредактированию машинного перевода (на материале англо-русского перевода с помощью систем «Google Translate», «Яндекс Переводчик» и «Promt»). *Педагогическое образование в России*. 2019;(1):55-60. DOI 10.26170/po19-01-08
12. Митин П.С. Типичные ошибки машинного перевода общеполитической лексики (на примере перевода прессы Арабской Республики Египет). *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2021;22(1):7-34.
13. Шушарина Г.А., Петрунина Ж.В. Сопоставительный анализ текстов онлайн-переводов. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021;450(4):185-192. DOI 10.47475/1994-2796-2021-10425
14. Грамматика современного якутского литературного языка. Москва: Наука; 1982:496.

15. Төрүттэни кинигэтэ. Тахсы кинигэтэ. Москва: Институт перевода Библии; 2022:279 (На якут. языке).
16. Библия позволит осуществлять машинный перевод на тысячи языков <https://indicator.ru/humanitarian-science/bibliya-mashinnyj-perevod-11-05-2017.htm> (Дата обращения: 11.06.2025)
17. Мигалкина Е.И. *Сарсынньа сурук: хоһооннор*. Якутск: Айар; 2023:96 (На якут. языке)

References

1. Khokhryakov A. Types and review of machine translation engines: Yandex Translator, Google Translate and DeepL <https://habr.com/ru/articles/852810/> [Accessed: 11.03.2025] (in Russian).
2. Laktyushin NV. languages have been added to Google Translate: among them are the languages of the regions of Russia <https://hi-tech.mail.ru/news/111645-v-gugl-perevodchik-dobavili-110-yazykov-sredi-nih-yazyki-regionov-rossii/> [Accessed: 11.03.2025] (in Russian).
3. Borisov N. Yandex.Translator mastered the Yakut language <https://ysia.ru/yandeks-perevodchik-osvoil-yakutskij-yazyk/> [Accessed: 11.03.2025] (in Russian).
4. Ivanchenko TA. Errors in machine translation from German into Russian (based on articles of German-language media and their translations). *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii upravleniya i ekonomiki*. 2021;22(4) (in Russian). DOI: 10.35854/2541-8106-2021-4-30-41
5. Knyazheva EA. *Assessing the quality of translation: history, theory, practice*. Moscow: Flint; 2018:248 (in Russian).
6. Grebenyuk AV. Towards building a taxonomy of machine translation errors: versatility vs targeted approaches. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda = Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 2024;22(2):7-25 (in Russian). DOI: 10.55959/MSU2074-6636 22-2024-17-2-7-25
7. Gu Jun-ling, Huang Zhong-lian. Study into classifications of translation mistakes. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda = Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 2016;22(3):26-39 (in Russian).
8. Goncharov AA, Buntman NV, Nuriev VA. Machine translation errors: problems of classification. *Systems and Means of Informatics*. 2019;29(3):92-103 (in Russian). DOI:10.14357/08696527190308
9. Petrova TI. *General theory of translation*. Yakutsk: Publishing house of the Yakutia State University; 2007:38 (In Yakut).
10. Shevchuk EV., Nikiforova ZhA. Post-editing and typical mistakes in the computer-aided translation of academic, scientific, and journalistic texts. *Teaching Methodology in Higher Education*. 2021;10(39):46–54 (in Russian). DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.39.04
11. Panasenkov NA. Experience of teaching linguistics students how to post-edit machine-generated translation (based on english-russian translations via Google Translate, Yandex.Translate and Prompt systems). *Pedagogical Education in Russia*. 2019;(1):55-60 (in Russian). DOI 10.26170/po19-01-08
12. Mitin PS. Typical errors in machine translation of sociopolitical vocabulary: a case study of translations of Egypt's mass media. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda = Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 2021;22(1):7-34 (in Russian).
13. Shusharina GA., Petrunina ZhV. Comparative analysis of online translations texts. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;450(4):185-192. (in Russian). DOI 10.47475/1994-2796-2021-10425
14. Grammar of the modern Yakut literary language. Moscow: Science; 1982:496 (in Russian).
15. Genesis. Exodus. Moscow: Institute for Bible Translation; 2022:279 (In Yakut).
16. The Bible will allow machine translation into thousands of languages <https://indicator.ru/humanitarian-science/bibliya-mashinnyj-perevod-11-05-2017.htm> [Accessed: 01.06.2025] (in Russian).
17. Migalkina EI. *Letter to tomorrow: poems*. Yakutsk: Ayar; 2023:96 (In Yakut).

Об авторах

ВАСИЛЬЕВА Акулина Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: ID 0000-0003-2692-7026, ResearcherID: AAB-1348-2019, e-mail: vaaperevod@mail.ru

БУРЦЕВА Ольга Валерьевна – магистрант кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», e-mail: olgamekbur@mail.ru

About the authors

Akulina A. VASILIEVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: ID 0000-0003-2692-7026, ResearcherID: AAB-1348-2019, e-mail: vaaperevod@mail.ru

Olga V. BURTSEVA – Master's student, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, e-mail: olgamekbur@mail.ru

Вклад авторов

Васильева А. А. – разработка концепции, методология, администрирование данных, создание черновика рукописи, редактирование рукописи, руководство исследованием, администрирование проекта

Бурцева А. В. – верификация данных, проведение статистического анализа, проведение исследования, создание черновика рукописи, визуализация

Authors' contribution

Akulina A. Vasilieva – conceptualization, methodology, data curation, writing – original draft, writing – review & editing, supervision, project administration

Olga V. Burtseva – data curation, validation, formal analysis, investigation, writing – original draft, visualization

Конфликт интересов

Один из авторов – Васильева А.А., является членом редколлегии сетевого издания «Алтаистика. Altaistics». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Conflict of interest

One of the authors – Akulina A. Vasilieva Cand. Sci. (Philology), Chief Researcher is a member of editorial board of Altaistics. The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 10.06.2025

Принята к публикации / Accepted 23.06.2025

УДК 81'25

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-53-60>*Оригинальная научная статья*

Этноперевод в пространстве современного переводоведения: текущая ситуация и перспективы

В. А. Разумовская✉

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

✉veronica_raz@hotmail.com

Аннотация

Значительные категориальные изменения, наблюдаемые в современном переводоведении, непосредственно связаны с антропологическим и культурным поворотами гуманитаристики, протекающими в соответствии с общенаучным принципом комплементарности. Данные изменения находят отражения в появлении новых объектов перевода в соответствии с новыми целями и задачами переводческой деятельности. К разряду неообъектов с полным правом принадлежит этнотекст, ставший результатом речевой деятельности определенного этноса и служащий для него надежным «хранилищем» культурной информации, и памяти. Вопросы сохранения и воссоздания культурного информационного потенциала этнотекста и связанные с ними теоретические проблемы определяют необходимость создания и дальнейшей разработки этнопереводоведения как самостоятельного раздела науки о переводе, что требует появления соответствующих теории и методики. Особенности этноперевода и его активное присутствие в социокультурных процессах диктуют необходимость включения этноперевода в образовательные стандарты и создания соответствующих программ подготовки и переподготовки будущих переводчиков для развивающегося этносектора гуманитаристики. Настоящее исследование учитывает опыт перевода сибирских этнотекстов и имеет дескриптивный и прескриптивный характер в отношении потенциального этнопереводоведения.

Ключевые слова: этнотекст, культурная информация и память, ревитализация языков и культур коренных народов, культурное сохранение, культурная идентичность, олонхо, испытание «чужим», этнопереводчик, «близкое» переводоведение

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Разумовская В. А. Этноперевод в пространстве современного переводоведения: текущая ситуация и перспективы. *Алтаистика. Altaistics*. 2025, № 2 (17), С. 53-60. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-53-60>

Original article

Ethnic translation in the space of modern Translation Studies: current situation and perspectives

Veronica A. Razumovskaya✉

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

✉veronica_raz@hotmail.com

Abstract

The significant categorical changes observed in modern Translation Studies are directly connected with the anthropological and cultural turns of humanities, proceeding in accordance with the general scientific principle of complementarity. These changes are reflected in the emergence of new objects of translation in accordance with the new goals and objectives of translation activity. The category of neo-objects with full right includes an ethnic text, resulting from the speech activity of a certain ethnic group and serving as a reliable “storage” of its cultural information and the memory. The issues of preserving and recreating the cultural information potential of the ethnic text and the theoretical problems associated with them determine the need to create ethnic Translation Studies as an independent section of the science of translation, which requires the emergence and further development of appropriate theory and didactics. The peculiarities of

ethnic translation and its active presence in socio-cultural processes dictate the necessity of its inclusion in educational standards and the creation of appropriate training and retraining programs for future translators which activity lies in the developing ethnic sector of humanities. The present study considers the experience of translating Siberian ethnic texts and combines description and prescription of potential Ethnic Translation Studies.

Keywords: ethnic text, cultural information and memory, revitalization of languages and cultures of indigenous peoples, cultural preservation, cultural identity, Olonkho, testing by the “allien”, ethnic translator, “near” Translation Studies

Funding. The study had not financial support.

For citation: Razumovskaya V. A. Ethnic translation in the space of modern Translation Studies: current situation and perspectives. *Altaistics*. 2025, No 2 (17), Pp. 53-60. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-53-60>

Введение

Как весь широкий и разнообразный гуманитарный дискурс, так и переводоведение, являющееся его неотъемлемой частью, обнаруживает на настоящий момент количественную и качественную трансформацию категориальных парадигм, которая в значительной степени обусловлена происходящим переосмыслением как традиционных, так и появлением новых объектов изучения. Наблюдаемая интенсивная переориентация гуманитарных знаний и связанная с этим трансформация гуманитарных исследований, несомненно, обусловлены антропологическим поворотом, предполагающим смену категориальной парадигмы в мышлении о человеке и поиск нового языка (метаязыка – В.Р.) для успешного применения его в антропологическом дискурсе [1]. Доминирующий антропологический поворот теснейшим образом связан и с поворотом культурным; оба указанных поворота находятся по отношению друг к другу в выраженных комплементарных отношениях, что и предполагает обязательное обращение с совместных позиций антропологии и культурологии к постановке актуальных проблем гуманитаристики, а также к способам их описания и решения [2]. Указанная трансформация гуманитаристики значительно изменила и понимание понятия и явления перевода, выведя данный вид коммуникативной деятельности из рамок преимущественно межъязыкового в межкультурное пространство (что Р. Якобсон предсказал в программной статье 1959 г. «On Linguistic Aspects of Translation»), придав ему новые эпистемологические, онтологические, гносеологические, а также и методологические смыслы. Таким образом, можно утверждать, что на настоящий момент, оставаясь важным видом коммуникативной деятельности, перевод обрел статус эффективного инструмента восприятия и осмысления современного поликультурного мира, что и определяет многомерность и многообразие современной гуманитаристики. «Действительно, слово “перевод” и его производные отсылают к различным и постоянно меняющимся реалиям. Множественность форм и сфер бытования перевода – *полиморфизм* – изрядно осложняют задачу дать единое и всеобъемлющее определение этому явлению» [3, с. 16]. Став динамическим и многозначным понятием, перевод обрел эффективное применение в большинстве областей современных гуманитарных знаний.

Очевидно, что за последние десятилетия переводоведение обрело выраженные антропологические и культурологические параметры, что, соответственно, предполагает уточнение и изменение его существующих категорий и появление новых. При этом нельзя не согласиться с В. В. Сдобниковым, утверждающим, что переводоведение развивается и обогащается новыми идеями в первую очередь благодаря его ориентации на переводческую практику [4]. Именно практика обеспечивает появление новых объектов, целей, задач, условий и прочих параметров перевода (в самом широком понимании рассматриваемого явления). Реальным откликом на обретение и развитие антропологической и культуроло-

логической траекторий перевода стало появление его новых видов, связанных с необходимостью решения новых социальных задач. Одним из новых видов перевода с полным правом следует признать этноперевод.

Этнотекст как неообъект гуманитаристики

Антропологические и культурологические изменения, которые происходят в настоящее время в гуманитаристике и, соответственно, и в переводоведении, в данном исследовании рассматриваются с позиции этнотекстов, созданных коренными народами Сибири и обладающими устойчивыми связями с их историей, культурами и, соответственно, языками. Являясь традиционными объектами антропологии, этнологии, этнографии, фольклористики, этнолингвистики, этнолитературоведения и других этнодисциплин, этнотексты с полным правом определяются как хранилища культурной информации и, что особенно важно, памяти уникальных этносов Сибири. Наиболее часто этнотексты представляют собой воспоминания об общем прошлом конкретной этнической группы и в форме сказок, песен, пословиц, эпических повествований, мифов и легенд повествуют об общей истории, быте, традициях ее субъектов. Особенностью этнотекста признается нелинейность, а цикличность его времени, что обеспечивает неразрывную связь прошлого и настоящего для представителей этноса и сближает события прошлого с современной действительностью. Именно через этнотексты происходит актуализация культурной информации и памяти этноса, осуществляется переход из состояния пассивного хранения в состояние активно действующей «этносилы», консолидирующей этнос. Не отрицая особую важность «этносилы» такого рода текстов для всех этнических групп, отметим их значение для малочисленных этносов, в отношении которых этнотекст выполняет культуросохраняющую функцию. Указанная функция имеет огромное значение для ревитализации как практически исчезнувших языков и культур, так и языков, и культур, находящихся под угрозой исчезновения в силу особенностей культурной социодинамики в эпоху глобализации и постглобализации [5]. При этом подчеркнем, что несмотря на большую озабоченность, высказываемую российскими и зарубежными учеными по поводу реально существующей угрозы культурному и языковому разнообразию Сибири, исследователи указывают на ряд предпосылок, которые тем не менее позволяют надеяться на возможность сохранения указанного разнообразия. К таким предпосылкам относятся следующие: наличие ясной и планомерной языковой политики страны; нацеленность государственных органов на решение существующих языковых проблем; поддержка процесса подготовки педагогических кадров на региональных и федеральном уровнях; издание и переиздание словарей, учебников и учебных пособий, а также художественной литературы и периодических изданий на языках народов РФ (прежде всего, малочисленных), а также стремление исследователей и их активная научная деятельность по разностороннему и всеобъемлющему лингвистическому описанию языковых образований, распространенных на территории Сибири [6]. Еще одной бесспорной предпосылкой, позволяющей надеяться на сохранение языкового и культурного разнообразия обширного региона России, каковой является Сибирь, можно считать интенсивное развитие фронтирных зон переводоведения и, прежде всего, его этно- и цифрового видов.

Этноперевод непосредственно связан с понятием этнотекста, являющимся его основным объектом. Понятие этнотекста, введенное в научный обиход в 70-е годы XX века Ж.-К. Бувье и К. Равье и ставшее междисциплинарным уже при его появлении (результат комплементации идей этнографии, фольклористики, структурной антропологии и теории дискурса), по мнению французских антропологов, предполагает речь (дискурс) коллектива (этноса) о себе самом («discours qu'une collectivité tient sur elle-même»)

и обладает следующими информационными параметрами: этнологическим, историческим и лингвистическим [7]. Указанные свойства этнотекста определяют необходимость обращения при его рассмотрении к «вечной» проблематике взаимодействия языка и культуры, что требует учета всей представленной в нем информации в ее неразрывном единстве. В контексте культуры большое значение представляет еще одно определение этнотекста, данное одним из авторов рассматриваемого понятия. Так, Ж.-К. Бувье предложил определение этнотекста, имеющее важное методологическое значение как для герменевтики такого рода текста, так и для его перевода, единицей которого признается культурная информация и память: «этнотекст – это дискурс о культуре (discours culturel)» [8, с. 33].

В рамках этнолингвистики – дисциплины, изучающей культурное самовыражение, национальное мышление, культурные особенности нации с точки зрения ее языка, именно на материале этнотекстов исследуется взаимосвязь между национальной культурой и языком [9]. Концепция этнотекста, разработанная французскими антропологами на микроуровне региональных культур, позволяет рассматривать этнотекст также и как важный фактор формирования языковой и культурной идентичности [10]. В социолингвистическом контексте изучения наррации этнотекст активно способствует конструированию языкового и этнокультурного пространства человека.

В большинстве случаев этнотексты первоначально создаются в устной форме (для сибирских этнотекстов это характерно в первую очередь для младописьменных языков) и обретают письменную форму в дальнейшем. По сфере функционирования для этнотекстов традиционно выделяют литературно-фольклорную сферу и нелитературную. А в соответствии с их языковой формой можно разграничить два основных типа этнотекстов – первичный, созданный на языке «своего» этноса, который стал его автором (в большинстве случаев коллективным), и вторичный, представляющий собой иноязычную (переводную) версию первичного этнотекста. В печатных изданиях первичный и вторичный типы этнотекстов наиболее часто представлены параллельно (например, в памятниках фольклора регионов России). В приведенный выше перечень параметров этнотекста в дальнейшем был добавлен параметр эпилингвальности, который предполагает, что как первичный, так и вторичный этнотексты выполняют наряду с коммуникативной функцией эпилингвистическую функцию, отражающую связь говорящего со «своим» территориальным социумом, его отношение к «своему» языку и, соответственно, культуре [11]. При этом отметим, что если для первичного этнотекста такая связь является непосредственной, то для вторичного этнотекста она имеет опосредованный характер.

Этноперевод как фронтир современного переводоведения

Перевод этнотекстов был определен в переводоведческом дискурсе как этноперевод (перевод, сочетающий общие и специальные техники и приемы, обусловленные информационными особенностями объектов и единиц перевода), а обслуживающий его раздел переводоведения – как этнопереводоведение [12]. При этом очевидно, что этнопереводческая деятельность призвана решать не только исключительно переводческие, но прежде всего и социокультурные и лингвокультурные задачи, среди которых наиболее значимыми являются следующие: 1) ревитализация и возрождение языков и культур коренных народов мира; 2) сохранение культурного и языкового разнообразия мира, его мультикультурность и полилингвальность; 3) обеспечение доступа для представителей «других» культур мира к уникальным языкам и культурам, многим из которых угрожает исчезновение; 4) воспитание и образование молодых поколений коренных этносов, особенно малочисленных и младописьменных [5].

Этнопереводоведение еще ждет всеобъемлющего теоретического осмысления, которое возможно в силу накопленного практического материала перевода этнотекстов. При этом необходимо отметить, что у каждого коренного этноса Сибири существует своя история перевода этнонаследия. Бесспорными лидерами практики этноперевода стали переводы этнотекстов в Якутии. И, прежде всего, якутского героического эпоса олонхо. Накопленный на протяжении длительного времени (XIX–XXI века) опыт переводов олонхо позволил выявить и подробно описать в диахронии и синхронии особенности развития традиционного этнокультурного сообщества якутов и определить место и роль этноса на современном этапе мировой цивилизации.

Именно в олонхо нашли отражение представления якутского народа о мироздании, система нравственных ценностей, традиционные верования и обычаи, самобытность языка и культуры. Ценными и бесспорно актуальными являются выявленные и описанные особенности перевода якутского героического эпоса олонхо на многие языки народов мира [13]. Теоретическое осмысление опыта перевода текстов олонхо сочетает по комплементарному принципу дескриптивный и прескриптивный векторы, которые позволяют применять разработанные теоретические положения для перевода этнотекстов других народов Сибири и, прежде всего, для народов малочисленных. Например, для перевода текстов долганского олонхо, которое генетически восходит к якутскому, но сохранило свои уникальные черты [14, 15].

Перевод текстов якутского и долганского олонхо как эпических текстов и этнотекстов представляет большие (и при этом инвариантные) трудности в плане сохранения во вторичных иноязычных текстах культурной информации и памяти, передаваемых в оригинале сложной системой якутских и долганских культуронимов. В понимании В. В. Кабакчи культуронимы отражают реалии, символы, обычаи и важные события исторического прошлого этносов. В этнопереводке уникальные культурная информация и память, и содержащие их культуронимы определяются как ключевые единицы перевода, относительно которых (этно)переводчик принимает решение на перевод. Язык текстов олонхо представляет собой сложную эстетическую и культурную систему, построенную на взаимопроникновении и взаимообусловленности лексико-семантического своеобразия эпического языка, культурной информации и памяти, а также всего комплекса художественно-изобразительных средств эпического дискурса. Сохранение культурного потенциала олонхо во вторичном (иноязычном) этнотексте возможно только через решение задач по воссозданию в наиболее полном объеме информационного комплекса первичных этнотекстов. Накопленный опыт перевода этнотекстов показывает, что каждая конкретная задача перевода отдельного культуронима, так и комплексная задача перевода всего этнотекста предполагают использование эффективной стратегии перевода или сочетания нескольких стратегий, что может обеспечить решение переводческих проблем и адекватность перевода этнотекста.

Заключение

В современном гуманитарном контексте этноперевод может стать не только отдельным (особым) видом межкультурной коммуникативной деятельности, но и важным инструментом ревитализации и сохранения уникальных языков и культур сибирских этносов. Именно с помощью иноязычных версий сибирских этнотекстов представители «других» культур полиэтнической России и всего мира слышат «голоса» Сибири и знакомятся с ней [16]. Устойчивый интерес этнотекстам, ставшим к настоящему моменту универсальным объектом гуманитаристики и, в частности, регулярным объектом современного переводоведения, убедительно свидетельствует о том, что отмеченные антропологический и культурный

повороты предполагают также и поворот переводческий, который также характерен для всего современного гуманитарного пространства. Интенсификация переводческого поворота и его важность для социокультурной динамики вызывают необходимость разработки и активного внедрения специальных программ высшего образования и профессиональной переподготовки. Предполагается, что требуемые образовательные программы должны быть основаны на специальных дидактических принципах подготовки переводчика, который в своей профессиональной деятельности способен осуществлять этноперевод – особый вид перевода, позволяющий обеспечить успешное культурное взаимодействие между этносами России и всего мира и предполагающий декодирование, интерпретацию и трансляцию культурной информации и памяти этносов полилингвального и поликультурного мира в широкое межкультурное пространство.

Литература

1. Смирнов С.А. Антропологический поворот: его смысл и уроки. *Философия и культура*. 2017;(2):23-35. DOI: 10.7256/1999-2793.2017.2.22058.
2. Bachmann-Medick D. Cultural Turns: Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch. 2006:432. ISBN 978-3-4995-5675-3 (in German).
3. Костикова О.И. Аксиология перевода в гуманитарной перспективе. *Вестник Московского университета. Серия 22*. 2024;(4):7-46. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-7-46.
4. Сдобников В.В. Новые тенденции в переводоведении. *Казанский вестник молодых ученых. Педагогические науки*. 2018;(4)(7)2:72-79.
5. Разумовская В.А. Этнопереводоведение как новое пограничье: фронтир перевода. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия Эпосоведение*. 2021;24(4):44-52. DOI 10.25587/y6569-9685-6813-h.
6. Каксин А.Д. Комплексное описание исчезающих языков как предпосылка для сохранения языкового разнообразия в сибирском регионе. *Вестник БГУ. Филология*. 2022;(2):22-32. DOI: 10.18101/2686-7095-2022-2-22-32.
7. Bouvier J.-C. Projet de recherche interdisciplinaire sur les ethnotextes du Sud de la France. *Le monde alpin et rhodanien*. Grenoble. 1976;(1-2):207-212 (in French).
8. Tradition orale et identité culturelle: Problèmes et methods. Marseille: Centre national de la recherche scientifique. Centre régional de publications; 1980:136. ISBN 978-2-2220-2757-7 (in French).
9. Petrov A.A., Razumovskaya V.A. Ethnolinguistic Ecology of the Peoples of the North, Siberia and the Far East (On the Material of the Languages of the Northern Group of the Manchu-Tungus Languages). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*; 2019;12(8):1589-1608. DOI: 10.17516/1997-1370-0466.
10. Загряжская Т.Ю. Этнодискурс в пространстве языка и культуры. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация* 2016(2):52-65.
11. Bulot T. Discours épilinguistique et discours topologique: une approche des rapports entre signalétique et confinement linguistique en sociolinguistique urbain. *Revue de l'Université de Moncton*. 2005;36(1):219-225. DOI: <https://doi.org/10.7202/011994ar>. (in French).
12. Lungu-Badea G. *Mic dicționar de termeni utilizați în teoria, practica și didactica traducerii*. Timisoara: Editura Universității de Vest; 2012:221. ISBN 978-9-7312-5362-6. (in Romanian).
13. Находкина А.А. Yakut Epic Heritage and Its International Translations (1970s – beginning of the 21st century). *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия Эпосоведение*. 2019;16(4):80-87. DOI 10.25587/SVFU.2019.16.44318.
14. Петров А.А., Разумовская В.А. *DOLGANICA: язык, культура, персоналии*. Красноярск: Сибирский федеральный университет; 2022:160. ISBN 978-5-7638-4742-0.
15. Анисимова Р.Н., Корякина Р.В. Взаимодействия олонхо северных якутов и фольклора эвенков и эвенов. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия Эпосоведение*. 2019;13(1):111-123. DOI 10.25587/SVFU.2019.13.27694.
16. Разумовская В.А. Голоса Сибири в мировом культурном контексте: что «слышат» читатели переводов. *Экология. Коммуникация. Перевод: материалы всероссийской онлайн-конференции*,

посвящённой 15-летию кафедры перевода и межкультурной коммуникации и 60-летию факультета иностранных языков Бурятского госуниверситета (Улан-Удэ, 30 сентября–1 октября 2020 г.). Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета; 2020:135-142. DOI: 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-106-135-142.

References

1. Smirnov S.A. The Anthropological Turn: Its Meaning and Lessons. *Philosophy and Culture*. 2017;2:23–35 (in Russian). DOI: 10.7256/1999-2793.2017.2.22058
2. Bachmann-Medick D. *Cultural Turns: Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften*. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch; 2006:432. ISBN 978-3-4995-5675-3 (in German).
3. Kostikova O.I. Axiology of Translation in Humanitarian Perspective. *Moscow University Translation Studies Bulletin*. 2024;4:7–46 (in Russian). DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-7-46
4. Sdobnikov V.V. New Trends in Translation Studies. *Kazan Bulletin of Young Scientists. Pedagogical Sciences. Translation in the 21st Century: Challenges of the Era and Development Prospects*. 2018;4(7):72–79 (in Russian).
5. Razumovskaya V.A. Ethnic Translation Studies as a New Borderland / Frontier of Translation. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Epic Studies Series*. 2021;4(24):44-52 (in Russian). DOI 10.25587/y6569-9685-6813-h.
6. Kaksin A. D. Comprehensive Description of Endangered Languages as a Prerequisite for Preserving Linguistic Diversity in the Siberian Region. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2022;2:22–32 (in Russian). DOI: 10.18101/2686-7095-2022-2-22-32.
7. Bouvier J.-C., Ravier X. *Projet de recherche interdisciplinaire sur les ethnotextes du Sud de la France. Le monde alpin et rhodanien*. Grenoble, 1976; 1–2:207–212 (in French).
8. *Tradition orale et identité culturelle: Problèmes et méthodes / Dir. par J.-C. Bouvier* (1980). Marseille: Centre national de la recherche scientifique. Centre régional de publications. 136 s. ISBN 978-2-2220-2757-7 (in French).
9. Petrov A.A., Razumovskaya V.A. Ethnolinguistic Ecology of the Peoples of the North, Siberia and the Far East (On the Material of the Languages of the Northern Group of the Manchu-Tungus Languages). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019;8(12):1589–1608. DOI: 10.17516/1997–1370–0466.
10. Zagryazkina T.Yu. Ethnic Discourse in the Space of Language and Culture. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. 2016;2:52–65 (in Russian).
11. Bulot T. Discours épilinguistique et discours topologique: une approche des rapports entre signalétique et confinement linguistique en sociolinguistique urbain. *Revue de l'Université de Moncton*. 2005;36(1):219–225 (in French). DOI: <https://doi.org/10.7202/011994ar>.
12. Lungu-Badea G. *Mic dicționar de termeni utilizați în teoria, practica și didactica traducerii*. Timisoara: Editura Universității de Vest; 2012:221. ISBN 978-9-7312-5362-6 (in Romanian).
13. Nakhodkina A.A. Yakut Epic Heritage and Its International Translations (1970s – beginning of the 21st century). *Vestnik of North-Eastern Federal University. Epic Studies Series*. 2019;4(16):80–87. DOI 10.25587/SVFU.2019.16.44318.
14. Petrov A.A., Razumovskaya V.A. *DOLGANICA: Language, Culture, Personalities*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publishers; 2022:160. ISBN 978-5-7638-4742-0 (in Russian).
15. Anisimov R.N., Koryakina R.V. Interactions of Northern Yakut Olonkho and Folklore of Evenkis and Evens. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Epic Studies Series*. 2019;1(13):111–123(in Russian). DOI 10.25587/SVFU.2019.13.27694.
16. Razumovskaya V.A. Voices of Siberia in the World Cultural Context: What Readers of Translations “Hear”. *Ecology. Communication. Translation: materials of the all-Russian online conference dedicated to the 15th anniversary of the Department of Translation and Intercultural Communication and the 60th anniversary of the Faculty of Foreign Languages of the Buryat State University (Ulan-Ude, September 30 – October 1, 2020) / ed. P. P. Dashinimaeva*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishers; 2022:135–142 (in Russian). DOI: 10.18101/978-5-9793-1544-7-2020-106-135-142.

Об авторе

РАЗУМОВСКАЯ Вероника Адольфовна – кандидат филологических наук, профессор научно-учебной лаборатории поведенческой экономики и развития коммуникаций Института экономики, государственного управления и финансов, ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», ORCID: 0000-0002-0751-7964, AuthorID: 574559, SPIN: 8263-8539, veronica_raz@hotmail.com

About the author

Veronica A. RAZUMOVSKAYA – Cand. Sci. (Philology), Professor, Research-Study Laboratory of Behavioral Economics and Communications Development, School of Economics, Finance and Public Administration, Siberian Federal University, ORCID: 0000-0002-0751-7964, AuthorID: 574559, SPIN: 8263-8539, veronica_raz@hotmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares that he has no conflict of interest.

Поступила в редакцию / Submitted 28.04.2025

Принята к публикации / Accepted 04.06.2025

— ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ —

УДК 811.512.157'25=161.1

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-61-73>

Оригинальная научная статья

Передача культурных кодов при переводе исторического романа В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» на русский язык

А. А. Шарина¹, В. С. Стручкова², Нь. А. Сивцева², С. В. Иванова¹, М. А. Андросова¹✉

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

²Дюпюньская СОШ имени И.Н. Жиркова, Усть-Алданский улус, Российская Федерация
sivsevana74@mail.ru, svl.ivanova@s-vfu.ru, ✉androsdash59@gmail.com

Аннотация

В статье представлен лингвокультурологический анализ переводческих стратегий исторического романа В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» с якутского на русский язык. Актуальность работы обусловлена потребностью в анализе общих и уникальных компонентов, отражающих культурные особенности якутской и русской лингвокультур. Исследование выполнено в рамках проекта «Сириус. Лето: начни свой проект» (2024/2025) и посвящено системному изучению механизмов передачи культурных кодов в межкультурном пространстве. Методологическую основу составили методы сплошной выборки (853 текстовых примера) сравнительно-сопоставительного и описательного анализа. Выявлена типология культурных кодов с количественным распределением: антропонимические (474 случая, 55,5%), предметно-бытовые (136,16%), цветовые (61,7%), зооморфные (85,10%), числовые (58,7%) и астрономические (39,45%). Ключевые результаты: доминирование лексических трансформаций (59%), необходимость комбинирования переводческих трансформаций, значимость культурной адаптации при сохранении этнографической достоверности. Результаты исследования демонстрируют значимость культурных кодов для носителей языка и необходимость межкультурной компетенции переводчика при работе с текстами, насыщенными этнографическими элементами. Результаты могут быть полезны как для теоретиков, так и для практиков перевода, стремящихся к глубокому осмыслению культурных нюансов в литературных текстах.

Ключевые слова: культурный код, реалии, культура, перевод, якутский язык, русский язык, переводческие трансформации, антропонимы, этнокультурные особенности, В.С. Яковлев-Далан

Финансирование. Исследование выполнено в рамках проекта «Сириус. Лето: начни свой проект» (2024/2025)

Для цитирования: Шарина А. А., Стручкова В. С., Сивцева Нь. А., Иванова С. В., Андросова М. А. Передача культурных кодов при переводе исторического романа В.С. Яковлева-Далан «Тыгын Дархан» на русский язык. *Алтаистика. Altaistics*. 2025, № 2 (17), С. 61-73. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-61-73>

The transfer of cultural codes during the translation of Vasily Yakovlev's historical novel "Tygyn Darkhan" into Russian

Aiza A. Sharina¹, Valeria S. Struchkova², Nurguyaana A. Sivtseva²,

Sargylana V. Ivanova¹, Maria A. Androsova¹✉

¹M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

²I. N. Zhirkov Dyupsyun Secondary School, Ust-Aldansky District, Russian Federation

sivsevana74@mail.ru, svl.ivanova@s-vfu.ru, ✉androsdash59@gmail.com

Abstract

The article presents a linguistic and cultural analysis of strategies for translating the historical novel by Vasily Yakovlev-Dalan "Tygyn Darkhan" from Yakut into Russian. The relevance of the work is due to the need to analyze common and unique components reflecting the cultural characteristics of the Yakut and Russian linguistic cultures. The research was carried out within the framework of the Sirius project "Summer: start your project" (2024/2025) and is devoted to the systematic study of the mechanisms of transmission of cultural codes in the interlanguage space. The methodological basis was based on the methods of continuous sampling (853 text examples), comparative and descriptive analysis. The typology of cultural codes with a quantitative distribution was revealed: anthroponymic (474 cases, 55.5%), everyday objects (136, 16%), color (61, 7%), zoomorphic (85, 10%), numerical (58, 7%) and astronomical (39, 4.5%). Key results: the dominance of lexical transformations (635 cases, 74.5%), the need to combine translation strategies, the importance of cultural adaptation while maintaining ethnographic authenticity. The results of the study demonstrate the importance of cultural codes for native speakers and the need for an intercultural translator's competence when working with texts rich in ethnographic elements. The results can be useful for both theorists and translation practitioners seeking a deeper understanding of cultural nuances in literary texts.

Keywords: cultural code, realities, Yakut language, translation transformations, anthroponyms, ethnocultural features

Funding. The study had not financial support

For citation: Sharina A. A., Struchkova V. S., Sivtseva N. A., Ivanova S. V., Androsova M. A. The transfer of cultural codes during the translation of Vasily Yakovlev's historical novel "Tygyn Darkhan" into Russian. *Altaistics*. 2025, No 2 (17), Pp. 61-73. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-2-61-73>

Введение

Настоящее исследование посвящено анализу стратегий перевода культурно-специфических элементов в историческом романе В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» – первом крупном произведении якутской литературы, сочетающем традиции эпического олонхо с современной романной формой.

Теоретическая база включает работы С. М. Толстой «Семантические категории языка и культуры» [1], А. Н. Мыреевой [2], В. В. Филипповой [3], монографию «Якутская литература и фольклор на русском языке: мастерство художественного перевода» [4], а также исследования по переводоведению И. С. Алексеевой [5], Л. С. Бархударова [6], В. Н. Комиссарова [7], С. Влахова и С. Флорина [8], работы по частной теории якутско-русского перевода А. А. Васильевой [9–12], И. В. Собакиной [13], Л. Е. Манчуриной [14] и др.

Язык романа В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» насыщен этнографическими элементами, которые придают произведению национальный колорит. Как отмечает С. М. Толстая, семантические категории языка могут быть связаны с культурными особенностями народа, что позволяет глубже понять его мировосприятие [1]. Этнографические элементы (термины быта, традиционной одежды, пищи, обрядов) являются носителями культурно-специфической информации, отражая особенности

якутской жизни. А. Н. Мыреева подчёркивает, что роман сочетает традиции олонхо с современной формой исторического романа [2].

Культурный код представляет собой ключ к осмыслению уникальных культурных характеристик, унаследованных народами от их предков. Это своего рода закодированная информация, которая помогает идентифицировать определенную культуру. С. М. Толстая определяет код как «вторичную знаковую систему, использующую разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания» [1, с. 23].

Анализом функционирования культурных кодов в фольклорных текстах, в частности в якутских загадках, занимаются В. В. Филиппова и С. В. Филиппова. В. В. Филиппова дает следующее определение культурных кодов в якутских загадках: «Культурные коды – ключевые образы денотатов якутских загадок. Выявляются ключевые образы денотатов, проводится семиотический анализ заместительных номинаций, отражающих культурно-исторические сведения, традиции и особенности картины мира якутов» [3, с. 11].

Культурные коды в романе «Тыгын Дархан»

В романе «Тыгын Дархан», основываясь на классификации В. В. Филипповой, мы выявили следующие культурные коды: астрономический, антропонимический, зооморфный, предметный, числовой и цветовой.

Антропонимический код. Роман «Тыгын Дархан» богат антропонимами, топонимами и этнонимами, которые являются носителями культурной памяти. Антропонимический код – это система имен собственных (антропонимов, топонимов, этнонимов), выполняющая в тексте не только номинативную, но и культурно-символическую функцию. Отражает этническую идентичность, т. е. связь с традиционными моделями именования, социальную стратификацию (статусные маркеры в именах), мифопоэтические представления (сакральные имена, эпические формулы), историческую память (топонимы как носители исторических событий). Примеры из романа: антропонимы: *Тыгын Дархан*, *Марга Бай* (транслитерация с сохранением титула), *Айталы Куо – Айталы Ко*, *Бэрт Хара – Бет Хара*, топонимы: *Суон Урэх – Суон Юрэх* (транскрипция) и др.

В ходе анализа текста романа было выявлено 474 случая использования антропонимического кода, составляющего 55,5% от общего числа примеров: из них личные имена (277), топонимы (169), этнонимы (28). Например: *Марҕа Баай мааны кыһа Эгэй Тулук ... кымыһынан Бороҕон Дьуотту дьонун айах туппута* [15, с. 18] / В их числе хлопотала и *Эгей Тулук* — любимая дочь *Марги Бая*, старшего сына *Тыгына Дархана* [16, с. 16]. Способы перевода антропонимов: 1) транскрипция: *Эгей Тулук*, *Марга Бай*; 2) опущение слова: *Бороҕон Дьуотту*; 3) добавление слова: *Тыгын Дархан*.

Предметно-бытовой код. Предметно-бытовой код – это система культурно маркированных лексических единиц, обозначающих артефакты материальной культуры, которые отражают специфику хозяйственно-бытовой деятельности и повседневных практик этнической общности. В системе культурных кодов художественного текста предметно-бытовой код выполняет репрезентативную функцию, выступая источником этнокультурной информации, средством создания национального колорита, являясь элементом художественной детализации и маркером исторической достоверности.

Предметно-бытовой код представлен в тексте романа 136 примерами, что составляет 16% от всех выявленных культурных кодов. Можно разделить на следующие семантические категории: предметы домашней утвари (22 примера), жилищные конструкции и их элементы (5), традиционная одежда (13), украшения (6), музыкальные инструменты (2), орудия труда и промыслов (17), которые отражают уникальную культуру и быт народа саха и являются неотъемлемой частью произведения.

Пример описания посуды, утвари: *Ону кытта сэргэ киэргэл бастынгынан киэргэтиллибит кэрэ биэттэн кэскиллээх кэрдиис иилээх кэриэн ымыялары, чуобур биэттэн тускуллаах томторболоох чороон айахтары, хатыр биэттэн алгыстаах таналайдаах саар ыабаастары, көҥкөлөйдөөх, хамсатардаах симиир иһиттэри кэккэлэппиттэрэ...* [15, с. 11] / Рядом разместили деревянные ушаты, называемые **кэриэн ымыя**, расставили резные **кубки-чороны**, расположили расшитые конским волосом **ведра-ыагасы**, принесли **кожанные мехи** с кумысом, разукрашенным черпаком с точеной рукоятью, разлили по сосудам напиток... [16, с. 9]. Пример описания пищевых продуктов: *Баай Байанай бэриштэ – эһэ курума, тайах чонкута, таба тыла, саарба мэйиштэ, анды халата, кус-хаас этэ, ураанай сымыыта* [15, с. 32] / С пищей домашней соседствовали блюда из даров Бая Баяная Хозяина Тайги: **жареная медвежати́на, лосиный костный жир, оленье языки, собо́лы мозги, турпа́нье мя́со, яйца гага́ры** [16, с. 28]. Здесь вместе с эквивалентным переводом использована конкретизация: **кус-хаас** – **турпан** и подбор функционального аналога: **ураанай (лысуха)** – **гагара**.

Зооморфный код – это система культурно-маркированных номинаций и образов животного мира, выполняющих в тексте семиотическую и символическую функции, отражающие структурные компоненты: зоонимы (названия животных), зооморфные метафоры и сравнения, тотемические образы, мифологизированные животные персонажи. Например: **кыталык (стерх)** является символом чистоты и благополучия, **эһэ (медведь)** – тотемный образ с культовым статусом, **таба (олень)** – маркер кочевого уклада жизни и др.

В тексте романа зооморфный код, насчитывающий 85 примеров, занимает 10% в общей выборке культурных кодов. Частотность использования определенного зооморфного образа зависит от этнокультурного стереотипа восприятия фауны иной культуры. Например: **Абыс кыталык** манган кыргыттарынан албан ааккытын айхаллаан... [15, с. 14] / Из рук восьми невинных, изнеженных и чистых непорочных, как **стерхи**, девиц [16, с. 12]. Передача зооморфного кода с помощью сравнения: как **стерхи** и описательного перевода образа стерхов: манган – невинных, изнеженных и чистых непорочных.

Цветовой код. На долю цветового кода приходится 61 пример (7%) в общей структуре культурных кодов романа. Цветовой код – это система хроматической лексики и цветовых образов, выполняющих в культурном тексте знаково-символическую функцию и отражающих этнически обусловленное восприятие цветовой картины мира. Например, **муус манган** (ледяная белизна) – символ чистоты, **хара (чёрный)** – маркер хтонического начала, **кыһыл (красный)** – знак жизненной силы и др.

В цветовом коде анализируется национальное восприятие цвета, связанное с культурными традициями и особыми цветовыми эталонами [3, с. 16]. Например: **аан бастаан муус манган танастаах, урдук нуобай бэргэһэлээх, сиэллээх чороон тутуурдаах абыс арылы манган** кыталык кыргыттар... [15, с. 13] / ... первыми вышли восемь юных красавиц – **нежных**, словно **стерхи**, в **белоснежных нарядах** и **высоких головных уборах с султанами**... [16, с. 11]. Слово сочетание **муус манган** (досл. перевод ледяная белизна) переведен словом **белоснежный**, с помощью смыслового адекватного перевода, что полностью передает значение усилительной формы прилагательного.

Числовой код (58,7%). Числовой код описывает количественные параметры предметного мира и раскрывает сакральную роль числа в культуре народа саха [3]. Традиционно в тексте романа фигурируют сакральные числительные. Такие числительные указывают не только на количественное значение, но и отражают мифологическое воззрение, национальную традицию, культуру народа, тем самым способствуют созданию ярких образов с глубоким смыслом. Например: *Айталы Куо, Бэт Хара түөрт ууһу төрүттээтиннэр! Уон ууһу*

ууһаттыннар! [15, с. 32] / Пусть потомки Айталы Ко и Бет Хара населят **четыре** Ууса, породят **десять** Уусов! [16, с. 28]. В этом примере использован эквивалентный перевод имен числительных, также сохранен ритмико-синтаксический параллелизм. Примеры использования постоянных числительных, используемых в фольклорном тексте: *Абыс арылы манган кыталык кыргыттар* [15, с. 13] / **восемь** юных красавиц – нежных, словно стерхи [16, с. 11], *тобус субан туруйа уолаттар* [15, с. 13] / **девять** удалых парней – стройных, как журавли [16, с. 11].

Астрономический код. Анализ текста позволил идентифицировать 39 случаев использования астрономического кода, что соответствует 4,5% от общего числа примеров. По определению А. Е. Тунина: «Астрономический код посвящен набору ситуаций, описывающих небо, движение светил по нему. Реальные признаки денотатов определяет набор признаков светил: цвет, светоненосность, движение, принадлежность к верхнему миру» [17, с. 10]. Например, описание солнца: *Уйгу-чалларыын, оонньуу-көр ортоугар аламай манган күн арбаалаабыта* [15, с. 33] / **Светлое яркое солнце** ... закатилось за лесистые гряды сопок [16, с. 29]. Также описание неба в заклинании: ... **кинкиниир кизг халлаан түөрт өттүн** диэки ибир ыһа, далбаатыы, алгыс албаан, тыл этэн, санга сангаран барбыта [15, с. 13] / ... начал разбрызгивать кумыс на все **четыре стороны света**, петь и заклинать [16, с. 11].

Переводческие трансформации при передаче культурных кодов

Графико-фонетические трансформации. Одним из ключевых методов передачи слов-реалий, не имеющих прямых эквивалентов в языке перевода, являются графико-фонетические способы – транскрипция и транслитерация. Эти приёмы позволяют сохранить оригинальную звуковую и графическую форму слов, словосочетаний, что особенно важно при работе с культурно-специфическими понятиями. Как справедливо отмечают Е. В. Спиридонова и И. В. Собакина, хотя слова-реалии относятся к безэквивалентной лексике, их перевод возможен. Для адекватной передачи реалии недостаточно просто перевести её содержание, необходимо также сохранить национальный колорит и культурную специфику, присущую данному понятию в языке-оригинале [17]. Исследователи подчёркивают, что наиболее полной и систематизированной классификацией способов перевода реалий на сегодняшний день остается классификация, разработанная А. С. Влаховым и С. Флориным [8].

Транскрипция. Транскрипция представляет собой способ передачи иноязычных лексем средствами графической системы языка перевода. В контексте якутско-русского перевода данный метод характеризуется следующими особенностями: отсутствием стандартизированных норм: неустоявшимся характером правил транскрибирования, вариативностью в передаче фонетических особенностей; фонетическими сложностями: поливалентностью графических символов (один знак – несколько звуков), системными расхождениями в фонологических системах языков, проблемой передачи специфических якутских фонем (ө, ү, Һ, ҕ) [4].

В ходе лингвистического анализа текста романа был идентифицирован 221 случай применения транскрипции как основного переводческого приема, что составляет 34,8% от общего числа лексических трансформаций (221 из 635). Транскрипция чаще всего используется приемом добавления комментария с целью полноценной передачи содержания и смягчения границы чуждости [13]. Пример: *Кийиит кыыс киэргэлэ – ойуулаах-мандардаах төбөбө кэтэр үрүҥ көмүс бастына, түгэхтээх, илбиргэстээх, сүннүөхтээх ытарба, харыга кэтэр бөбөх ...* моей симэбэ, **илин-кэлин кэбиһэр...** [15, с. 341] / ... **ни начальник-**

бастынга, ни длинные серьги, ни наручные браслеты ... ни ожерелье илин-кэлин кэбисер, ниспадающее на грудь и спину [16, с. 193].

Применение транскрипции как основного переводческого приема и его количественный показатель позволяет сделать следующие выводы. Преимущественно применяется для передачи антропонимов (185 случаев), топонимов (21 случай), культурно-специфических реалий (15 примеров).

Транслитерация – метод передачи иноязычных лексических единиц, основанный на побуквенном воспроизведении графической формы слова средствами алфавита языка перевода с сохранением исходного морфемного состава (90 примеров).

1) Транслитерация долгих гласных в именах героев: *Аан Алахчын / Аан Алахчин Хотун*. В случае передачи долгих гласных имен собственных краткими гласными, русский читатель может поставить ударение на любой слог, неправильно произнося реалии. Так долгие гласные способствуют правильной постановке ударения. 2) Транслитерация при передаче образов: *Хамаан-имээн дойду / страна Хамаан-имээн*. В данном случае добавление родового понятия «страна» (как пояснение) сочетается с транслитерацией имени, что соответствует принципу «максимальной сохранности при минимальной адаптации» [18].

Лексические и грамматические переводческие трансформации

Количественный анализ выявил доминирование лексических переводческих трансформаций – 59% (323 случая), по сравнению с грамматическими – 41% (225 случаев) в передаче культурно-маркированных элементов.

Под лексическими трансформациями в переводе понимаются изменения на уровне слова или словосочетания, направленные на адекватную передачу содержания при несовпадении языковых систем [6]. В ходе анализа было установлено использование 8 лексических способов перевода, представленных в табл. 1. Статистический анализ позволил выявить следующее распределение переводческих трансформаций: доминирует – эквивалентный перевод (127 случаев), на втором месте – описательный перевод (62 примера).

Таблица 1

Лексические способы перевода

Table 1

Lexical transformations

№	Лексические СП	Астрон.	Цвет.	Предмет	Зоомор.	Антроп.	Числов.	Всего
1.	Эквивалентный перевод	8	13	9	33	35	29	127
2.	Аналог	2	2	17	4	20	-	45
3.	Описательный перевод	3	3	25	8	18	5	62
4.	Генерализация	-	3	4	6	10	-	23
5.	Адекватный п.	8	11	3	8	10	5	45
6.	Калькирование	1	2	-	-	4	-	7
7.	Конкретизация	1	1	2	5	1	2	12
8.	Вариативный п.	-	-	3	-	-	-	2
Итого:		23	35	63	64	98	41	323

Далее переходим к рассмотрению конкретных примеров лексических трансформаций, обнаруженных в ходе исследования:

Эквивалентный перевод (117 примеров).

Эквивалентный перевод – это перевод, осуществляемый на уровне, необходимом и достаточном для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм языка перевода [12]. Например: *Көр бу, үрдүк мэнэ халлаан үрүт өттүгэр олохтоох үрүг илгэ үктэллээх, өнгүрүк куйаас тыыннаах үүт-аас бэйэлээх Үрүг Аар Тойон, оо, дьүүлээтэбэ сөбүн!* [15, с. 26] / *Глядите же, добрые люди, по справедливости, оказывается, судит властелин небесного свода, восседающий на облачном троне беловолосый Юрюн Аар Тойон* [16, с. 23]. Здесь наблюдается точная передача образа небесного божества, сохранение сакрального характера описания, культурный код сохранен через передачу эпических формул и воспроизведение сакральной интонации.

Подбор аналога (43 примера).

Подбор аналога представляет собой переводческую стратегию, при которой единица исходного языка заменяется на функционально близкую, но не идентичную единицу языка перевода в случае отсутствия прямого эквивалента. Как отмечает В. Н. Комиссаров, аналог является «частичным эквивалентом», который передает основное значение, но может утрачивать культурно-специфические коннотации [7]. Например: *Одуну ойуун түөнэ манан түөрэжин күүрэрчи бырахпыта* [15, с. 15] / *Шаман Одуну подобрстил ковш* [16, с. 13]. Здесь слово «түөрэх» (традиционный якутский ритуальный предмет, используемый в обрядах) заменено словом «ковш» с функционально близким предметом в русской культуре, лишенным сакрального значения. Но здесь сохранено глагольное действие («бырахпыта» / «подбрстил») – ключевой элемент описания ритуала.

Адекватная замена (41 пример).

В процессе перевода особую значимость приобретает способ адекватной замены, предполагающий не просто механическую подстановку словарных эквивалентов, но и комплексный учет контекстуального окружения языковой единицы, ее семантико-функциональных особенностей и культурно-специфической нагрузки. Например: *Аал уот / священный огонь*. Компонент «аал» в данном словосочетании обладает значением «сакральный, хранитель», является сакральным символом семейного благополучия. Культурный код: отражение культа огня в якутской традиции. При переводе сохранены сакральный статус объекта («священный» вместо нейтрального «домашний»), этнокультурная специфика.

Генерализация (21 пример).

В современном переводоведении генерализация рассматривается как стратегия семантической трансформации, предполагающая переход от видовых понятий к родовым. Согласно классификации В. Н. Комиссарова, данный прием представляет собой «замену единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей языка перевода с более широким значением» [7, с. 176]. В контексте якутско-русского перевода генерализация выполняет следующие функции – коммуникативно-прагматические: устранение избыточной этнографической специфики, адаптацию текста для иноязычного читателя, оптимизацию информационной нагрузки; лингвокультурологические: преодоление лакуарности, компенсацию безэквивалентной лексики, сохранение инварианта содержания.

Например: *Хараҥаҥа ордук хойдубукка дылы буолбут чабычахтары, кытахтары, кытыйалары-хамыйахтары сымсатык тумнан...* [15, с. 417] / *Как лиса, крадущаяся к мышам, парень неслышно обошел в кромешной темноте все предметы обстановки* [16, с. 356]. В этом примере конкретные предметы (чабычах, кытах, кытыйа-хамыйах)

заменены обобщающим понятием «предметы обстановки». Сохранены смысловой инвариант (осторожное передвижение), образная структура (сравнение с лисой). Данный случай иллюстрирует типичную ситуацию, когда генерализация выступает как оптимальный способ преодоления культурно-обусловленных переводческих проблем.

Описательный перевод (59 примеров).

Описательный перевод (экспликация) представляет собой стратегию передачи культурно-специфических элементов через развернутое семантическое пояснение [12]. Данный метод ярко иллюстрируется следующим примером: ... *илин, кэлин кэбиһэрин кэтэн киэргэммит хотуна Аабый Дархан алы гыммыта* [15, с. 11] / *Госпожа Аабый Дархан, надевшая ... ниспадающее на грудь и спину богатое серебряное украшение...* [16, с. 10]. Анализ перевода показывает полную замену исходной лексической единицы описательным оборотом, сохранение культурной семантики через детализацию, введение дополнительных характеристик («богатое», «серебряное»). Как демонстрирует данный пример, экспликация обеспечивает культурную адаптацию текста, компенсирует отсутствие прямых лексических соответствий, способствует адекватному восприятию этнографических деталей. Таким образом, сочетание транскрипции с экспликацией представляет собой оптимальную стратегию передачи культурных реалий, позволяя сохранить национальный колорит.

Калькирование (7 примеров) – лингвистический процесс дословного перевода лексических единиц с сохранением морфемной структуры оригинала, приводящий к образованию новых словосочетаний или сложных слов в языке перевода. В якутско-русском переводе данный метод сохраняет этимологические связи, обеспечивает терминологическую точность, поддерживает культурно-исторические коннотации. В результате такого перевода получается новое слово, которое формируется на основе оригинального языка, но с использованием элементов целевого языка: *Абыс иилээх-саҕалаах атааннаах-мөҥүннээх Аан Ийэ дойду* [15, с. 13] / *На восьмикрайней изначальной Матери-Земле!* [16, с. 11]. В данном примере сохранены внутренняя форма безэквивалентной лексики, культурно-исторические ассоциации, также облегчено понимание специализированного текста.

Конкретизация (11 примеров).

Конкретизация представляет собой переводческую стратегию, предполагающую замену единицы исходного языка с широкой семантикой на единицу языка перевода с более узким, конкретным значением (по классификации Л. С. Бархударова [6, с. 211]). Данный метод является антиподом генерализации и применяется, когда требуется уточнение неоднозначных понятий и необходимо адаптировать абстрактные концепты для целевой культуры важна предметная детализация. В контексте якутско-русского перевода конкретизация компенсирует различия в языковых картинах мира, обеспечивает терминологическую точность, кроме этого усиливает образность повествования. Например: *Үөн-көйүүр барыта тиллэрэ* [15, с. 9] / *Оживали всевозможные жуки и мотыльки* [16, с. 8]. Общее понятие «үөн-көйүүр» (членистоногие / насекомые) заменен конкретными таксонами («жуки», «мотыльки»). Сохранено семантическое ядро (оживление природы) и образная структура и добавлены визуальная конкретика и эмоциональная окраска.

Грамматические способы перевода

В соответствии с определением Л. С. Бархударова [6], *грамматические трансформации* представляют собой изменения синтаксической структуры высказывания или морфологических форм слов, необходимые для достижения эквивалентности при переводе между языками с различными грамматическими системами. Особую значимость эти

трансформации приобретают при передаче культурно-маркированных элементов, где требуется сохранение не только содержания, но и культурной специфики.

В ходе исследования была проведена систематизация грамматических трансформаций, используемых при переводе культурных кодов с якутского на русский язык в романе «Тыгын Дархан». Выявлено 7 основных типов преобразований, проанализированных на материале 223 текстовых примеров. Основные категории: опущение (118 случаев, 52,9%); добавление (78 случаев, 35%): простые добавления (72), добавление словосочетаний (6); замена (21 случай, 9,4%): замена частей речи (20), замена словосочетаний (1); прочие трансформации (6 случаев, 2,7%): перестановка (5), членение предложений (1) (табл. 2).

Таблица 2

Грамматические способы перевода

Table 2

Grammatical transformations

№	Грамматич. Сп	Астрон.	Цветов.	Предмет	Зоомор	Антроп.	Числов.	Всего
1.	Перестановка	2	1	-	-	2	-	5
2.	Опущение	7	7	23	16	50	15	118
3.	Замена части речи	2	5	2	3	8	-	20
4.	Замена словосочетания	-	-	-	1	-	-	1
5.	Добавление	6	5	17	2	40	2	72
6.	Добавление словосочетания	-	-	-	-	6	-	6
7.	Членение предложения	-	-	-	-	1	-	1
Итого:		17	18	42	22	107	17	223

Представляется необходимым специальное рассмотрение грамматических трансформаций как средств передачи культурно-маркированных элементов:

Перестановка. Перестановка представляет собой синтаксическую трансформацию, заключающуюся в изменении порядка слов при переводе. Данный прием обусловлен фундаментальными различиями в грамматическом строе якутского и русского языков. Яркой иллюстрацией данного приема может служить следующий пример: *Аҥаат-муҥаат алаастардаах Амма-Таатта тардыылаах, адаар хайа экиннээх, адырбаннаах сүүрүктээх Аллан өрүс...* [15, с. 7] / *Благодатная и щедрая Улуу Эбя – Великая Кормилица Лена-Река-Бабушка. Властно вбирает она в бурливую стремнину строптивую свою сестру Алдан...* [16, с. 6] Здесь наблюдаются следующие трансформации: изменение позиции сказуемого (в якутском – финальная позиция, в русском – медиальная); перегруппировка эпитетов и определений; членение сложного периода на более простые синтаксические конструкции; адаптация метафорического ряда к нормам русского литературного языка.

Опущение. Опущение слова также обусловлено различиями семантики и строя двух языков. Этот прием применяется в тех случаях, когда опускаемое слово не является ключевым для передачи основного содержания, а смысловой акцент делается на действии или событии: *Марҕа Баай кыһа Эгэй Тулугу ... чороонноох кымыһынан айах туппут Борогонун уола тутта булбута* [15, с. 38] / *... борогонский паренек без труда нашел ... дочь Марги Бая Эгей Тулук, угостившую его кумысом* [16, с. 33]. В данном случае опущено слово чороон («сосуд»), поскольку из контекста и так ясно, что кумыс был подан в сосуде.

Замена частей речи – это переводческая трансформация, при которой слово или словосочетание исходного языка передается в языке перевода с изменением его грамматической категории. Этот прием применяется для соблюдения норм языка перевода, повышения естественности речи и устранения возможной грамматической или стилистической дисгармонии: *Былырыын, саас ... Лөкөй Дьорбоот дьонугар Эгийдээххэ баран ...* [15, с. 52] / *Прошедшей весной к его родителям заехал тойон Лекей ...* [16, с. 45]. В русском переводе применена более естественная для контекста конструкция с местоимением («к его родителям»), что делает фразу лаконичнее и избегает избыточного повтора имени.

Добавление. Добавления представляют собой расширение текста подлинника, связанное с необходимостью полноты передачи его содержания, а также различиями в грамматическом строе [5]. Например, добавление определения *грозный*: *Абата Тыгын Дархан кыыһын тыллартын сөбүлээбэтэхтик инигиттэн кэбиспитэ...* [15, с. 22] / *А отец, грозный Тыгын, метнув на дочь гневный взгляд...* [16, с. 19]. Здесь видим усиление эмоциональной окраски без искажения смысла и адаптацию к нормам русской литературной традиции, где важна детализация образов.

Членение предложения. Членение предложения – это переводческая трансформация, при которой синтаксическая структура исходного предложения расчленяется на две или более самостоятельные предикативные единицы в переводящем языке. Данный прием применяется для соблюдения норм языка перевода, повышения читабельности и сохранения естественного ритма текста [7]: *Ойуун үрдүк мэнгэ халлаанна өрө кыыран тахсан Уоттаах Чолбону сүгэнэн кэрдэн ортолоон эрдэбинэ биир эдэр мэник дьахтар көрөн кэбиһэн, сүгэтэ хоппот буолан...* [15, с. 59] / *Шаман, камлая, вознесся в высокое светлое небо и принялся рубить топором Огненную звезду на куски. ... какая-то непоседливая молодуха... И в тот же миг топор в руках шамана Чачыгыра Таса затупился...* [16, с. 50]. Сложное полипредикативное предложение якутского текста преобразовано в три самостоятельных предложения в русском переводе.

Таким образом, грамматические трансформации обусловлены структурными различиями языков, необходимостью адаптации к нормам русского языка, стремлением к естественности звучания.

Заключение

Исследование подтвердило, что передача культурных кодов требует комбинации различных переводческих методов для сохранения национального колорита и смысловой точности:

1. В работе проанализированы 853 примера, где выявлены следующие культурные коды: антропонимические – 55,5%, предметные – 16%, зооморфные – 10%, цветовые – 7%, числовые – 7%, астрономические – 4,5%. Антропонимический код встречается в 474 примерах: из них антропонимов – 277, топонимов – 169, этнонимов – 28.

2. Проведённый анализ выявил системное применение грамматических трансформаций при переводе культурных кодов с якутского на русский язык. В работе рассматриваются 223 случая грамматических преобразований, классифицированных по 7 основным типам. Статистический анализ показал, что при переводе преобладает лексический способ перевода (59%): транскрипция, эквивалентный перевод, описательный перевод, кроме этого, используется грамматический способ перевода (41%): опущение – 52,9% от общего числа трансформаций, добавление – 35%, замена частей речи и словосочетаний – 9,4%, прочие преобразования (перестановка компонентов и членение предложений) – 2,7%.

3. Доминирующие трансформации: опущение элементов (52,9%) особенно характерно для антропонимического кода (50 случаев); добавления (35,0%) преобладают при передаче предметно-бытовых реалий (17 случаев).

Типологические особенности: антропонимический код требует наибольшего числа преобразований (107 случаев); числовые и астрономические коды подвергаются минимальным изменениям (по 17 случаев); членение предложений применяется исключительно для антропонимов.

Функциональные аспекты: замена частей речи наиболее активна в цветовом коде (5 из 20 случаев); добавление словосочетаний характерно только для антропонимов (6 случаев).

Таким образом, выявленные закономерности подтверждают необходимость грамматической адаптации при межъязыковой передаче, зависимость типа трансформации от категории культурного кода и важность учёта системных различий языков.

Литература

1. Толстая С.М. *Семантические категории языка культуры*: Очерки по славянской этнолингвистике. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 2010:368.
2. Мыреева А.Н. Олонхо и первый якутский исторический роман «Тыгын Дархан» В. С. Яковлева–Далана. *Эпосоведение*. 2022;(5):59-68. DOI 10.25587/q3928-2698-2068-t
3. Филиппова В.В. Якутские загадки: семантика и структура: Автореф. дис. ... к. филол. н. Улан-Удэ: 2012:23.
4. Васильева А.А., Манчурина Л.Е, Иванова С.В. [и др.]. *Якутская литература и фольклор на русском языке: мастерство художественного перевода*. Якутск: ИЦ НБ РС (Я); 2022:151.
5. Алексеева И.С. *Введение в переводоведение*: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. Москва: Издательский центр «Академия»; 2004:352.
6. Бархударов Л.С. *Язык и перевод* (Вопросы общей и частной теории перевода). Москва: «Международ. отношения»; 1975:240.
7. Комиссаров В.Н. *Теория перевода* (лингвистические аспекты). Москва: Высшая школа; 1990:253.
8. Влахов С., Флорин С. *Непереводимое в переводе*. Москва: Междунар. отношения; 1980:352.
9. Васильева А.А. *Сахалы-нууччалы тылбаас*: лиэкстикэ, кырамаатыка. Дьокуускай: Алаас; 2018:96.
10. Васильева А.А. Основные приемы якутско-русского перевода. *Вестник СВФУ*. 2011;8(2):105-112.
11. Васильева А.А. Принципы и правила передачи на русский язык специфических звуков якутского языка. *Алтаистика. Altaistics*. 2024;15(4):73-84. DOI 10.25587/2782-6627-2024-4-73-84.
12. Васильева А.А., Васильева С.А. *Тылбаас үөрэбин сахалы тизэрминэ*: устудьуонна көмө кинигэ. 2-с тахсыта. Дьокуускай: Издатель Н.Э. Игнатьева; 2024:96.
13. Спиридонова Е.В., Собакина И.В. Группы этнографических реалий и их художественный перевод на русский язык (на материале произведений В.С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан», П.А. Ойунского «Великий Кудангса»). *Вестник СВФУ*. 2020;75(1):115-128.
14. Манчурина Л.Е. Языковые средства романа В.С. Яковлева-Далан «Тыгын Дархан», определяющие его стиль. *Алтаистика. Altaistics*. 2022;07(4):49-64. DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.28.83.005.
15. Яковлев В.С.–Далан. *Тыгын Дархан*. Якутск; 1993:520.
16. Яковлев В.С.–Далан. *Тыгын Дархан*. Авторизованный перевод с якутского языка А.Е. Шапошниковой. Якутск; 1994:438.
17. Тунин А.Е. Новогреческие загадки в сопоставлении с балканославянскими: семантика и структура: Автореф. дис. ... к. филол. н. Москва: 2012:23.
18. Швейцер А.Д. *Теория перевода*: статус, проблемы, аспекты. Москва: Наука; 1988:215.

References

1. Tolstaya SM. *Semantic categories of the language of culture: Essays on Slavic ethnolinguistics*. Moscow: LIBROCOM Book House; 2010:368 (in Russian).
2. Myreeva AN. Olonkho and the first Yakut historical novel “Tygyn Darkhan” by V.S. Yakovlev-Dalan. *Eposovedenie*. 2022;(5):59-68. DOI 10.25587/q3928-2698-2068-t (in Russian).
3. Filippova VV. Yakut riddles: semantics and structure: Summary of Candidate’s dissertation (Philology). Ulan-Ude: 2012:188 (in Russian).
4. Vasilyeva AA., Manchurina LE., Ivanova SV. [et al.]. *Yakut literature and folklore in Russian: mastery of literary translation*. Yakutsk: PC NB RofS (Y); 2022:151 (in Russian).
5. Alekseeva IS. *Introduction to translation introduction: Textbook for students. Philol. and lingv. fac. higher. studies*. Moscow: Publishing center “Academy”; 2004:352 (in Russian).
6. Barkhudarov LS. *Language and translation (Issues of the general and particular theory of translation)*. Moscow: “Internat. relations”; 1975: 240 (in Russian).
7. Komissarov VN. *Theory of translation (linguistic aspects)*. Moscow: Higher School; 1990:253 (in Russian).
8. Vlahov S., Florin S. *The untranslatable in translation*. Moscow: Mezhdunarod. Relations; 1980:352 (in Russian).
9. Vasilyeva AA. *Yakut-Russian translation: vocabulary, grammar*. Yakutsk: Alaas; 2018: 96 (in Yakut).
10. Vasilyeva AA. Basic techniques of Yakut-Russian translation. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2011;8(2):105-112 (in Russian).
11. Vasilyeva AA. Principles and rules of transmission of specific sounds of the Yakut language into Russian. *Altaistics*. 2024;15(4):73-84. DOI 10.25587/2782-6627-2024-4-73-84 (in Russian).
12. Vasilyeva AA., Vasilyeva SA. *Terminological approach to translation: a textbook for students*. 2nd ed. Yakutsk: N.E. Ignatiev Publishing House; 2024: 96 (in Yakut).
13. Spiridonova EV., Sobakina IV. Groups of ethnographic realities and their artistic translation into Russian (based on the works of V.S. Yakovlev-Dalan “Tygyn Darkhan”, P.A. Oyunsky “The Great Kudangsa”). *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2020;75(1):115-128 (in Russian).
14. Manchurina LE. Linguistic means of V.S. Yakovlev’s novel-Dalan “Tygyn Darkhan”, defining his style. *Altaistics*. 2022;07(4):49-64. DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.28.83.005 (in Russian).
15. Yakovlev VS.-Dalan. *Tygyn Darkhan*. Yakutsk; 1993:520 (in Yakut).
16. Yakovlev VS.-Dalan. *Tygyn Darkhan*. Authorized translation from Yakut by Shaposhnikova A.E. Yakutsk; 1994:438 (in Russian).
17. Tunin AE. Modern Greek riddles in comparison with Balkan-Slavic ones: semantics and structure: Summary of Candidate’s dissertation (Philology). Moscow: 2012:23 (in Russian).
18. Schweitzer AD. *Theory of translation: status, problems, aspects*. Moscow: Nauka; 1988:215 (in Russian).

Об авторах

ШАРИНА Айза Александровна – магистрант кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: sirius.let02@gmail.com

СТРУЧКОВА Валерия Сергеевна – ученица 10 класса, МБОУ «Дюпсунская СОШ имени И.Н. Жиркова», с. Дюпсун МР «Усть-Алданский район», РС (Я), Российская Федерация, e-mail: valeriastruchkova51@mail.ru

СИВЦЕВА Ньургуйаана Алексеевна – учитель якутского языка и литературы, заместитель директора по учебно-методической работе, МБОУ «Дюпсунская СОШ имени И.Н. Жиркова», с. Дюпсун МР «Усть-Алданский район», РС (Я), Российская Федерация, e-mail: sivsevana74@mail.ru

ИВАНОВА Саргылана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3442-359X, SPIN: 8085-8390, e-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

АНДРОСОВА Мария Александровна – магистрант кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, e-mail: andromash59@gmail.com

About the authors

Aiza A. SHARINA – Master's student, Department of Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, e-mail: sirius.let02@gmail.com

Valeria S. STRUCHKOVA – a student of the 10th grade, I. N. Zhirkov Dyupsyun secondary school, Ust-Aldansky District, e-mail: valeriastruchkova51@mail.ru

Nurguyaana A. SIVTSEVA – teacher of the Yakut language and literature, Deputy Director, I. N. Zhirkov Dyupsyun secondary school, Ust-Aldansky District, e-mail: sivsevana74@mail.ru

Sargylana V. IVANOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0003-3442-359X, SPIN: 8085-8390, e-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

Maria A. ANDROSOVA – Master's student, Department of Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, e-mail: androsdash59@gmail.com

Вклад авторов

Шарина А. А. – разработка концепции, ресурсное обеспечение исследования, создание черновика рукописи.

Стручкова В. С. – проведение исследования, визуализация.

Сивцева Нь. А. – разработка концепции, проведение статистического анализа, создание черновика рукописи.

Иванова С. В. – руководство исследованием, методология, редактирование рукописи.

Андросова М. А. – ресурсное обеспечение исследования, администрирование данных, редактирование рукописи.

Authors' contribution

Aiza A. Sharina – conceptualization, resources, writing – original draft.

Valeria S. Struchkova – investigation, visualization.

Nurguyaana A. Sivtseva – conceptualization, formal analysis, writing – original draft.

Sargylana V. Ivanova – supervision, methodology, writing – review & editing.

Maria A. Androsova – resources, data curation, writing – review & editing.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию / Submitted 24.05.2025

Принята к публикации / Accepted 23.06.2025

— ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ —

Сообщение

Биобиблиографический указатель, посвященный доктору филологических наук Николаю Николаевичу Ефремову

Н. А. Сивцева✉

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ sivna@mail.ru

3 апреля 2025 г. в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лексической и грамматической семантики», приуроченная к 75-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Саха (Якутия), заслуженного ветерана Сибирского отделения РАН, заслуженного деятеля науки Сибирского отделения РАН, главного научного сотрудника отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, ведущего якутоведа и тюрколога, доктора филологических наук Николая Николаевича Ефремова. Участникам данного мероприятия было представлено издание «Ефремов Николай Николаевич: биобиблиографический указатель» (Якутск, 2025), подготовленное с целью широко и полно представить научную и просветительскую деятельность д. филол. н. Николая Николаевича Ефремова, автора более 300 научных работ, в том числе 10 монографий, за период с 1979 по 2025 гг. Издание, предназначенное для

научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется вопросами тюркологии и якутского языкознания, содержит сведения о трудовой деятельности, наградах д. филол. н. Н. Н. Ефремова, включает более 400 библиографических записей на монографии, словари, статьи, рукописи диссертаций, научно-исследовательских отчетов и научных проектов на русском, якутском и других языках, сгруппированных в хронологическом порядке по алфавиту.

Издание предваряют предисловие от составителей и сведения о трудовой деятельности Николая Николаевича. В нем также представлена статья д. филол. н., проф. А. А. Петрова, посвященная Н.Н. Ефремову как об исследователе современных направлений якутского языкознания. Отмечая, что достижения

Н. Н. Ефремова на научном поприще по достоинству отмечены такими высокими наградами, как орден Русской Православной Церкви святителя Макария Митрополита Московского 3 степени (2012), Почетная грамота Постоянного комитета по науке и образованию Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) (2014), нагрудный знак «За заслуги в области науки» Госкомитета Республики Саха (Якутия) по инновационной политике и науке (2015), Почетная грамота Российской академии наук (2017), премия Главы Республики Саха (Якутия) в области сохранения, изучения и развития родных языков им. С.А. Новгородова (2020) и др., проф. А. А. Петров пишет о трудах д. филол. н. Н. Н. Ефремова следующее: «Труды Н. Н. Ефремова, вызывая интерес как в России, так и за рубежом, оказали и оказывают плодотворное влияние на дальнейшее развитие синтаксических и функционально-семантических изысканий в якутском и в других тюркских языках»*.

Библиография издания состоит из следующих разделов, соответствующих направлениям научно-просветительской деятельности д. филол. н. Н. Н. Ефремова: «Авторефераты, рукописи диссертаций», «Монографии, словари, учебные пособия», «Научно-популярные издания», «Отчеты о научно-исследовательских работах, научных проектах», «Базы данных», «Научные статьи», «Статьи в СМИ», «Переводы», «Участие в коллективе составителей», «Редактирование», «Научное консультирование», «Рецензирование». В отдельном разделе представлены «Публикации о Н. Н. Ефремове».

Николай Николаевич известен как автор идеи о моноцентрическом характере системы якутского языка, связанной с явлением постпозитивной языковой агглютинации, которым регулируются система и структура якутского языка. В его трудах система сложного предложения представлена как множество, состоящее из синонимических (квазисинонимических) синтетических (ядерных) и аналитических (периферийных) конструкций, что обусловлено принципом экономного использования грамматических средств в синтаксической структуре якутского языка. Выдвинутая им идея о единой базовой атрибутивной модели (ЕБМ) в якутском и тюркских языках позволяет целостно осветить систему языка. В его трудах на базе концептов о моноцентрическом характере системы якутского языка, полипредикативного синтаксиса и функциональной эквивалентности представляется описание системы, структуры и семантики якутских грамматических форм и конструкций, применяется и развивается методика структурно-семантического моделирования языковых единиц разного уровня на материале тюркских языков. Н. Н. Ефремов является соавтором учебных пособий «Курс якутской грамматики» (Якутск, 2004), «Изучающим якутский язык» (Якутск, 1990). В 1992–2008 гг., читая по подготовленным фундаментальным трудам и изданиям лекции, преподавал, по совместительству работал в должности доцента, профессора в Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова (бывш. Якутском государственном университете им. М.К. Аммосова). Сведения о научных трудах и статьях д. филол. н. Н. Н. Ефремова изложены в разделах «Авторефераты, рукописи диссертаций», «Монографии, словари, учебные пособия», «Отчеты о научно-исследовательских работах, научных проектах», «Базы данных», «Научные статьи», «Участие в коллективе составителей» изданного биобиблиографического указателя.

Н. Н. Ефремов принимает активное участие в разработке словарей разного типа: «Орфографического словаря якутского языка» (2002), известного как самого большого по объему лексикографического источника по якутской лексикографии, отражающего лексику якутского литературного языка конца XX – начала XXI вв., «Понятийно-терминологического русско-якутского словаря по психологии» (2006), отраслевого терминологического словаря, в котором широко использованы терминообразующие средства языка и заглавные

психологические термины впервые переведены на якутский язык*. Николай Николаевич принял непосредственное участие в подготовке «Большого толкового словаря якутского языка» (2004–2018) в качестве составителя, редактора и рецензента. Выходные данные словарных изданий, опубликованных при участии Н. Н. Ефремова, содержатся в таких разделах указателя, как «Монографии, словари, учебные пособия», «Участие в коллективе составителей», «Редактирование», «Рецензирование».

Заметное место среди работ Н. Н. Ефремова занимают статьи и публикации, посвященные жизни и деятельности крупных исследователей Якутии и Сибири, различным вопросам истории и культуры родного края. Он является автором и соавтором научно-популярных изданий «Мээндиги быянг дойдута» (2000); «Амгинский улус: история, культура, фольклор» (2001); «В. Н. Васильев» (2003), «Афанасьев Николай Егорович» (Якутск, 2011) и др.; редактором историко-краеведческих изданий Л. Л. Александрова «Амга слобода» (Якутск, 1997), «Таптыыр, ахтар Алтаммыт» (Дьокуускай, 2002); «Мукучу нэһилиэгин былыргыттан» (Дьокуускай, 2006), М. А. Алексеева «А. П. Рязанский» (Дьокуускай, 2023) и др. Информация об этих изданиях содержится в таких разделах указателя, как «Научно-популярные издания», «Статьи в СМИ», «Переводы», «Участие в коллективе составителей», «Редактирование», «Научное консультирование», и «Рецензирование».

Николай Николаевич, являясь переводчиком учебника «Основы православной культуры» (2012) на якутский язык, филологическим редактором якутских переводов православной литературы («Новый Завет» (2004, 2008); «Детская Библия» (2016); книг «Ветхого Завета» – «Бытие», «Исход», (2021; 2022)), ответственным редактором издания «Сокращенный Катехизис, для обучения юношества Православному закону Христианскому» (2024) и др., с интересом принимает участие в деле распространения духовных знаний. Сведения об указанных изданиях можно найти в разделах указателя «Переводы» и «Редактирование».

Библиографические записи указателя составлены в соответствии с ГОСТами 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», 7.0.12-2011 «Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на русском языке. Общие требования и правила», 7.80-2000 «Библиографическая запись. Заголовок. Общие требования и правила составления». Библиографические описания даются на языке текста издания, документы на якутском и других языках сопровождаются переводом на русский язык.

При составлении настоящего указателя, изданного в серии «Ученые-исследователи ИГиИПМНС СО РАН», использованы материалы из личного архива Н. Н. Ефремова, справочно-библиографический аппарат Научной библиотеки ИГиИПМНС СО РАН, Центральной научной библиотеки ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН», Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), обследованы библиографические источники, как «Библиография Якутии» (1932–2022 гг.): «Якутский язык», «Якутский героический эпос олонхо» и др.

Электронный вариант издания «Ефремов Николай Николаевич: биобиблиографический указатель» (Якутск, 2025) размещен на сайте Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в разделе «Публикации», с изданием можно ознакомиться по следующей ссылке: https://igi.ysn.ru/?page_id=2238.

*ЕФРЕМОВ Николай Николаевич: биобиблиографический указатель / Федеральный исследовательский центр «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН; составители: Е.А. Васильева, С.М. Попова, Н.А. Сивцева. – Якутск: издатель В.В. Габышева, 2025. – 88 с. – (Ученые-исследователи ИГиИПМНС СО РАН).

The biobibliographic index dedicated to Doctor of Philological Sciences Nikolai N. Efremov

Natalia A. Sivtseva✉

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk, Russia

✉ sivna@mail.ru

On April 3, 2025, the Institute for Humanities Research and Indigenous Peoples Studies of the North, SB RAS, hosted the All-Russian scientific and practical conference “Current issues of lexical and grammatical semantics” dedicated to the 75th anniversary of the birth of Nikolai Nikolaevich Efremov, Honored Scientist of the Sakha Republic (Yakutia), Honored Veteran of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Yakut Language Department of the Institute for Humanities Research and Indigenous Peoples Studies of the North, SB RAS, leading Yakutologist and Turkologist, Doctor of Philological Sciences. Participants of this event witnessed the presentation of “Efremov Nikolay Nikolaevich: Biobibliographic Index” (Yakutsk, 2025) prepared with the aim of widely and fully presenting the scientific and educational activities of Doctor Efremov, the author of more than 300 scientific works, including 10 monographs, for the period from 1979 to 2025. Intended for researchers, teachers, postgraduates, students and anyone interested in issues of Turkology and Yakut linguistics, the publication contains information about the work activity and awards of Doctor Efremov, includes more than 400 bibliographic entries for monographs, dictionaries, articles, dissertation manuscripts, research reports and research projects in Russian, Yakut and other languages, grouped in chronological order alphabetically.

The publication is preceded by a preface from the compilers and information about the work of Doctor Efremov. It also contains an article by Doctor of Philological Sciences, Professor Aleksander A. Petrov, dedicated to Nikolai N. Efremov as a researcher of modern trends in Yakut linguistics. Noting that the achievements of Nikolai N. Efremov in the scientific field have been duly awarded with such high awards as the Order of the Russian Orthodox Church of St. Macarius Metropolitan of Moscow, 3rd degree (2012), Certificate of Honor of the Standing Committee on Science and Education of the State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia) (2014), badge of Honor “For Merit in the Field of Science” of the State Committee of the Sakha (Republic Yakutia) in innovation policy and science (2015), Certificate of Honor of the Russian Academy of Sciences (2017), award from the Head of the Sakha Republic (Yakutia) in the field of preservation, study and development of native languages named after Semen A. Novgorodov (2020) and others. Professor Aleksander A. Petrov writes about the works of Doctor of Philological Sciences Nikolai N. Efremov the following: “Efremov’s works, arousing interest both in Russia and abroad, have had a fruitful influence on the further development of syntactic and functional-semantic research in Yakut and other Turkic languages” [1, pp. 12–13].

The bibliography of the publication consists of the following sections corresponding to the areas of scientific and educational activities of Doctor Efremov: “Abstracts, dissertation manuscripts”, “Monographs, dictionaries, teaching aids”», “Popular science publications”, “Reports on research work, scientific projects”, “Databases”, “Scholarly articles”, “Articles in the media”, “Translations”, “Participation in the team of compilers”, “Editing”, “Academic consulting”, “Reviewing”. A separate section presents “Publications about N.N. Efremov”.

Nikolai N. Efremov is known as the author of the idea of the monocentric nature of the Yakut language system, associated with the phenomenon of postpositive linguistic agglutination, which regulates the system and structure of the Yakut language. In his works, the system of a complex sentence is presented as a set consisting of synonymous (quasi-synonymous) synthetic (core) and analytical (peripheral) constructions, which is due to the principle of economical use of grammatical means in the syntactic structure of the Yakut language. His idea of a single basic attribute model (SAM) in the Yakut and Turkic languages allows for a comprehensive coverage of the language system. In his works, based on the concepts of the monocentric nature of the Yakut language system, polypredicative syntax and functional equivalence, a description of the system, structure and semantics of the Yakut grammatical forms and constructions is presented, and a methodology for structural and semantic modeling of language units of different levels is applied and developed using the material of the Turkic languages. Nikolai N. Efremov is a co-author of the study guide “Yakut Grammar Course” (Yakutsk, 2004), “Learning the Yakut Language” (Yakutsk, 1990). In 1992–2008, giving lectures on prepared fundamental works and publications, he taught and worked part-time as an associate professor and professor at the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (formerly M. K. Ammosov Yakutsk State University). Information about scholarly works and articles by Doctor Efremov are presented in the sections “Abstracts, dissertation manuscripts”, “Monographs, dictionaries, teaching aids”, “Reports on research work, scientific projects”, “Databases”, “Scholarly articles”, “Participation in the team of compilers” of the published biobibliographic index.

Nikolai N. Efremov takes an active part in the development of various types of dictionaries: the “Orthographic Dictionary of the Yakut Language” (2002), known as the largest lexicographical source on Yakut lexicography in terms of volume, reflecting the vocabulary of the Yakut literary language of the late 20th – early 21st centuries; the “Conceptual and Terminological Russian-Yakut Dictionary of Psychology” (2006), an industry terminological dictionary that makes extensive use of term-forming means of the language and the main psychological terms have been translated into the Yakut language for the first time [Ibid., p. 10]. Nikolai Nikolaevich took a direct part in the preparation of the “Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language” (2004–2018) as a compiler, editor and reviewer. The output data of dictionary editions published with the participation of Nikolai N. Efremov are contained in such sections of the index as “Monographs, dictionaries, teaching aids”, “Participation in the team of compilers”, “Editing”, “Reviewing”.

A prominent place among the works of Nikolai N. Efremov is occupied with articles and publications devoted to the life and work of major researchers of Yakutia and Siberia, various issues of the history and culture of his native land. He is the author and co-author of the popular science publications “Maendigi byyаҥ doҕyта” (2000); “Amginsky ulus: history, culture, folklore” (2001); “V. N. Vasiliev” (2003), “Afanasyev Nikolai Egorovich” (Yakutsk, 2011), etc.; editor of historical and local history publications L. L. Aleksandrov’s “Amga Sloboda” (Yakutsk, 1997), “Taptyyr, Akhtar Altammyt” (Dyokuuskai, 2002); “Mukuchu nehiliegin bylyrgytyttan” (Yakutsk, 2006), M. A. Alekseeva “A. P. Ryazanskaya” (Yakutsk, 2023), etc. Information about these publications is contained in such sections of the index as “Popular science publications”, “Articles in the media”, “Translations”, “Participation in the team of compilers”, “Editing”, “Academic consulting”, and “Reviewing”.

Nikolai N. Efremov, being a translator of the textbook “Fundamentals of Orthodox Culture” (2012) into the Yakut language, a philological editor of Yakut translations of Orthodox literature (“New Testament” (2004, 2008); “Children’s Bible” (2016); books of the “Old Testament” – “Genesis”, “Exodus”, (2021; 2022)), editor-in-chief of the publication “Abridged Catechism for

Teaching the Young People the Orthodox Christian Law” (2024), etc., takes part with interest in the dissemination of spiritual knowledge. Information about these publications can be found in the “Translations” and “Editing” sections of the index.

The bibliographic entries of the index are compiled in accordance with state standards 7.1-2003 “Bibliographic entry. Bibliographic description. General requirements and rules for compilation”, 7.0.12-2011 “Bibliographic entry. Abbreviations of words and phrases in Russian. General requirements and rules”, 7.80-2000 “Bibliographic entry. Heading. General requirements and rules for compilation”. Bibliographic descriptions are given in the language of the publication text; documents in Yakut and other languages are accompanied by a translation into Russian.

When compiling this index, published in the series “Researcher Scientists of the Institute for Humanities Research and Indigenous Peoples Studies of the North, SB RAS”, materials from the personal archive of Nikolai N. Efremov, the reference and bibliographic apparatus of the Scientific Library of the Institute for Humanities Research and Indigenous Peoples Studies of the North, SB RAS, the Central Scientific Library of the Federal Research Center “Yakut Scientific Center SB RAS”, the National Library of the Sakha Republic (Yakutia) were used, a number of bibliographic sources, such as “Bibliography of Yakutia” (1932–2022): “Yakut language”, “Yakut heroic epic Olonkho”, etc. were examined.

The electronic version of the publication “Efremov Nikolai Nikolaevich: biobibliographic index” (Yakutsk, 2025) can be found on the website of the Institute for Humanities Research and Indigenous Peoples Studies of the North, SB RAS, in the “Publications” section at the following link https://igi.ysn.ru/?page_id=2238.

Efremov Nikolay Nikolaevich: biobibliographic index. Federal Research Center “Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”, Institute for Humanities Research and Indigenous Peoples Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; compilers: E.A. Vasilyeva, S.M. Popova, N.A. Sivtseva. Yakutsk: publisher V.V. Gabysheva, 2025:88 (Research scientists of the Institute of Geological Sciences and Physical Culture of the SB RAS).

Об авторе

СИВЦЕВА Наталия Александровна – кандидат филологических наук, заместитель директора, ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН», ORCID: 0000-0001-5569-022X, Author ID: 530470, SPIN-код: 6218-1988, e-mail: sivna@mail.ru.

About the author

Natalia A. SIVTSEVA – Cand. Sci. (Philology), Deputy Director, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0001-5569-022X, Author ID: 530470, SPIN-код: 6218-1988, e-mail: sivna@mail.ru.

Поступила в редакцию / Submitted 14.05.2025

Принята к публикации / Accepted 06.06.2025

Сообщение

Присвоение имени Степана Константиновича Колодезникова кабинету якутского языка и литературы

Н. С. Сивцева✉Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация✉dotsent2022@bk.ru

Историческая справка

Кафедра методики преподавания якутского языка, литературы и национальной культуры была основана 25 марта 1992 г. Первым заведующим кафедрой стал доцент, кандидат педагогических наук Степан Константинович Колодезников. Его вклад в развитие кафедры и изучение якутского языка трудно переоценить.

Научная деятельность

Под руководством профессора Колодезникова проводились интенсивные курсы якутского языка для зарубежных стажеров. Ежегодно кафедра принимала от 4 до 6 иностранных студентов, желающих изучить этот уникальный язык. Среди них были представители различных стран, включая Венгрию, Канаду, Турцию, Бразилию, Корею, США, Японию, Польшу, Германию, Норвегию, Австрию, Швецию и Францию.

За последние годы было подготовлено значительное количество специалистов в области изучения якутского языка. Под руководством С. К. Колодезникова успешно защищены две докторские диссертации в престижных вузах мира – Будапештском университете им. Лорана Этвоша (Венгрия) и Университете Британской Колумбии (Канада).

Учебно-методическая работа

Кафедра активно занималась разработкой учебно-методической базы. Была создана научно-исследовательская лаборатория, занимающаяся проблемами теории и методики обучения родному языку, литературе и культуре народов Северо-Восточной части Российской Федерации в контексте диалога культур в поликультурном образовательном пространстве.

По инициативе и под руководством Степана Константиновича была разработана серия школьных учебных пособий по якутскому языку для учащихся с 5 по 9 классы. Эти пособия используются в образовательных учреждениях Якутии и способствуют сохранению и развитию родного языка.

Кроме того, профессор Колодезников принимал активное участие в создании учебников и мультимедийных учебных пособий по якутской литературе для школьников с 5 по 11 класс. Это позволило сделать процесс обучения более доступным и интересным для учеников.

Международное сотрудничество

Важнейшей частью деятельности кафедры является международное сотрудничество. Профессор Степан Константинович Колодезников возглавлял тему «Обучение якутскому языку иноязычных граждан как государственному». Эта инициатива привела к значительному увеличению числа иностранных студентов, изучающих якутский язык.

Среди выпускников курсов можно отметить выдающихся ученых и преподавателей, ставших профессорами в ведущих мировых университетах. Например, Сьюзи Крейт (США, Университет Джорджи), Мурат Ерсе́з (Турция, Университет Гази), Лиля Дзоя

(Италия, Туринский университет), Ямосита Массами (Япония), Саюра Эхара (Япония, Университет Хоккайдо), Сюзен Хикс (Канада, Университет Британской Колумбии) и Чаба Мессарож (Венгрия, Будапештский университет).

Итоги сотрудничества выражаются в научных публикациях и переводе литературных произведений. Так, под руководством Колодезникова опубликованы три монографии (авторы: Сюзи Крейт, Канг Дуксу, Джонг Вон Канг) и два перевода олонхо (Канг Дуксу, Мурат Ерсёз).

Итоги

Присвоение имени Степана Константиновича Колодезникова кабинету якутского языка и литературы в Тандинской средней школе имени М.Н. Готовцева Усть-Алданского улуса Республики Саха (Якутия) стало закономерным итогом многолетнего труда ученого и педагога. Этот акт подчеркивает важность сохранения и развития родного языка, способствует повышению интереса к изучению якутского языка среди молодежи и укреплению международных связей.

Таким образом, имя Степана Константиновича Колодезникова станет символом преемственности традиций, уважения к истории и гордости за достижения научной школы Якутии.

Review

Giving the name of Stepan Konstantinovich Kolodeznikov to the class of the Yakut language and literature

Natalia S. Sivtseva✉

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ dotsent2022@bk.ru

Historical background

The Department of Teaching Methods of the Yakut language, Literature and National Culture was founded on March 25, 1992. The first head of the department was Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences Stepan Konstantinovich Kolodeznikov. His contribution to the development of the department and the study of the Yakut language cannot be overestimated.

Scientific activity

Professor Kolodeznikov initiated intensive Yakut language courses for foreign interns. Every year, the Department accepted from 4 to 6 international students who wanted to learn this unique language. Among them were representatives from various countries, including Hungary, Canada, Turkey, Brazil, Korea, the USA, Japan, Poland, Germany, Norway, Austria, Sweden, and France.

In recent years, a significant number of specialists have been trained in the field of teaching the Yakut language. Under Kolodeznikov's supervision, two doctoral dissertations were successfully defended at prestigious universities of the world — Etvos Laurent Budapest University (Hungary) and the University of British Columbia (Canada).

Educational and methodological work

The department was actively engaged in the development of an educational and methodological base. The research laboratory has been dealing with the issues of theory and methodology of teaching the first languages, literatures and cultures of the peoples of the northeastern part of the Russian Federation in the context of a dialogue of cultures in a multicultural educational space.

On the initiative and under the guidance of Professor Kolodeznikov, a series of school textbooks on the Yakut language was developed for students from grades 5 to 9. These manuals are used in educational institutions of Yakutia and contribute to the preservation and development of the native language.

In addition, Professor Kolodeznikov took an active part in the creation of textbooks and multimedia textbooks on Yakut literature for schoolchildren from 5th to 11th grade. This made the learning process more accessible and interesting for students.

International cooperation

The most important part of the department's activities is international cooperation. Professor Kolodeznikov headed the topic "Teaching the Yakut language to foreign-speaking citizens as a state language." This initiative led to a significant increase in the number of international students studying the Yakut language.

Among the graduates of the courses, outstanding scholars and instructors who have become professors at the world's leading universities can be noted: for example, Suzy Crate (USA, University of Georgia), Murat Ersez (Turkey, Gazi University), Lia Zola (Italy, University of Turin), Yamoshita Massami (Japan), Sayura Ehara (Japan, Hakaida University), Susan Hicks (Canada, University of British Columbia) and Csaba Meszaros (Hungary, Budapest University).

The results of the collaboration are expressed in scholarly publications and the translation of literary works. Thus, under Kolodeznikov's leadership, three monographs were published (authors: Suzy Crate, Kang Duk-soo, Jong Won Kang) and two translations of olonkho (Kang Duk-soo, Murat Ersez).

Results

Giving the name of Stepan Konstantinovich Kolodeznikov to the class of the Yakut language and literature at the M.N. Gotovtsev Tanda Secondary school in Ust-Aldansky District, Sakha Republic (Yakutia), was the natural result of many years of the scholar's and professors' work. This act underlines the importance of preserving and developing the native language, helps to increase interest in learning the Yakut language among young people and strengthen international relations.

Thus, the name of Stepan Konstantinovich Kolodeznikov will become a symbol of continuity of traditions, respect for history and pride in the achievements of the scientific school of Yakutia.

Об авторе

СИВЦЕВА Наталия Сергеевна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой методики преподавания якутского языка, литературы и национальной культуры Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID:0000-0001-5785-5411, SPIN: 5223-4263, dotsent2022@bk.ru

About the author

Natalia S. SIVTSEVA – Cand. Sci. (Philology), Head of the Department of Methods of Teaching the Yakut Language, Literature and National Culture, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID:0000-0001-5785-5411, SPIN: 5223-4263.

Поступила в редакцию / Submitted 30.04.2025

Принята к публикации / Accepted 06.05.2025

АЛТАИСТИКА

Электронное научное периодическое издание

№ 2 (17) 2025

Технический редактор *Н. В. Дмитриева*

Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 30.06.2025. Формат 70х108/16.

Дата выхода в свет 30.06.2025.